ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[11] 2010

КАТАЛОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: "МОЙ ЯЗЫК — ЭТО МОЯ РОДИНА"

Основан в 1955 году

Редакция *ИЛ* благодарит
за помощь в создании номера и
финансовую поддержку
Институт Рамона Льюля

institut
ramon llull

Каталанский язык и культура

"Мой язык — это моя Родина"[1]

В этом номере читателям предоставляется возможность прочесть произведения, написанные на каталанском языке в различных областях Испании и на юге Франции. Этот язык является официальным в государстве Андорра, а также — наравне с испанским — в Автономном сообществе Каталония и имеет славные литературные традиции. На этом языке написал часть своих произведений Рамон Льюль, средневековый философ и поэт, на нем Жуанот Мартурель в XV веке создал роман "Тирант Белый", о котором — устами персонажей "Дон Кихота" — с уважением отзывался Сервантес.

Судьба этого языка на протяжении последних трех веков была непростой, его запрещали, изгоняли из школ и университетов, но он каждый раз оправлялся после очередного удара. После победы демократии в Испании, каталанский язык восстановил свои утраченные в годы франкизма права.

За последние десятилетия можно было наблюдать бурное развитие каталонской литературы. И если пятьдесят лет тому назад писатели в большинстве своем тяготели к реалистическому письму, стремясь запечатлеть в них свои детские воспоминания, отразить картинки жизни, описать каждый уголок своей Родины, то теперь они решительно осваивают все жанры литературы, новые литературные формы.

Читатели в России за последние тридцать пять лет смогли познакомиться с произведениями мастеров каталонской прозы (Пере Кальдерса, Кима Мунзо, Бланки Бускетс, Альберта Санчеса Пиньоля и многих других), поэзии (сборники "Огонь и розы" и "Тень другого моря"), драматургии (сборник "Барселонские премьеры").

В последние годы на страницах журнала "Иностранная литература" не раз появлялись произведения выдающихся авторов XX века, таких как Мерсе Родореда и Сальвадор Эсприу.

1. Из речи, произнесенной каталонским писателем Жауме Кабре 14 июня 2010 года на церемонии вручения ему премии Чести Каталонской словесности.

Номер, который вы держите в руках — особый, впервые он целиком посвящен каталонской культуре. В разделе прозы мы представляем произведения, написанные за последнее десятилетие. Однако в разделах поэзии и публицистики мы решили не придерживаться этого правила. Вы сможете познакомиться с поэтами различных поколений: от классика XIX века Жасинта Вердаге до молодого современного поэта Мелсиона Матеу. А в разделе публицистики прочитаете отрывки из различных книг Жузепа Пла, внимательного наблюдателя жизни, понять душевный настрой одного из энтузиастов литературного творчества на родном языке, Жузепа Марии Эспинаса, почувствовать боль Жуана Даниэля Безсоноффа, каталонского писателя из маленького городка на юге Франции. Кроме того, мы смогли поговорить с болельщиком барселонского футбольного клуба "Барса" Альбертом Санчесом Пиньолем об этом — безусловно, значительном — общественном явлении и воспользовались случаем рассказать о каталонских традициях и каталонских праздниках.

В пределах одного номера невозможно показать все богатство каталонской культуры, остается надеяться, что за этой публикацией последуют другие, которые помогут читателям в России узнать и понять ее.

Нина Аврова-Раабен,
составитель номера

[11]
2010

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный литературно-художественный журнал

"Мой язык — это моя Родина"

5 Жуан Понс *Барбаросса.* Роман. Перевод Екатерины Гущиной

120 Жуан Казас Фустер *Последний день творения.* Пьеса. Перевод Нины Авровой-Раабен

Антология рассказа

154 Ким Мунзо *Любовь до гроба.* Перевод Нины Авровой-Раабен

162 Альберт Санчес Пиньоль *Баллада об убывающем кашалоте.* Перевод Нины Авровой-Раабен

166 Тереза Солана *Дар.* Перевод Александры Гребенниковой

180 Альберт Мас-Гриера *Солнечная машина, или В тот день я раздал множество поцелуев.* Перевод Нины Авровой-Раабен

190 Мария Барбаль *Из сборника "Горячка времени".* Перевод Марины Киеня

Из каталонской поэзии

200 Жасинт Вердаге *"Я, Господи, у ног Твоих..."* Перевод и вступление Ксении Дьяконовой

205 Жузеп Карне *"Острова одиночеств".* Перевод и вступление Марии Игнатьевой

210 Пере Жимферре *Из ранних книг.* Перевод и вступление Бориса Дубина

219 Мелсион Матеу *"...когда раскупят все мои стихи".* Перевод и вступление Ксении Дьяконовой

Документальная проза

224 Жузеп Пла *Моя страна.* Фрагменты книги. Перевод Марины Киеня

234 Жузеп М. Эспинас *Моя профессия.* Главы из книги. Перевод Марины Киеня

247 Жуан Даниэль Безсонофф *Из книг "Карманная страна" и "Французское воспитание".* Перевод Александры Гребенниковой

Статьи, эссе

258 Щавьер Терос *Festum Catalanorum.* Перевод Надежды Беленькой. Под редакцией Нины Авровой-Раабен

269 Алексей Мокроусов *Потаенная столица модерна*

Наши интервью

275 *"Барса" – это больше, чем клуб.* Интервью с Альбертом Санчесом Пиньолем. Запись и перевод беседы Нины Авровой-Раабен

Библиография

281 *Каталонская литература на страницах "ИЛ"*

Авторы номера

282

© "Иностранная литература", 2010

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева
заведующая отделом художественной литературы

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская
заведующая отделом критики и публицистики

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
Т. Д. Венедиктова
А. М. Гелескул
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Г. М. Дашевский
Б. В. Дубин
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
А. В. Михеев
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили
А. И. Эппель

Международный совет:

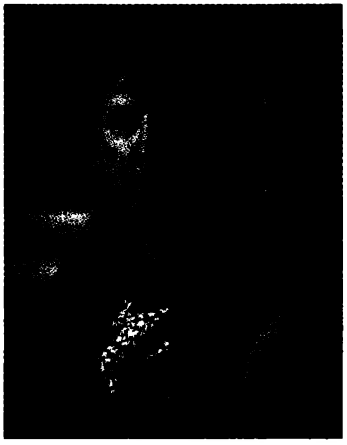
Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Тонино Гуэрра
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Кэндзабуро Оэ
Умберто Эко

Редакция :

Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
А. Ю. Лешневская
Е. М. Мамардашвили
Е. А. Полякова
К. Я. Старосельская
М. Н. Томашевская
Л. Г. Харлап
А. Ю. Шередега

Журнал выходит при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации, Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и фонда "Президентский центр Б. Н. Ельцина"

Жуан Понс



Барбаросса

Роман

Перевод Екатерины Гущиной

1 Микеланджело расписывал фресками Сикстинскую капеллу, Коперник пытался изменить взаимосвязь человека и Вселенной, а Рожер Женестар ловил птиц.

Несколькими годами ранее Большой совет города Вероны учредил трибунал инквизиции; Гутенберг изобрел печатный станок; Макиавелли написал трактат "Государь" и тем заложил основы современного государства; Колумб совершил свои четыре путешествия в Америку, откуда привез табак и шоколад; Фердинанд II[1] завоевал Оран, Бужию и Триполи, а коварные братья Барбаросса, дабы помочь в этой территориальной и одновременно духовной борьбе Востока с Западом, опустошали Средиземноморье и душили торговлю, что способствовало упадку каталонских земель.

Рожер Женестар всего этого не знал.

Он не умел читать.

© Joan Pons, 2006
© RBA Libros, 2006
© Екатерина Гущина. Перевод, 2010
Фото Jordi Play.

1. Фердинанд Арагонский, или Фердинанд Католик (1452–1516) – король Арагона, Кастилии, Сицилии и Неаполя. Правил вместе со своей супругой, королевой Изабеллой Кастильской (1451–1504). Играл существенную роль в европейской политике, в частности, стремился утвердить господство Испании над всем побережьем Северной Африки. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Шел 1512 год от Рождества Христова.

Рожер Женестар ловил птиц.

2 Сколько же их — этих воробьев!

Точнее — вьюрков.

Зеленушки, щеглы, чечетки, соловьи; а еще — дрозды, горлинки, голуби, щурки, зимородки и зяблики. Он ловил их при помощи липучек-приманок летом, когда птицы прилетали, чтобы напиться из водоемов, поилок для скота, ямок в камнях, родников и ключей. Мастерил маленькие клетки из стеблей рогоза, ковыля[1], ломоноса и продавал морякам с кораблей, бросавших якорь в порту Маон[2].

В порту не смолкал птичий гомон и щебет; даже когда фелюги, тартаны и галеасы[3] выходили в открытое море, их сопровождали певчие трели.

Ему исполнилось четырнадцать, и он был птицеловом.

Браконьером.

Ловил птиц.

Певчих птиц.

3 Он беззвучно скользил сквозь кустарник, аккуратно раздвигая ветки и наступая на сухую дубовую листву, — будто шагал по облакам; сдерживал дыхание, словно сам был деревом. Деревом в лесу. Лишь так можно было стать невидимкой — и для птиц, и для собак, стерегущих чужие угодья.

Их хозяева хотели бы его поймать.

За незаконную охоту сажают в тюрьму.

Многие птицы предпочли бы умереть, чем сидеть в одиночной камере — своей клетке.

4 Время от времени компанию ему составляла одна девочка. Она тоже жила в самой дальней части порта — возле садов Святого Иоанна, в известняковой пещере. Родителями ее были берберский рыбак (бывший раб, отпущенный на волю) и христианка. Она умела плести сети и делать птичьи клетки из стеблей рогоза, ковыля и ломоноса.

1. Испанский ковыль (местное название — эспарто) — многолетняя трава, идущая на изготовление плетеных изделий, ткани и бумаги. В Испании и Северной Африке эспарто образует обширные заросли.
2. Столица острова Менорка. Город Маон расположен в одной из крупнейших гаваней, которая протянулась на 5 км вглубь острова, что делает ее одним из важнейших стратегических пунктов Средиземного моря.
3. Фелюга — небольшое парусное судно прибрежного плавания, в Средиземном море использовалось для перевозки грузов или для рыбного промысла. Тартан — одномачтовый рыболовный парусник. Галеас — военный парусно-гребной корабль, в XVI–XVII вв. состоявший на вооружении многих стран Европы. Представлял собой усовершенствованную крупную галеру.

5 Ее звали Франсеска Лопис.

Она была светлокожей, голубоглазой, но вечно перепачканной сажей и угольной пылью, да и ходила всегда босиком.

Когда они купались в прибрежных бухтах или на мысу у себя в дальнем конце порта, Рожер видел белую кожу, словно сияющую изнутри, и у него перехватывало дыхание.

Франсеска говорила мало, зато была знакома с портовыми рыбаками и моряками, что приплывали на остров со всех концов света.

А еще она знала все тайные проходы через портовые стены, по ночам захлопывавшиеся, словно волчья пасть.

6 Очень многие хотели бы поймать птицелова. У сторожа поместья Рафал был черный пес с желтыми горящими глазами. Здоровый и крепкий, подобно своему хозяину, он, когда пил из луж и ручьев, загребал воду языком, как лопатой. Рожер смотрел на него, укрывшись за кустами цветущего дрока. Птицелов, чтобы обмануть острый нюх пса, натер тело смесью из толченых листьев мастичного дерева[1] и золы. Он вцепился в плетеные птичьи клетки, висящие у него на поясе, и замер, надеясь, что сторож не обнаружит никаких следов.

Стать деревом.

Да он и есть дерево.

Мастерит клетки из стеблей рогоза и делает липучую приманку из плодов ремнецветника[2].

7 Сторож задумчиво всматривался в линию горизонта. Какой-то парусник словно повис между небом и водой. Будто нота на нотном стане.

Из своего укрытия Рожер видел ту же музыку. Он представлял себе, как его разноцветные птички будут заливаться на все лады — в клетках из стеблей рогоза, ковыля и пальмовых листьев — на палубе корабля.

Он почти даже слышал эту музыку.

Казалось, что ее доносит до него морской бриз, снимая звуки с нотных линеек горизонта.

8 Сторожа звали Жулиа, у него были жена и шестеро маленьких детей. Жили они в небольшой хижине, сложенной из камня, принадлежащего владельцу поместья Рафал. Дом

1. Вечнозеленый средиземноморский кустарник, содержащий специфическую ароматную смолу, называемую мастиксом или мастиковой смолой.
2. Растение, в мякоти плодов которого содержится клейкая масса, называемая в народе "птичий клей".

их стоял недалеко от моря, и это было первое жилье, которое встречали на своем пути пираты, высаживаясь на берег. Высокий берег, густые заросли гарриги[1], в которых кермесовый дуб соседствовал с розмарином, ковылем, вереском и алеппской сосной, служили природной защитой от пиратов и прочих лихих людей, приплывающих сюда морем. Но однажды, в ночь полной луны, пираты все же добрались до поместья Рафал, зашли в хижину и увели с собой младшую дочь сторожа. Звали ее Розаура Томас, и она стала невольницей в берберском Тремиссене[2]. Девочку приставили трудиться в мастерской некоего красильщика тканей[3], и чем больше проходило времени, тем меньше оставалось надежды, что она вернется под родной кров. Чтобы собрать деньги на выкуп, вся семья трудилась не покладая рук. Лунными ночами сторож складывал ограды из камня. Спрос на такую работу никогда не кончался. Если измерить длину всех каменных оград острова, то получится семьдесят тысяч километров (этого хватило бы, чтобы опоясать Землю почти два раза), и потому вечно требовался кто-то, кто бы возводил надежные стены, делал в них калитки, мастерил засовы и задвижки к ним, чинил этот бесконечный, геометрически безупречный каменный лабиринт.

9 Лунными ночами сторож работал в огороде. Чтобы добыть хоть чуть-чуть плодородной почвы, он разбирал старые осыпавшиеся ограды в поместье — камень за камнем — и бережно вынимал землю, забившуюся между ними. Потом просеивал, приносил к себе на огород и рассыпал, словно удобрение.

Лишь так можно было создать огород, дающий хороший урожай.

1. Гаррига — средиземноморская растительность Южной Франции, Пиренейского, Аппенинского и Балканского полуостровов. В основном это низкорослые и вечнозелёные кустарники и кермесовый дуб, достигающий в высоту всего 0,5 м.
2. Тремиссен (современное название Тлемсен) — город на северо-западе Алжира, основан еще римлянами. В период, о котором идет речь в романе, был столицей султаната берберской династии Абдальвадидов и крупнейшим торговым центром Магриба. От него пошло название "королевство Тлемсен". Арабский историк и географ Лев Африканский в труде "Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть" (1526) пишет, что тамошние купцы "занимались морским разбоем и опустошали берега Каталонии и острова Ивиса, Мальорка и Менорка, так что в городе было полно рабов-христиан".
3. Традиционный алжирский промысел. Алжирские красильщики в больших каменных чанах, стоящих под открытым небом, красят кожи, ткани и шерсть. Работа в мастерской — очень тяжелая и вредная, так как дубят кожи в растворе голубиного помета, а краски разводят на верблюжьей моче.

10 Если же земля была слишком иссушена, то приходилось браться за плуг.

В ярмо плуга он впрягал борова или маленькую ослицу.

С ослицей справлялся любой из его детей, а вот на хряке могли пахать только мальчики.

11 Пот орошал землю, когда он пахал, а слезы — когда сеял и думал о своей семилетней дочке, заточенной в берберском Тремиссене.

Однажды он так рыдал, стоя посреди грядок с капустой и репой, что луна скатилась с неба и опустилась на верхушку большого камня.

И кварц засверкал, отражая лунный свет.

12 Жулиа Томас чувствовал себя свободно, когда пахал при свете полной луны и когда со своим псом охотился за беззаконным птицеловом, выслеживая того в лесу или возле воды. Но он задрожал от страха, когда его вызвал к себе владелец поместья. Ведь если его прогонят, он потеряет все. И свою убогую хижину, и скудный клочок земли, похожий на островок посреди леса, и работу, и маленький огород.

Он при свете луны превратил старую масличную рощу в возделанное поле — пользуясь лишь топором, молотком каменщика, ломом, мотыгой, кривым ножом и плетеной корзиной.

Если хозяин его прогонит, то он потеряет и надежду когда-нибудь выкупить свою семилетнюю дочь из рабства в берберском Тремиссене.

13 Прежде чем постучать в дверь, сторож откашлялся, прочищая горло. Пес улегся в тени. Солнце жгло двор, словно огнем. На красных камнях можно было изжарить яичницу. Голос хозяина заполнял собой все комнату. Низкий и глубокий, он словно исходил из самого нутра.

— Ты поймал его?

— Еще нет, сеньор...

— Я опять видел следы возле источника. И в кустах дрока — тех, что у поилок для скота; и еще на краю колодца.

— Вряд ли это был птицелов. Парень осторожен, как лисица, бесшумен, как кошка, и увертлив, как рыба. Он заметает за собой все следы и словно растворяется в воде.

— Я так понимаю, ты струсил? Тебе что — не по силам схватить его?

— Вы неправильно меня поняли, сеньор! Я схвачу его! Уж будьте уверены — схвачу! Вот пес-то тогда порадуется!

— Э! Мне он нужен живым — не забудь! Деньги получишь, только если притащишь его живым. Деньги, чтобы выкупить свою несчастную дочь... Ты хорошо меня понял?

— Да, сеньор. Как человек понимает, что начался дождь, потому что на него с неба падают холодные капли и он весь вымок, а укрыться негде...

14 Хозяина звали Жузеп Фарнес, и было в нем почти два метра роста. По его лицу со светлой, необветренной и чистой кожей (правда, глубокий шрам пересекал рот с левой стороны, искривляя губы и придавая им сходство с арахисовым орехом), по горделивой осанке, неторопливым и уверенным движениям сразу было видно, что этот человек — полновластный хозяин и себе самому, и месту, в котором живет. Он был потомком одного из тех рыцарей, что высадились на остров вместе с армией Альфонса III[1]. Молодой король, чтобы вознаградить своих верных вассалов, разделил остров и оделил каждого землей, освобожденной от сарацин.

Семья Фарнес после завоевания Менорки в 1287 году получила владение Рафал — земли на побережье, на той оконечности острова, где встает солнце.

С тех пор они, как и солнце, пребывали на острове и, сохраняя полученную в дар землю в целости и неприкосновенности, передавали ее по наследству из поколения в поколение.

За эти годы поднялись над землей километры каменных стен, дома, хозяйственные постройки, сторожевые башни, были вырыты колодцы, устроены водосборники, посажены деревья, проложены дороги.

Предки воевали за эту землю под знаменем короля.

Жузеп Фарнес вышел на войну против беззаконного птицелова.

15 Это место окружено водой. В ширину здесь около километра, а от моря прибрежная полоса поднимается на три километра и разделена оросительными канавками. У пиратов было достаточно места для высадки, а у птицеловов-браконьеров — воды, чтобы охотиться. Поэтому хозяин этой земли нанимал сторожа, и по той же причине жилые дома располагались на некотором отдалении от побережья — защищен-

1. Альфонс III Свободный (1265–1291) — король Арагона и граф Барселонский. Отвоевал Менорку у арабов в 1287 г. и присоединил к своим владениям. Большинство мусульман острова были порабощены и проданы на невольничьих рынках Ибицы, Валенсии и Барселоны.

ные прибрежной возвышенной полосой, не видимые с кораблей.

С моря грозили две серьезные опасности.

Пираты и штормы.

С суши — птицеловы-браконьеры и воспоминания.

16 Жену Жузепа Фарнеса звали Мария Эскудеро.

Волосы у нее были длинные — до поясницы — и черные, словно сажа. Когда она перед сном расплетала косы, волосы покрывали ее, будто плащ. А глаза сверкали, словно два раскаленных угля.

Игривых и радостных, манящих обещаниями.

17 Она умерла в пятнадцать лет, когда рожала их первенца. Не выдержала родовых схваток, хирург не смог остановить ужасное кровотечение. Все ее тело растекалось кровавым потоком. Когда повитуха унесла из комнаты его сына — его наследника, — Жузеп Фарнес взял шпагу и отрезал косы Марии Эскудеро, прежде чем ту завернули в саван. Потом поцеловал мраморный лоб и вышел вон, зажав волосы жены в руке. Он убрал отрезанные косы в ножны, а шпагу повесил над очагом. После чего оседлал лошадь и объехал весь остров — в поисках кормилицы.

Его наследник умер к исходу второго дня — он отверг молоко всех до одной кормилиц...

Предки воевали за эту землю под знаменем короля.

Жузеп Фарнес вышел на войну против беззаконного птицелова и против своих горьких воспоминаний.

18 Рожер Женестар родился в один день с наследником поместья Рафал. В полнолуние. Его мать — тоже очень молодая — также умерла родами. Из-за отсутствия кормилиц, готовых поделиться своим молоком, он рос на отваре толченого зерна и разбавленном молоке коров, пасущихся в садах Святого Иоанна, а в молоко добавляли настой аниса и мед.

Рожер был крепким и выносливым, как дикое масличное деревце[1], привыкшее сопротивляться сильным островным ветрам.

И он — выжил.

Вопреки всему, чудом.

1. Олеастер — дикая лесная разновидность масличного дерева, отличающаяся от культурной шиповатыми ветвями и мелкими листьями и плодами.

19 Однажды, когда маленькому птицелову было семь лет, у его отца помутился рассудок: он бросился в море и поплыл к горизонту. Рыбаки вышли из порта на своих лодках, надеясь отыскать безумца. А пловцу казалось, что он вот-вот достигнет горизонта, отодвигавшегося все дальше и дальше. Внезапно он замер и ушел под воду, как будто ему подвесили по якорю к каждой ноге.

Ночью на небе появляется луна.

Белая и сияющая.

Пускающая искры света по серебряной глади моря.

20 Птицелов шел, держась русла ручья, осторожно ступая по траве. Воздух остро пах полынью и пихтой. Какой-то парусник плыл вдоль берега. Казалось, это сам птицелов тянет его на нитке за собой. Вот птицелов сворачивает на рыбацкую тропу — и корабль послушно меняет румб. Перепрыгивает через оросительную канаву — и паруса надуваются, наполнившись ветром. Останавливается на вершине холма — паруса опадают. Спускается вниз — корабль скрывается за деревьями.

Словно птицелов притянул его к берегу за медную нить.

21 Птицелов-браконьер, подобно паруснику, двигался бесшумно. Мгновенно хватал птицу и сажал ее в плетеную клетку. Он никогда не охотился два дня подряд в одном и том же месте и никогда не ходил одним и тем же путем. Ловец выбирал русла ручьев, оросительные канавы, тропки браконьеров, контрабандистов, пиратов и рыбаков.

Как если бы он был парусником, движущимся по суше, его маршрут зависел от направления водных потоков.

22 Когда он дошел до воды, то снова увидел его. Паруса корабля были белыми как снег, и птицы на палубе не пели. Казалось, парусник замер посреди моря.

Безмолвный корабль.

Корабль-призрак.

Птицелов в этом не сомневался.

Когда птицы поют на палубе, их трели наполняют паруса и корабль достигает берега скорее.

23 Ловец певчих птиц испытывал смутное беспокойство. Этот корабль будто шпионил за ним, подглядывая с моря. Рожер Женестар, не дожидаясь рассвета, отправился на поиски Франсески, но мать девочки его прогнала. Мальчик уселся ждать свою подружку на перевернутой вверх днищем рыбац-

кой лодке, что лежала на водорослях в дальнем конце портовой бухты. А мать Франсески пристально смотрела на него, пока вытирала руки о грубый передник.

Водоросли походили на крылышки насекомых.

А глаза Рожера — на пауков, ткущих белую паутину.

24 Рожер шел к лесу, нагруженный клетками и ловушками. Он был печален. Появление корабля лишило его покоя. Птицелов даже думал не ходить никуда сегодня утром, но свежая и прохладная вода родника, бьющего из-под земли, манила к себе, словно магнит.

К тому же он надеялся, что пойманных птиц удастся продать команде этого корабля, который так близко подошел к острову.

25 Рожер Женестар вновь стал деревом.

Деревом, окруженным другими деревьями. Растительные соки бежали по его венам. Птицы пели над ним так, будто вместо головы у него — древесная крона. Он мог различить их сквозь сосновые иголки. Мог рассмотреть и пересчитать. Их трели походили на искры света на гранях сверкающего бриллианта. Птицы прилетели из самой глубины леса, где провели ночь, и расселись на ветвях высоких деревьев, растущих возле родника. Семь птах. Им необходима вода, чтобы переварить те семена, которые они склевали. Вот они одна за другой начали перепархивать чуть ниже. Осторожные, пугливые, но не перестающие петь. Порыв ветра, вспышка солнца, отразившегося от морской глади, сосновая шишка, упавшая на землю... и вот они уже опять отдаляются. Птицы то поднимались выше, то спускались ниже, чтобы вновь подняться... Будто скакали по струнам невидимой арфы.

26 Час спустя они опустились вниз. Вода, зачерпываемая персидским колесом[1], текла по желобу из светлого песчаника до первой поилки. Оттуда переливалась в следующую каменную чашу, обросшую зеленым мхом, в которой плавали разноцветные рыбки. Раскидистый вяз простирал свои ветви над родником, бьющим из влажной скалы.

Когда к чаше родника приближались лошади или коровы, Рожер Женестар переживал за золотых рыбок. Каждый раз

1. Водоподъемное устройство, представляющее собой колесо с укрепленными на ободе черпаками или бадьями. Помещенное в поток, оно приводится в движение текущей водой. Черпаки набирают воду и выливают затем в корыто или желоб. Известно со II в. до н. э.

он боялся, что животные, мучимые жаждой, всосут их в себя одним глотком.

Как только они уходили, Рожер покидал свое укрытие и озабоченно всматривался во взбаламученную воду.

Золотые рыбки неизменно оказывались на месте.

Они плавали, пережидая, пока уляжется буря в их каменной тюрьме.

27 Рожер жалел разноцветных рыбок.

Несмотря на их счастливую жизнь.

Они были счастливы, потому что не знали о существовании рек и морей.

28 Внезапно птицы разом вспорхнули, словно кто-то резко прижал рукой струны и арфа замерла на пронзительной ноте. Рожер Женестар завороженно смотрел, как упруго колышутся стебли рогоза. Воздух был горячим и оставлял на губах привкус соли. Черноголовые щеглы перепархивали с одного стебля на другой, словно перебирали струны. Сквозь полудрему Рожер Женестар пытался разобрать музыкальный мотив, но слышал лишь тишину.

Тишину без щебета птиц.

Тишину подводного мира.

Мертвую тишину.

Тишину рыбок, плавающих в каменной чаше.

29 Он вздрогнул: а ведь эту мертвую тишину могло вызвать появление хищника: сокола или красного коршуна. Птицелов не мог посмотреть в небо: сквозь густую листву ничего не было видно.

Мальчик вертел головой, словно любопытный воробей, стараясь высмотреть хоть маленький просвет в листве, — и, обнаружив его, сосредоточил на нем все внимание. Но небесная голубизна оставалась чистой и спокойной, как ни старался он рассмотреть на ней хоть малейшую черную точку.

У Рожера пересохли губы, во рту был привкус меди.

30 Тогда Рожер Женестар весь превратился в нюх. Пес сторожа пахнул грязной шерстью и копченым мясом. Птицелов закрыл глаза, чтобы сконцентрироваться только на запахах.

Морской бриз доносил до него запах разогретой солнцем сосновой смолы. Похоже пахнут свежеразмолотые зерна перца.

Рожер немного успокоился, когда услышал пение лесной канарейки, сидящей на нижних ветвях земляничного дерева.

Это, вероятно, и было его фатальной ошибкой.

Мальчик мог опознать любую птицу, обитающую на их острове, — по пению или по полету. Еще прежде, чем он научился ходить, отец брал его на закорки и относил в лес. Там, сидя под деревьями, мальчик учился различать трели, цвета и силуэты. Ему не давали есть, пока он не определит птицу по голосу, цвету оперения и полету. Благодаря этому Рожер легко мог выделить из птичьего хора звонкое переливчатое пение черноголового дрозда, металлическую россыпь лесной канарейки, нежную флейту соловья, певучий свист и щебет коноплянки, невзрачное соло шилоклювки или воробья...

Но на несколько мгновений Рожер Женестар забыл наставления отца.

Он забыл, что птицы могут петь даже во сне.

31 Дикий лесной голубь захлопал крыльями и стремительно вылетел из куста крушины.

Поднятый им шум разрубил тишину, словно кинжалом.

Лесная канарейка умолкла.

Чьи-то руки с длинными ногтями, подобными ятаганам со следами засохшей крови, раздвинули ветки кустарника — так, будто распахнули дверь моря.

Рожер Женестар замер в своем укрытии. Он практически перестал дышать, превратившись в камень.

Его дыхание пахло медью.

От пришельцев же пахло солью.

32 Двое мужчин осторожно вышли на северный склон. Они старались держаться в тени и слиться с окружающим рельефом. Осмотревшись, они, не опуская своих сабель, издали свист, и этот свист прозвучал страшно, как крик черного дрозда или голодного сокола, высматривающего добычу. Затем пришельцы положили оружие возле персидского колеса и ополоснули лица, зачерпнув воды из чаши.

С их мокрых грязных волос, свисавших сосульками, капала вода. Они двигались очень тихо, внимательно осматривая местность вокруг источника, чтобы убедиться — никто за ними не следит.

Незнакомцы протыкали саблями кусты, трясли деревца дикой оливы и раздвигали плети ежевичника.

Казалось, будто набежали облака и над источником сгустилась соленая мгла.

33 Из своего зеленого укрытия Рожер Женестар внимательно наблюдал за ними. Он не мог оторвать взгляда от длинных

грязных ногтей, цветом напоминавших ржавчину или протухшее яйцо. Клинки сабель двигались, словно в танце, рассекая воздух; сломанные ветки кустов мастичной фисташки испускали острый и свежий запах зелени, похожий на запах крови.

Рожер затаил дыхание.

Чужаки были так близко, что он мог разглядеть арабские узоры на их одежде и длинные острия сабель.

На каждом сабельном лезвии было по две продольных бороздки.

Казалось, это две голубые луны, которые танцуют.

Казалось, это руки человека, который душит самого себя.

34 Внезапно разноцветные рыбки поблекли.

Зрелые плоды земляничного дерева позеленели.

Ягоды мастичной фисташки превратились в крупинки извести.

35 Всадник был вынужден пригнуться, когда выехал на склон к источнику. И все равно, нижние ветви вяза могли поранить ему голову.

Люди из свиты всадника также почтительно склонились, увидев его, и он что-то им негромко сказал.

Всадник спешился и оказался крепким, грузным мужчиной среднего роста. В эту минуту Рожер все понял.

Медь ягод мастичной фисташки, шелковистый красный цвет плодов земляничного дерева, карминный перламутр разноцветных рыбок — все эти оттенки затмила, вобрав в себя, сияющая борода пришельца.

36 Рыжебородый пират отпустил поводья и передал их рабыне, которая повела животное к источнику. А сам опустил лицо в самую большую чашу — ту, что с разноцветными рыбками. Через пару минут он выпрямился — изо рта, словно язык, у него свисала красная рыбка. Девочка-рабыня потянула за поводья лошадь, которая пила из той же чаши. Всадник отфыркивался, будто пес. Капли воды с рыжей бороды падали на сухую листву, прикрывавшую мальчика. Листья трещали, словно земля была усыпана мертвыми цикадами.

Рожер сдерживал дыхание, сколько мог, его била дрожь. Как завороженный, смотрел он на красный "язык", извивавшийся между белыми зубами молодого сарацина.

37 Внезапно бородач повернулся и поцеловал девочку-рабыню в губы. Волосы у нее были подобраны, лицо прикрыто

тонким платком-*гишва*, позволявшим видеть лишь голубые глаза и изогнутые дугой брови, подобные двум черным линиям горизонта. Девочка издала свистящий звук — будто всосала язык пирата внутрь себя — и... выплюнула рыбку. Затем очень аккуратно подняла ее с земли за хвост, очистила кончиком пальца от сора и бережно опустила обратно в чашу.

Пираты зашлись в радостном гоготе.

Девочка смотрела на них, яростно сверкая бирюзовыми глазами.

Взрывы дикого хохота вдруг, как показалось птицелову, стихли.

38 Браслеты на запястьях рабыни весело и мелодично позвякивали, безрукавка-*гумбаз* была расшита сверкающими зеркальными горошинками, шальвары на ногах и тонкое серебряное кольцо вокруг одной щиколотки придавали ей сходство с голубем.

Это была самая прекрасная девочка из тех, что когда-либо видел Рожер.

Прекраснее всех сарацинок.

И даже прекраснее, чем Франсеска, когда та купалась обнаженной в бухте Рафал.

Хотя лицо у нее было закрыто чадрой, и оставалось лишь гадать, как выглядит ее рот.

39 Человек с бородой красной, как ветка коралла, и глазами черными, как два глубоких колодца, снова сел в седло и вручил поводья рабыне, чтобы та вела лошадь. Пираты — их было человек сорок — прошли буквально в нескольких сантиметрах от укрытия, оставив за собой тяжелый дух терпентина[1] и гнили.

Как только лес поглотил пришельцев, Рожер ощутил глубокую грусть.

Повинуясь чувству осторожности, присущему любому охотнику, он дождался, пока птицы вновь запоют, и лишь тогда покинул свое убежище.

Мальчик проверил расставленные ловушки — не попалась ли в них какая-нибудь птаха, — изучил следы, оставленные прекрасной рабыней, и затем бросился прочь от источника.

Как если бы он увидел дьявола.

Как если бы сам дьявол гнался за ним, обжигая затылок раскаленным дыханием.

1. Смола, вытекающая из хвойных деревьев.

40 Птицелов добрался до сторожевой башни быстрее, чем высадившийся на берег отряд. Ведь он, в отличие от пиратов и девочки-рабыни, которая должна была провести их через густые прибрежные заросли, знал все здешние тропинки. Рожер бежал, размазывая по исцарапанному лицу пот и кровь, сердце его бешено колотилось. Прежде чем подняться к дозорному, мальчик задержался на несколько минут у подножия, пытаясь восстановить дыхание. Когда это ему удалось, он задрал голову и крикнул. Тишина. Входная дверь в башню находилась на пятиметровой высоте, попасть к ней можно было лишь по веревочной лестнице.

Рожер много раз поднимался туда с Франсеской.

Ее отец был алжирским рыбаком, которого возле африканского берега захватил в плен христианский корабль. Позже ему даровали вольную, он вновь обрел свободу и принял имя Бартомеу Лопис. Женился на дочери дозорного из бухты Рафал, а когда тот умер — занял его место. Если пиратских кораблей возле берега не было, бывший рыбак спускал веревочную лестницу и отправлялся по своим делам.

Франсеска и Рожер забирались по узким ступеням на самый верх башни и любовались морем со смотровой площадки.

Просто смотрели.

Не чувствуя усталости.

Часами.

С вершины башни можно было увидеть Африку.

И белые спины слонов, пасущихся в саване.

Хотя, конечно, то были всего лишь облака, гонимые ветром.

41 Рожер начал беспокоиться: время шло, а ему никто не отвечал. Башня — пуста, но не слышно, чтобы где-то звучали тревожные рожки, как не видно и сигнальных дымов. Ни дозорный с горы Торо, ни прочие дозорные не играли тревогу, не поджигали костры, чтобы предупредить крестьян: надо спешить в город. Ветер не разносил ни сигнального дыма, ни трелей рожков, призывающих людей укрыться за городскими стенами Маона. Никто не бил в колокола на церковных колокольнях, и даже кафедральный собор Сьюдаделы[1] оставался нем, как тот корабль возле западной оконечности острова.

Этим утром Рожер слышал лишь пение птиц.

1. Сьюдадела — в то время столица острова Менорка.

42 Птицелов приготовился бежать дальше, чтобы опередить пиратов. Нужно было бы предупредить людей в порту Маона, но ему казалось, что важнее сообщить о надвигающейся угрозе крестьянам и хозяину поместья, на земле которого высадились разбойники. С крыши своего дома он может подать сигнал дозорным на башнях и так поднять тревогу. Те передадут сообщение дальше — на церковные звонницы; звон церквей и колокольный набат кафедрального собора известят всех жителей острова, чтобы они успели укрыться в убежищах. На Менорке знали, как быстро извещать друг друга об опасности, приходящей с моря.

Главное — быстрее пиратов попасть в господский дом поместья Рафал, тогда уже через несколько минут Менорка будет готова отразить вражескую атаку.

43 — Ага! Попался!

Сторож с довольной усмешкой смотрел на пса, скачущего вокруг мальчишки.

— Взять его!

Почувствовав тяжелое дыхание пса, Рожер закрыл лицо руками, чтобы хоть как-то защититься от страшных клыков, и закричал:

— Заберите его от меня!

— Попался-таки! — удовлетворенно повторил сторож, не веря в свою удачу. И тут же вспомнил приказ сеньора.

— Ко мне! — с сожалением отозвал он пса.

— В бухте высадились пираты, — выдохнул Рожер, косясь на пса, который угрожающе рычал, сидя возле хозяина. Из пасти свисали нити слюны, смешанной с кровью. — Они движутся сюда! Нужно предупредить хозяина!

— Сеньора! Его следует называть "Сеньор"!

— Нужно предупредить Сеньора!

— Попался! — повторил сторож, не слушая мальчика. — Сейчас мы с тобой отправимся к сеньору, и я получу свое вознаграждение. Какой-то ничтожный браконьер-птицелов в обмен на рабыню из красильной мастерской в Тремиссене.

44 Мальчик рванулся — и сник. Жузеп Фарнес спал на крыльце, под сенью цветущих деревьев; лай собаки его разбудил. Из-за того, что сознание было спутано сновидением, он вообразил, будто его сын убежал от пиратов и идет теперь, весь израненный, рядом со сторожем и псом.

Он, еще не до конца придя в себя, кинулся им навстречу — и внезапно остановился.

Как раз вовремя.

Легкое призрачное видение, навеянное сном, растаяло, столкнувшись с грубой реальностью: раненый мальчик – не его сын, а его сын никогда не был захвачен пиратами... Лицо Фарнеса походило на заскорузлую половую тряпку, которую выкрутили и бросили сохнуть на солнце. Поэтому оно не выражало никаких эмоций, когда сторож сообщил, что поймал птицелова-браконьера.

– Я схватил его! – сказал Жулиа Томас. – Вот!

Жузеп Фарнес посмотрел на раны мальчика, затем перевел взгляд на пса.

– Придержи свою зверюгу! – приказал он. – Эта птица ему – на один зуб!

– Я таки зацапал его! – повторил сторож, не в силах скрыть радость.

– Пираты! Пираты высадились в бухте! – закричал Рожер. – Мы все пропадем, если вы не поднимите тревогу и не соберете своих людей!

– Я не слышал тревожного рожка – оборвал его Фарнес, посмотрев в сторону бухты. – И колоколов тоже не слышал. Не видел и сигнальных дымов – ни с дозорной башни на горе Торо, ни с береговых башен.

– Я ему то же самое сказал! – подтвердил сторож, повернув голову к морю. – Парень – обманщик, но больше он вас не побеспокоит!

– Вы не слышали, потому что сигнальные рожки не трубили! – Рожер был в отчаянии и почти что на грани обморока. – Вы должны мне поверить, ради всего святого!

– Запри его в сарае! – приказал сеньор Жузеп, снимая со стены над очагом шпагу. – Высадиться они могли только в бухте Рафал, и мы нападем на их след, если будем двигаться вдоль ручья. А если мальчишка наврал, то сбросим его в море со скалы.

– Заодно и узнаем – умеет ли он летать...

45 Внезапно он почувствовал себя птицей, запертой в клетку. С израненными руками, расцарапанным в кровь лицом птицелов первое, про что подумал, – так это про рыбок из источника. А затем – про девочку с браслетами и серебряным кольцом на щиколотке. Он был словно околдован. И не чувствовал боли. Лишь видел перед собой фигуру девочки – словно через линзу из масла и морской воды. Как-то зимой Рожер помогал сборщикам моллюсков. Чтобы видеть морское дно, они с помощью ткани, вынутой из специальной склянки, наносили на поверхность воды масло мастикового дерева. И водная гладь чудесным образом превращалась в

сияющее зеркало, показывала дно моря. Солнечные лучи проникали сквозь масляное пятно и неподвижную толщу воды, открывая на дне золотые окна, в которых раковины багрянок и сердцевидок светились среди грязи и песка.

Смущенный и до крайности растревоженный этим видением, вызванным к жизни липким, потным страхом и механизмом мозаичной памяти, Рожер впал в забытье.

Мальчик пролежал так на теплой земле в сарае несколько часов. Очнулся он, услышав раскаты грома на востоке и дробь лошадиного галопа по каменным плитам двора.

Сквозь щели в двери можно было увидеть искры, которые летели из под копыт.

Они походили на всплывающие морские звезды.

На золотые искры, медленно поднимающиеся из соленой глубины к поверхности моря.

46 — Тот, кто поймает эту лошадь, получит кобылу из моей конюшни!

Сеньор Фарнес был доволен. Почти что счастлив. Его обычно бледное лицо раскраснелось от напряжения; губы, рассеченные шрамом, который придавал рту сходство с арахисовым орехом, подергивались, так как спеклись от пота, смешанного с кровью и пылью. В одной руке хозяин поместья сжимал шпагу, в другой — аркебузу.

— Тот смельчак, что схватит лошадь, должен принести мне записку, которую пираты привязали к ее шее. В награду я отдам ему мою лучшую кобылу!

Ему без нужды были и шпага, и аркебуза — разве что прокладывать себе дорогу через заросли; однако его решительный вид придал смелости трем сотням окрестных крестьян, вооруженных пращами, вилами и серпами, — те обратили в бегство пиратский отряд и загнали обратно в море, прежде отрыгнувшее этих подонков на землю.

Перед тем как подняться на борт корабля с белыми как снег парусами, пираты отпустили на волю лошадь с привязанным к шее посланием. Это было пиратское предупреждение, и сеньор Фарнес догадывался, что продиктовано оно злобой, яростью из-за поражения и желанием поквитаться.

47 — Тот, кто поймает этого черного вестника смерти и принесет мне пиратское послание, получит лучшую кобылу из моей конюшни, — повторил сеньор Фарнес в третий раз.

Люди разбрелись по острову и начали искать лошадь, что без устали носилась галопом — и день и ночь.

48 Так птицелов превратился в ловца лошадей. Он сам должен был стать этой лошадью, что без устали носилась галопом. Оставленной пиратами на песчаном берегу. Без хозяина, который бросил ее. Потерявшей голову и подгоняемой лишь одним естественным желанием — вырваться. Вода окружала ее, а корабль отплывал все дальше. На суше — люди, начавшие охоту на нее. И лошадь — понеслась. По направлению к Маону, по старой Королевской дороге. Ночью жители слышали звон копыт, высекающих искры из мостовой возле церкви Санта-Мария. Лошадь пересекла город галопом, потом ее видели в каждой деревушке на острове, словно ей были неведомы законы времени и пространства.

Обессиленные и напуганные, крестьяне отступились, а их господин выходил из себя, потеряв терпение.

— Даю двух кобыл тому, кто поймает эту лошадь! — заявил он.

Крестьяне качали головами и осеняли себя крестом:

— Ваше сиятельство, как можно поймать дьявола? Подождем, пока она сама сломает себе шею от бешеной скачки.

— Я желаю знать, что за послание написали пираты!

Молва о дьявольской лошади будоражила людей всю следующую неделю.

49 Распространился слух, что черный скакун появлялся на побережье возле Са-Фонт-Санта, где убил вожака небольшого табуна кобыл. Вроде бы там нашли жеребца с проломленным черепом и вспоротым брюхом.

Рыбаки, которые забрасывали сети возле острова Илладел-Рей, видели черного жеребца, плывущего в сторону Алжира.

Над ним будто бы парили морские чайки и большие бакланы — такие же черные, как его шкура.

50 Рожер Женестар не верил ни одному из этих слухов. Он временно оставил мысли о рабыне с серебряным кольцом и держал в уме лишь образ коня, которого видел возле источника в Обаге. Мальчик был уверен, что рано или поздно лошадь устанет скакать и придет к воде, чтобы напиться и перевести дух.

51 Всю неделю Рожер тщательно обследовал окрестности островных источников в поисках лошадиных следов. Он шел спокойно, не прячась, целиком сосредоточившись на одном — на желании найти жеребца и то послание, что привязано к его шее. Крестьяне узнавали мальчика и приветливо здоровались. Когда видели его — с клетками и прочим снаря-

жением, свисающим через плечо, – то провожали к источникам, где самая лучшая ловля. Мальчик больше не был беззаконным ловцом-браконьером. Отныне он – птицелов. Птицелов, который поднял тревогу и предупредил всех о приближении пиратов. Его уважали и любили, как любят рыбаков, ловцов моллюсков и огородников.

Рожер однако никому не раскрывал свой секрет. Хотел, чтобы все думали, будто он идет ловить певчих птиц, а сам, не возбуждая подозрений, обошел весь остров, все источники, изучил все следы – в поисках жеребца, которого оставили пираты.

52 Рожер нашел его на берегу Санта-Галданы. Шкура жеребца превратилась в корку из спекшейся крови, пота и дорожной пыли. Он пытался войти в воду – осторожно, будто на цыпочках, – но отступал. И тут же возобновлял попытки, чтобы снова отступить.

Казалось, животное в самом деле хочет войти в море, чтобы поплыть в Алжир – в точности так, как рассказывали рыбаки из Маона.

Дорожная пыль спеклась в коросту красного цвета, и морская соль обжигала жеребцу раны.

Это был мощный конь – весь покрытый грязью, но с белой звездочкой на лбу и пятнышками такого же цвета вокруг ноздрей и рта.

Можно было подумать, будто он хочет выпить море одним глотком.

Но не отваживается – и отступает.

53 Рожер улыбнулся. Иногда обстоятельства складываются очень удачно. Когда был дождливый сезон и вода стояла повсюду, Рожер прикрыл все источники дубовыми ветками и ветками тамариска, оставив свободным лишь один, чтобы птицы слетались только к нему. Он разложил вокруг липкие приманки и таким образом поймал почти всех щеглов, лесных канареек и коноплянок, прилетавших к водопою.

С конем он собирался поступить так же. Когда мальчик обнаружил его следы, то снова забросал все источники ветками тамариска и дуба. Подгоняемое жаждой, усталое животное проскакало до Са-Фонт-дес-Десмайс, пересекло высохшее русло Санта-Галданы, увязло в белом песке, усеянном шарами "перекати-поле", и почувствовало, как его притягивает море.

Небо и море сливались в одно ярко-синее полотно, на фоне которого застыл черный силуэт лошади.

54 Рожер пришел на побережье раньше, чем измученное животное. Он чувствовал себя обманщиком, но в глубине души знал, что это — единственно верное решение. Необходимое им обоим. Если мальчик не схватит коня, бедное животное в конце концов сломает себе ногу или свалится в овраг. Он делает то, что должен. И поэтому соорудил этот лабиринт, по которому жажда доведет жеребца до Санта-Галданы.

Источник здесь был одним из самых загадочных на острове. Женестар обнаружил его случайно, когда убегал от сторожа и пошел по пересохшему руслу, чтобы сбить пса со следа. Вот тогда, замерев посреди ветвей густого ежевичника, покрытого ягодами и цветами, он увидел множество птиц, порхающих над морской поверхностью. Причем птиц не морских — не чаек или бакланов. Птицелов не мог не обратить на это внимания. Стоял конец августа. Лето было весьма жарким и засушливым. Многие животные из-за нехватки воды и пищи предпочитали держаться побережья. Большинство источников пересохло, и птицы покидали землю, чтобы найти пресноводные течения, скрытые под морской гладью.

55 Конь попятился, заметив просвет посреди ежевичника, будто налетел на преграду. И встал на дыбы. Он видел воду, но не переставал кружиться на одном месте, взбрыкивая передними ногами. Его движения были исполнены естественной грации. Арабский жеребец вороной масти; его морду, круп и ноги покрывала спекшаяся короста из пота, пыли и крови. Во многих местах виднелись кровоточащие раны, частично уже загноившиеся и приобретшие лиловый оттенок, как у цветов дикой лесной ежевики. Синие мухи кружили над израненной плотью, облепили сочащиеся влагой воспаленные порезы. Животное вздрагивало всем телом, кружило, не останавливаясь. Жажда сводила его с ума, кровь смешивалась с пылью и едким потом.

Это был великолепный жеребец.

Кое-где — там, где тело покрывала самая толстая корка грязи, — начали прорастать нежные побеги травы...

56 Рожер попробовал успокоить коня. Инстинкт привел животное сюда, и теперь жажда не позволяла ему уйти. Мальчик знал это и не торопил события. Терпение — одна из добродетелей ловца. Рожер умел ждать и действовать в нужный момент. Этому он тоже научился у отца-рыбака, который утонул, потеряв рассудок от тоски по любимой женщине.

Птицелов сел на песок. Жеребец попробовал наскочить на него. Мальчик не шевельнулся. Обманутое его неподвиж-

ностью, животное остановилось, как если бы Женестар был камнем.

Увидев, что жеребец еще больше обессилел, Рожер поднялся и медленно вошел в воду. И поплыл к пресной воде. Он напился, смочил голову. Конь зашел в воду несколькими метрами дальше и вновь отступил — морская соль обжигала ему раны. Он проскакал чуть в сторону по песку и укрылся в тени росшей на берегу дикой смоквы. Постоял там несколько минут, склонив голову, затем покорно направился к воде и уже не останавливался, даже когда земля ушла из-под ног. Животное плыло, пока не добралось до голубого пятна на воде, где ждал Рожер.

57 Во время бешеной скачки по острову конь потерял пиратскую записку, но птицелов не переживал по этому поводу.

Успокоившись, утолив жажду, с промытыми морской водой ранами, смазанными затем свежим речным илом, жеребец стал послушным, как ягненок.

Рожер повторил его путь. Отметины, которые оставило животное, пока скакало по ведущему к воде лабиринту, читались абсолютно отчетливо.

Мальчик нашел записку на ветвях дикой оливы. Он взял ее, но читать не стал.

К господскому дому поместья сеньора Фарнеса птицелов шел в отличном расположении духа.

Он вел за собой прекрасного жеребца с глазами сияющими и печальными, как у рабыни, которой Рожер любовался из своего укрытия.

58 Сеньор Фарнес был рад видеть их. Он ни единым жестом не выдал своих чувств, однако в этот момент Рожер интуитивно понял: сеньор — хороший человек. Лишь скользнув взглядом по жеребцу, хозяин поместья взял записку.

— Хорошо, что его поймал именно ты, — сказал он, прочитав послание.

Сеньор Фарнес вздрогнул и оторвал взгляд от записки.

— Ты читал это? — спросил твердым голосом.

Рожер опустил глаза и зажал в кулаке примитивные поводья, сплетенные им из стеблей рогоза, выдернутого с корнем из пересохшего русла. Жеребец вскинулся и заплясал по камням двора. Казалось, он сейчас вновь пустится вскачь, однако мальчик ласковым жестом успокоил коня.

— Хочешь, я прочту тебе?

Рожер кивнул, не прекращая поглаживать вороного. Сеньор Фарнес собрался было начать читать, но вдруг заколебался:

– Тут написано по-испански... Ты понимаешь испанский?

Рожер посмотрел на лошадь, которая наклонила голову и шумно вздохнула, затем перевел взгляд на сеньора.

– Я понимаю моряков, приплывающих сюда из Генуи, Греции и Марселя... Все понимают морской язык...

Сеньор Фарнес опустил глаза:

– На послании – печать Хайр-ад-Дина[1]. Младшего из братьев Барбаросса[2].

Он сделал паузу, прежде чем продолжить:

– *Yo soy castigo del cielo. Mi venganza no cesará hasta que perezca el último de entre vosotros y hasta que reduzca a la esclavitud a vuestras mujeres, a vuestras hijas y a vuestros niños*[3].

Сеньор Фарнес испытующе посмотрел на мальчика.

– Ты шустрый парнишка, – произнес хозяин поместья Рафал, складывая пиратское послание. – Сейчас ты получишь двух моих лучших кобыл в придачу к этому жеребцу. Если сможешь – забудь о Барбароссе и его угрозах.

59 Время бежало неспешно, словно песок в часах. Как и предполагал сеньор Фарнес, Рожер вполне процветал. Союз пиратского жеребца и кобыл из поместья Рафал принес ему двух превосходных жеребят. Мальчик продал их, а когда кобылы снова пришли в охоту, жеребец вновь проявил себя отличным производителем. На этот раз жеребят купили богатые гранды острова, которые хотели влить в кавалерию Менорки новую кровь.

Чем более кровавыми и жестокими были новости о пирате Барбароссе и его братьях, тем шире распространялась слава жеребца. Те хозяева, у кого не хватало денег на жеребенка от него, брали его в аренду для своих кобыл.

Рожер стал состоятельным человеком. А Менорка вступала в самый катастрофичный период своей истории.

Шел год 1520-й.

Рожер переменился.

Ему было теперь двадцать два, и он научился читать.

1. Хайр-ад-Дин Барбаросса (1475–1546) – главнокомандующий турецким флотом и бейлербей (эмир эмиров) Африки; средиземноморский пират, подчинивший своей власти почти все северное побережье Алжира. По его распоряжению пленные христиане построили порт Алжир. С этого времени Алжир стал главным прибежищем магрибских корсаров (вплоть до 1830 г.).
2. Всего братьев Барбаросса было четверо: Арудж, Хайр-ад-Дин, Элиас и Исхак. Братья занимались пиратством с юности.
3. *Я – бич Божий. Месть моя не прекратится, покуда будет жив хоть один из вас и пока не станут рабами жены ваши, дочери и сыновья* (*исп.*).

60 Чтению Женестар начал учиться благодаря пиратской записке. Он подобрал ее с земли и хранил вместе со своим охотничьим снаряжением. С помощью Франсески Рожер выучился разбирать буквы и, когда среди забот о хозяйстве — лошадях и птицах — выдавалось немного свободного времени, он шел в город, в библиотеку францисканского монастыря. При свете свечи юноша читал толстые книги по истории, рассматривал атласы, с головой погружался в причудливые труды географов, украшенные изумительными красочными иллюстрациями.

И — постигал.

Постигал, что мир невероятно велик и что существуют невообразимые горы, моря и животные — в обширных и славных империях Востока и Запада.

Постигал, что отчаянно смелые географы путешествуют по Земле, чтобы потом рассказать об увиденном. А картографы при помощи карандаша и компаса переносят их деятельную мысль на бумагу.

Постигал волшебно звучащие названия морей, пустынь, озер, горных цепей, стран и народов.

Рожер был счастлив.

Он научился читать и открыл для себя сказочное пространство слов.

61 Он хотел бы когда-нибудь проплыть на корабле до острова Джерба, пройти между Критом и Пелопоннесом, подняться до Черного и Азовского морей, оттуда сухопутным путем отправиться в Самарканд, посетить Камбалук, столицу Катая[1], потом — Тебриз и Мадрас. Купил бы лучших певчих птиц тех восточных мест и вернулся, нагруженный клетками, в Европу. И жители городов и деревень выходили бы из своих домов, зачарованные пением птиц, которое — сияющими брызгами звуков, подобных звону серебряного колокольчика — сопровождало бы путь каравана: верблюдов и лошадей, груженных клетками. Хозяин каравана остановился бы возле дома, где когда-то родился Марко Поло, и оставил бы там гималайского вьюрка. Покинув Венецию, он пересек бы Альпы, подобно Ганнибалу и его слонам, и возложил бы клетку с занзибарским зябликом на могилу Рамона Льюля[2].

1. Джерба — остров в Тунисе, в заливе Габес. Камбалук — средневековое название Пекина, Катай — Китая.
2. Рамон Льюль, или Раймунд Луллий (ок. 1235–1315), — великий каталонский философ, мистик, миссионер, поэт и писатель. Похоронен на Мальорке, где считается местным святым и чудотворцем. Провозглашен католической церковью блаженным (beato).

Туда он попал бы через Валенштадт, перевалив через Септимер[1] в Баварию и к побережью Лигурии. Птицы своим пением напоминали бы прославленному путешественнику о всех тех чудесах, что встречались ему на его длинном жизненном пути, и не позволили бы людям забыть его имя. Достигнув Мальорки, караван верблюдов и лошадей, нагруженных клетками, снова погрузился бы на корабль, чтобы прибыть, наконец, на Менорку.

Рожер никогда больше не покинул бы остров, целиком отдавшись одной задаче — вывести невероятную птицу, соединяющую в себе ослепительную окраску колибри, изящество движения райской птицы, стремительность полета сокола и сладостную ночную трель соловья.

Рожер стал другим человеком.

Рожер читал.

И, подобно Колумбу, открывал новый мир.

62 Фантазии о путешествиях, однако, тотчас же наталкивалось на прозаическую и горькую реальность.

После смерти королевы Изабеллы и ее супруга Фердинанда II в Испании начал править Австрийский дом. Карл I, наследник Габсбургов и Католических королей[2], всячески притеснял Каталонию. Этот могущественный монарх подтвердил запрет на прямую торговлю с портами Нового Света[3]. Средиземное море перестало быть центром мира, хоть и омывало своими водами побережья трех континентов — Европы, Африки и Азии. А каталонская торговля и вовсе пришла в упадок, поскольку на море ее душили турецкие и магрибские пираты.

Порты Менорки тоже пришли в упадок, купцы не могли вывозить свои товары, торговля хирела, сельское хозяйство разрушалось, скотоводы разорялись, и многим семьям пришлось покинуть родные места, где их ждали лишь голод и полная безнадежность.

1. Валенштадт — город в Швейцарии, в кантоне Сент-Галлен. Септимер — высокогорный перевал в швейцарских Альпах.
2. Карл V Габсбург (1500—1558) с 1516 г. стал королем Испании (Кастилии и Арагона) под именем Карла I. По матери Карл I был внуком Фердинанда и Изабеллы, а по отцу приходился внуком императору Максимилиану I Габсбургу. Католическими королями называют королеву Изабеллу I Кастильскую и короля Фердинанда II Арагонского.
3. В 1503 г. была установлена монополия Севильи на торговлю с колониями и создана Севильская торговая палата, которая осуществляла контроль за вывозом товаров из Испании в колонии и ввозом грузов из Нового Света. В колониальной торговле принимали участие также купцы Бургоса, Сеговии, Толедо.

На море адмирал Андреа Дориа, победитель турок при Пианозе[1], начал укреплять свою власть, стремясь стать истинным христианским паладином на службе императора Карла.

63 На востоке Сулейман Великолепный[2], желая помешать движению христиан к новым заатлантическим землям и пользуясь тем, что Франция и Испания заняты междоусобной борьбой, создал империю, ни в чем не уступавшую христианской. Его владения, изначально располагавшиеся в Восточном Средиземноморье, простирались теперь на севере почти до Вены, а на юге включали страны Магриба вплоть до Гибралтарского жерла.

Его паладином на море был Хайр-ад-Дин Барбаросса.

Тот самый пират, который потерпел поражение от крестьян Менорки, а перед тем как бежать, оставил им вороного жеребца и поклялся отомстить.

64 По прошествии какого-то времени Рожер вновь вернулся к своей старой страсти. Закончив хозяйственные дела, заперев лошадей в стойлах, а птиц — во дворе, он, когда солнце опускалось за крышами Сьюдаделы, шел на берег моря и часами смотрел на линию горизонта. Чтобы воплотить в жизнь мечты о путешествиях, навеянные рассказами географов и составленными на основе таких рассказов географическими картами, нужно... нужно эту линию пересечь.

65 Франсеска помогала ему ухаживать за лошадьми.

Жеребята бегали вместе с кобылами в загоне.

Франсеска никогда не уставала любоваться жеребятами и кобылицами.

Они хвостами отгоняли мух.

Если же это не помогало, взбрыкивали.

И тогда Франсеска смеялась.

Ее белоснежные зубы сверкали на солнце.

1. Андреа Дориа (1466—1560) — генуэзский адмирал и государственный деятель. Между мысом Пиомбино и островом Эльба дал бой флоту Хайр-ад-Дина. Имея четырнадцать галер, в стремительной атаке захватил пятнадцать из шестнадцати пиратских кораблей. Барбаросса был вынужден спасаться бегством на быстроходном флагманском галиоте. Пианоз — остров близ острова Эльба, между Лигурийским и Тирренским морями, входит в состав Тосканского архипелага.

2. Сулейман I Великолепный (1494—1566) — десятый султан Османской империи. Считается величайшим султаном из династии Османов. В Европе его, как правило, называют Сулейманом Великолепным, а в мусульманском мире — Сулейманом Кануни (в переводе с турецкого — Законодатель).

Можно было подумать, что удары копыт отправляют черных мух в небо.

66 Еще Франсеска помогала Рожеру ухаживать за птицами.

Птицы пели в клетках, пока их хозяин смотрел на море с какой-нибудь скалы.

Франсеска была единственным человеком в мире, который знал его секрет. Насыпала ли она семена эндивия[1] или мыла клетки, девушка страстно желала одного — чтобы Рожер смог осуществить свое желание, сидящее, словно рак-отшельник, внутри его сердца. Франсеска хлопотала с птахами — пробовала составлять разные пары, изменять состав корма, чтобы добиться невиданных цветов, но про себя знала: путешествие на Восток — единственно правильное решение. Да, она могла потерять Рожера, но понимала: весь этот путь он должен пройти один.

Только так она сможет вернуть себе птицелова.

67 Время от времени Рожер помогал сборщикам моллюсков. Он, закатав штанины, входил в воду и пучком ковыля наносил на морскую поверхность масло. Масло превращало воду в зеркальную гладь и открывало на показ глубины моря. Там, зарывшись в песок, отдыхали моллюски. Солнце заставляло сверкать два золотых окна — створки раковины, — которые закрывались и открывались соответственно вращению Земли.

Рожер мог смотреть на ракушки часами.

Пока окна этих домиков не закрывались на всю ночь, когда солнце садилось.

68 Рыбаки, сборщики моллюсков, огородники, крестьяне и прочий люд, который любил Рожера, считали причиной его меланхолии жеребца.

Рожер словно тронулся умом.

Жеребец просто-таки околдовал молодого человека.

Франсеска — похоронившая мать, которая умерла от лихорадки, и не видевшая отца с того момента, как он покинул свой пост на дозорной башне, — лишь посмеивалась и ухаживала за животными.

Она была дочерью мусульманина-отступника и знала, что у любого моря — два берега.

1. Эндивий, или цикорий салатный, — род травянистых растений.

69 В конце концов помог случай. Отец-мерседарий[1] Рафаэл Аргимбау вернулся из Константинополя, а до этого побывал в Тремиссене и других городах Северной Африки. Он виделся с красильщиком, но, увы, не смог привезти Розауру в ее родные края.

70 Рожер вызвался отправиться в Тремиссен.

И заплатить за девушку выкуп.

Он когда-то дружил с Розаурой и был твердо настроен попытать счастья еще раз и все-таки привезти ее из-за моря.

Давным-давно, когда Розауре было семь лет, она частенько убегала из дома, чтобы посмотреть на тайник возле источника, где прятался, поджидая птиц, Рожер.

Так что сторож искал и девочку, и птицелова.

71 Июльским утром Рожер сел на генуэзский парусник, идущий в Тремиссен.

Рожер вез с собой оговоренную сумму выкупа и четырех своих лучших птиц: щегла, соловья, зяблика и коноплянку.

А на острове оставил лишь вороного жеребца и разъедающие душу воспоминания о любви с первого взгляда...

72 Франсеска пришла его проводить и стояла на берегу, глядя на удаляющуюся звездочку корабля, пока ту не поглотил горизонт.

Ей было грустно, но девушка знала, что Рожер отправился на поиски своей любви.

И этот поиск, пусть и тяжелый, был единственным выходом для них обоих.

73 Парусник пересек линию горизонта.

Его поглотил горизонт.

На протяжении многих часов не было видно ничего, кроме горизонта.

Вокруг был лишь горизонт.

Широкий горизонт, который сомкнулся вокруг корабля, как нежные объятия.

Потом они увидели землю.

И горизонтом уже стала земля.

Земля — там, на юге.

1. Мерседарий — член монашеского ордена святой Мерсе, учрежденного в Барселоне в 1218 году и названного в честь святой Мерсе, которая явилась его основателям и велела создать братство, члены которого посвятят себя делу освобождения пленников-христиан из рук неверных.

Голубая и красная полоски горизонта: небо и земля.
Горизонт со скалами, деревьями, городами и надеждами.

74 На ночевку корабль бросил якорь в порту Орана.

С помощью генуэзских моряков Рожер оделся на арабский манер и стал похож на мусульманского торговца.

В Оране Рожер присоединился к каравану, направлявшемуся на юг.

Когда он смотрелся в зеркала колодцев в оазисах, то видел, что бабуши, джелаба[1] и тюрбан ему очень к лицу.

Рожер походил на настоящего сарацина, который странствует с караваном: везет на верблюде свой груз в Тремиссен.

75 После смерти Фердинанда II, в 1516 году, Селим ат-Туми, эмир Алжира, попросил помощи у братьев Барбаросса — чтобы они избавили его от необходимости подчиняться королю Испании. Братья приняли предложение эмира, прибыли к нему на шестнадцати парусных кораблях с небольшим войском турецких янычар и вошли в город, где были встречены как истинные освободители. Баба Арудж[2], старший из них, явился в эмирский дворец под предлогом, что следует нанести визит вежливости Селиму ат-Туми, и задушил эмира, пока тот купался в бассейне. Домашние и приближенные эмира были быстро и бесшумно уничтожены прямо в своих покоях, а жена — прекрасная Зафира — покончила с собой, приняв сильный яд, лишь бы не попасть в руки Бабы Аруджа.

Сделав столицу Алжира своей базой — ибо город этот контролировал и морской залив, и равнину, — братья Барбаросса завоевали Тенес[3] и, чуть позднее, небольшое королевство Тремиссен.

Рожер потягивал мятный чай и, открыв рот, слушал истории караванщиков и торговцев шелковыми тканями и специями, которые, как и он, следовали со своими товарами на юг.

Звезды наполняли пустыню.

Казалось, они подвешены к небосводу.

1. Бабуши — в мусульманских странах туфли без пяток и каблука, иногда с загнутыми носками. Джелаба — традиционная мужская одежда в мусульманских странах: длинная свободная рубаха с широкими рукавами и капюшоном.
2. Баба Арудж (в переводе с турецкого — отец Арудж) — прозвище старшего из братьев. Есть мнение, что прозвище Барбаросса — это искаженное Баба Арудж.
3. Тенес — небольшой прибрежный город в Алжире, расположенный в 200 км к западу от столицы.

Как если бы были сделаны изо льда и подернуты изморозью, сверкающей в лунном свете.

76 Знатные люди Тремиссена — блистательного города дворцов, мечетей и памятников — призвали братьев Барбаросса, чтобы те помогли разрешить династические распри, которые затеял эмир Алжира. Баба Арудж пришел в Тремиссен во главе отлично вооруженного войска арабов и турок и, в качестве приветствия, уничтожил тех, кто его позвал, а также наследника трона, всех его сыновей и еще шестьдесят родичей — тех повесили на красных полосах ткани, из которых были скручены их тюрбаны.

Рожер потягивал мятный чай и, открыв рот, слушал истории, которые рассказывали караванщики и торговцы-попутчики.

Звезды наполняли всю пустыню вокруг.

Казалось, они подвешены к небосводу.

Как если бы были сделаны изо льда и подернуты изморозью, сверкающей в лунном свете.

77 Горожане Тремиссена, испуганные предательством Бабы Аруджа, попросили Абу Хамму[1] — одного из претендентов на эмирский престол, который укрылся в Оране, — чтобы тот избавил их от кровожадного рыжебородого пирата с серебряной рукой[2].

Получив поддержку от испанцев, две войсковые колонны покинули Оран; ими командовали губернатор Орана, маркиз де Комарес[3], и капитан Мартин де Арготе. Но в пустыне они были атакованы неприятелем, погибло много испанцев — и турок тоже. Среди последних — Элиас Барбаросса[4].

1. Абу Хамму III — представитель берберской династии Абдальвадидов. Столицей королевства Абдальвадидов и был Тлемсен (Тремиссен) в западной части Алжира. Весной 1517 г. Баба Арудж в сражении под Сиди-Бель-Аббесом разбил девятитысячную армию Абу Хамму III и вступил в Тлемсен, жители которого открыли ему ворота. Абу Хамму III бежал из города. Низложив династию Абдальвадидов, Арудж велел повесить на зубцах тлемсенской крепости дядю свергнутого правителя, Абу Зайяна, семь его сыновей и семьдесят эмиров царствующей фамилии.

2. Согласно легенде, Арудж Барбаросса приделал себе серебряную искусственную руку вместо отрубленной. Моряки Средиземноморья (как христиане, так и мусульмане) на протяжении многих столетий считали очень сильным амулетом от колдовства и несчастий подвеску в виде маленькой серебряной руки с оттопыренными мизинцем и большим пальцем. Как у Аруджа.

3. Дон Диего де Кордова, известный как маркиз де Комарес, — губернатор города Орана.

4. Элиас Барбаросса погиб гораздо раньше — до 1504 г. — в одном из пиратских рейдов.

Капитан Арготе послал в Оран трофей — отрубленную голову Элиаса.

Рожер, открыв рот, слушал истории, которые рассказывали караванщики и торговцы-попутчики, и пил мятный чай.

А когда он уже не мог отличить белую нитку от черной, то слушал, как поют птицы пустыни.

Будто это льдинки отделились от звезд и перекатываются с мелодичным звоном по дну серебряного кубка.

78 Войско испанцев подошло к стенам Тремиссена и осадило город.

Баба Арудж, оказавшийся между горожанами, враждебными ему из-за его ужасных злодеяний, и мощным вражеским войском, понимал, что попал в безвыходное положение. Собрав наиболее ценное из награбленного и окружив себя верными людьми, он ночью покинул город и направился в Алжир. Однако дозорные очень быстро это обнаружили и подняли тревогу в лагере христиан. Маркиз де Комарес бросился вдогонку за пиратским отрядом и настиг его возле реки Саладо. Баба Арудж, даже в такой безвыходной ситуации не утративший своей хитрости, приказал бросить золото, серебро, драгоценности, деньги, которые вынес из Тремиссена.

Но ничто под небесным сводом не могло остановить преследователей, которые, желая во что бы то ни стало захватить Аруджа, оттеснили его в загон с козами. Баба Арудж защищался, как раненый зверь, встав спиной к хлипкой стене, — с отвагой, свойственной ему в знаменитых абордажных атаках. После короткой, но жестокой схватки шпага Гарсии де Тинео прошила насквозь тело Бабы Аруджа, тело из плоти и серебра.

А затем испанский рыцарь отрубил ему голову.

И тут же триумфально поднял ее, демонстрируя христианским рыцарям.

Окровавленная рыжая борода и властный взгляд Бабы Аруджа словно бросали вызов солдатам, которые громкими криками объявляли о своей победе.

С того дня в живых остался лишь Хайр-ад-Дин.

Последний из братьев Барбаросса.

Пират, который позже разграбит Менорку по вине горстки сиятельных грандов и укроется в Константинополе.

79 Шериф[1] Абдеррахман Ях, египетский купец — самый старший в караване, — скупал крашеные кожи, которые затем вез на

1. Шерифы в мусульманских странах — люди, претендовавшие на происхождение от основателя ислама Мухаммеда.

рынок в Александрию. Много лет он покупал товар у уважаемого красильщика Исхака Захара в Тремиссене, он и представил ему Рожера как молодого богатого негоцианта с острова Джерба, который прибыл в город, чтобы купить рабыню для своей жены. Красильщик предложил торговцам остановиться у него и обещал показать всех рабов, годных для продажи. Шериф Абдеррахман Ях отправился в мастерскую, чтобы посмотреть готовые кожи, и не возвращался до вечера третьего дня.

Рожер отужинал с Исхаком Захаром, а затем осмотрел рабов, их жен и детей.

Одного за другим.

Всех рабов.

Смотрел он внимательно.

Но той, кого он искал, среди них не было.

80 Ночью некая тень проскользнула в комнату и разбудила Рожера, который уже привык спать на песке под звездами. Его птицы беспокойно завозились в клетках. Молодой человек одной рукой нащупал кошелек, а другой — кинжал. Пряный аромат мускуса повис в воздухе. Легкий шум, который производили в клетках птицы, словно эхом отзывался в другом конце комнаты, где был вошедший. В первое мгновение Рожер решил, что босая женщина, крадущаяся по спальне на цыпочках, — это та рабыня, которую он увидел когда-то у источника в Обаге; но, почувствовав аромат мускуса, он понял, что ошибся.

Нет, это не была та рабыня, которая вела людей Барбароссы, когда их налет на остров закончился неудачей.

Не была это и одна из жен Исхака Захара, хотя чужеземец всем им понравился.

Это была Розаура.

81 С того момента, как ее захватили в плен и привезли на корабле к африканскому берегу, Розаура Томас работала в мастерской красильщика. Она выучилась красильному делу и была очарована восточным искусством красить кожу. Девочка подружилась с сыном красильщика, который был ее одногодком, и с тех пор они были неразлучны.

Ибрагим Захар и Розаура Томас росли вместе и, подрастая, постигали мастерство покраски. Сначала, пока Исхак Захар не обратил внимание на ее ум и способности, а Ибрагим Захар — на ее удивительную красоту, девочка работала на очистке кож. Все это время руки Розауры были в язвах от постоянного контакта с едкой смесью воды и экскрементов[1], от ядовитых испа-

1. См. прим. на с. 8.

рений, которые поднимались над чанами и обжигали лицо. Постепенно, наблюдая за работой самых старых мастеров красильни, Розаура начала постигать секреты составления красок и древние способы закреплять их на поверхности обработанных кож. Она запоминала названия животных, минералов и растений, вникала в те комбинации пигментов, которые давали глубокие насыщенные цвета. Когда ей исполнилось двенадцать, ее забрали с очистки кож и сделали старшей над старыми красильщиками, а за ней должен был присматривать сын владельца мастерской. Как и она, Ибрагим Захар был зачарован цветами и растениями, животными и минералами, которые могли чудесным образом превращаться в сухой пигмент, для чего должны были пройти через многоэтапный процесс дистилляции. Чтобы добыть всего один грамм пурпурного пигмента, в жертву приносили десять тысяч улиток[1]. А чтобы получить столько же карминного пигмента, требовалось всего от шестидесяти до восьмидесяти насекомых[2].

Запад знал способы, как получить из моллюсков пурпур самой богатой гаммы фиолетовых оттенков — от сиренево-красного до фиалково-голубого. А исламский Восток, в культуре которого не придавалось такого значения этому цвету императоров и кардиналов, отдавал предпочтение кармину, добываемому из жуков кермес или кирмиз[3] — так по-персидски назывались все насекомые, из которых можно получить красный пигмент.

82 Розаура Томас, встав посреди комнаты, говорила и говорила: о составлении красок; о способах отбеливания, позволяющих закрепить краски, то есть о вымачивании кож в щелочных растворах древесной золы или извести. О разнице между золотом голубоватого и пастельного оттенков, между пурпуром и кармином, между солнечно-желтым и шафранным; о небесно-голубой краске, получаемой из индигоносов — превращенных в фиолетовый порошок колючих кустов, привезенных из Америки испанцами и названных веселым и праздничным именем palo campeche[4]...

1. Пурпур извлекали из желез морских брюхоногих моллюсков — иглянок, называемых также пурпурными улитками.
2. Красную краску — кармин — добывают из самок кошенильного червеца, кошенили — насекомых подотряда кокцидовых.
3. Кермес — насекомое одного семейства с кошенилью. Из сушеных самок этих насекомых, обработанных уксусной кислотой, добывается красная краска.
4. Palo campeche (*исп.*) — так называют древесину кампешевого дерева, использовавшегося в красильном деле. Однако campeche — это и сорт вина в Латинской Америке. Поэтому название можно трактовать и как "пьяное дерево".

Когда начало светать, Розаура Томас вновь прикрыла ладонью рот Рожера, а затем исчезла.

— Я вернусь этой ночью. В то же самое время — когда начнет петь соловей и нельзя будет отличить белую нитку от черной.

83 На вторую ночь Розаура Томас вернулась и снова вошла в спальню. Рожер угадывал очертания ее тела в лунном свете, который одиноким лучом проникал через окно, и вновь думал о рабыне с серебряным кольцом на щиколотке.

Как и в прошлый раз, Розаура прикрыла ему рот ладонью.

— Я не Розаура Томас, — сказала она. — Розаура Томас умерла, отравленная ядовитыми испарениями красильной мастерской. Сейчас меня зовут Зафира — в честь королевы Алжира, которая предпочла наложить на себя руки, но не попасть в объятия Бабы Аруджа Барбароссы.

— То же самое сказал твоим родным отец Аргимбау, — сказал Рожер, рассматривая изящные груди рабыни, которая за время плена превратилась в настоящую женщину; прозрачная и воздушная газовая ткань облекала ее восхитительно женственные формы. — Что та девочка умерла от непосильной работы.

— Он не соврал, — продолжила Розаура, встав возле окна, — этот отец-мерседарий. Я отреклась от христианской веры и приняла мусульманскую. Я не могу вернуться. Это станет непереносимым бесчестьем для моей семьи. Я выйду замуж за Ибрагима Захара, когда умрет его отец, и у нас будет много детей. Мы любим друг друга, потому что, помимо всего прочего, оба околдованы цветовой магией света. Мы хотим совершить путешествие в Кайруан, чтобы разведать секреты тамошних красильщиков, в Джербу — чтобы изучить способы окраски шелка, в Удреф[1] — чтобы разузнать приемы окраски шерсти, в Валенсию — чтобы украсть семена синего сандала и потом посадить их здесь, распространить по африканской земле. Мы хотим навсегда забыть эту невыносимую вонь и красить шелк, пергаменты, бумагу, шерсть... Ты — птицелов и должен меня понять. Бог пребывает в мелочах — в бархате перышек зяблика, в нежном пении щегла, в изящных цветах дикого лука и в порхающей в морском воздухе стайке золотистых щурок. Не имеет значения, как называется твоя вера, потому что тот, кто любит такие мелочи, любит и нашего Творца.

1. Кайруан — старая столица Туниса. Удреф — город на юго-западе Туниса, известный ковроткачеством.

84 Мастерская была устроена возле реки. Вода поступала в чаны из желоба, куда ее наливало персидское колесо. Возле водосборника росло тутовое дерево. Каждую ночь в его ветвях пел соловей — до самого рассвета. Однако когда птица увидела в окне тень Розауры, она умолкла. Через восьмиугольное окошко в комнату вплывали ароматы жасмина и мяты.

— Дешевые краски ближе к Богу, — продолжала Розаура, повернувшись к окну — так, будто вслушивалась в звуки ночи. — Индийский желтый краситель производят в Мирзапуре[1] из навоза молочных коров, которых кормят только плодами манго. Или вот пигмент, который моя мать добывала из сушеной кожуры гранатов, чтобы красить в светло-желтый цвет; или оксид железа, который моя бабушка смешивала с известью, чтобы красить в красный дверные проемы и не запачкать стены после побелки; или синий порошковый пигмент, которым обычно покрывают наличники окон, глядящих в сторону Африки...

85 Соловей, после долгой паузы, вновь запел.

— Почему выбрали тебя? Почему выкуп привез ты? — спросила Розаура, когда соловей опять замолчал. — Мой отец ненавидел тебя. Как одержимый.

Рожер рассказал свою историю, и в первый раз за все время их ночных встреч лицо Розауры побелело как мел, от чего красота ее стала какой-то едкой и горькой.

— Так ты приехал вовсе не за мной? — спросила она, не в силах скрыть искру разочарования, которая вспыхивала во тьме в такт трелям соловья, с новой силой заливавшегося в ветвях тутовника. — И рисковал жизнью не для того, чтобы вернуть меня на родину?

— Я остановился в Тремиссене, чтобы заплатить за тебя выкуп, однако я держу путь в Константинополь — в надежде выкупить ту рабыню.

— Не иначе как Барбаросса околдовал тебя, когда ты видел его у источника! — разочарованно произнесла Розаура, снова усаживаясь на подоконник.

— Нет, меня околдовала вода из источника.

— Очень может быть, — вяло согласилась молодая женщина, вздохнув. Это был вздох, полный разочарования и сожаления об ушедшем прошлом. — Мы оба околдованы. Ты — птицами, я — красками. Со мной это произошло, когда ты показал мне разноцветных рыбок, плавающих в чаше источника.

1. Мирзапур — город на северо-западе Индии, на реке Ганг. Известен производством ковров и хлопчатобумажных тканей.

— Рыбок больше нет... — ответил Рожер. — Их проглотил конь Барбароссы.

Розаура улыбнулась. Ее зубы светились в темноте, словно кусочки льда, выпиленные из какой-то звезды.

86 - Ты думаешь обменять рабыню на птицу? — воскликнула Розаура на третью ночь и вновь прикрыла ему рот ладонью. — Тебя бросят к ногам янычар, если ты придешь во дворец с какой-то жалкой птицей в клетке!

— Это не обыкновенная птица! — возразил Рожер, почти не изменившись в лице. — Это будет самая прекрасная птица в мире! Единственная в своем роде, достойная внимания такого знатного сеньора.

— Он владеет лучшими лошадьми из Аравии, лучшими леопардами из Африки, лучшими соколами из Азии, лучшими женщинами со всего Средиземноморья... Как можно быть столь отчаянным и непочтительным, чтобы предстать перед столь могущественным властелином с птицей в клетке? Разве ты никогда не слышал о его ужасных деяниях? О страшной мести? О жестоких предательствах? Думаешь, это все байки? Легенды, которые придумывают мусульмане, чтобы запугать христиан в другой части света?

— Ему понравится, — отвечал Рожер решительно, спокойно и упрямо. — Я уверен: ему понравится моя птица.

— Почему?

— Потому что это будет самая прекрасная птица в мире. А к красоте чувствительны все.

— Даже такой пират, как Барбаросса?

— Даже пират столь кровожадный и жестокий, как он.

87 — Ты напоминаешь мне сына короля Черных Островов, — сказала Розаура в четвертую, последнюю, ночь, которую Рожер провел под кровом красильщика Захара, ибо три дня, установленные законами мусульманского гостеприимства, истекли. — И был он по пояс каменный, а выше имел человеческое тело.

Рожер слушал историю Розауры и наслаждался ее островным диалектом.

— И была некая женщина, которая заколдовала все рынки, все сады и всех людей в городе, а жили там в то время и мусульмане, и христиане, и иудеи, и последователи персидского пророка Заратуштры. Всех их она превратила в рыб. Мусульман — в белых, приверженцев Заратуштры — в красных, иудеев — в желтых, а христиан — в синих. Один рыбак рассказал об этом отважному и решительному королю, кото-

рый пришел и разрушил заклятие, так что все они опять обратились в людей и с тех пор мирно зажили в городе сына правителя Черных Островов.

— Я бы тоже хотел, чтобы мусульмане, христиане, иудеи и приверженцы Заратуштры мирно жили рядом друг с другом, — ответил Рожер, выслушав историю. — Но ты сама — лучшее доказательство тому, что пока это невозможно.

Розаура улыбнулась, и в улыбке ее были одновременно и надежда, и горечь:

— Ты прав... Пока это лишь сказка из "Тысяча и одной ночи"...

88 Ожидая наступления ночи, Рожер весь день провел на рынке Тремиссена. Компанию ему составлял египетский купец шериф Абдеррахман Ях, пребывавший в чрезвычайно радостном расположении духа, поскольку он приобрел в мастерской кожи совершенно невероятных цветов. Рожер самозабвенно погрузился в запахи и краски африканского базара. В изумлении замирал перед прилавками, на которых торговцы разложили свой товар — кораллы, перламутр, янтарь, благовония и эбеновое дерево; голову ему кружили ароматы тысячи специй — гвоздики, кориандра, перца, шафрана и какао; молодой меноркинец изумлялся разнообразию цветов и оттенков фруктов, овощей, зелени, горами лежащих на столах. Рожер останавливался возле марокканских сказителей, иранских поэтов-туркоманов[1], нубийцев-фокусников, эфиопских бродячих акробатов, персидских предсказателей и египетских астрологов — и ему на какое-то мгновение показалось, будто он уловил биение сердца Тремиссена и постиг, чем живут его жители, опираясь на традиции, идущие из глубин веков. Однако в караван-сарае Рожер понял, что это обман возбужденного воображения.

Весь день Рожер жил с ложным ощущением, будто двигается по поверхности некоей карты, исполненной в натуральную величину: маршрут по ней проложен прикосновениями его стоп, а затем сотрется ветром памяти.

89 Шериф Абдеррахман Ях остановился перед входом в турецкие бани и пригласил Рожера зайти внутрь.

— Молодые люди с нежными руками и твердыми мускулами доставят нам столь же изысканные удовольствия, какие, согласно обещанию Пророка, мы получим, когда перед нами отворятся двери в райские сады.

1. Туркоманы (иракские тюрки) — тюркский народ, проживающий на севере Ирака.

Рожер отвел глаза и вновь стал смотреть на базар, над которым плыли самые разные ароматы, а яркие краски пульсировали в ритме музыки, сопровождавшей выступления акробатов и дрессировщиков пчел.

— Всякого рода обмены суть те же войны, только в мирной форме, — сказал Абдеррахман Ях, пытаясь загладить неловкость, возникшую из-за его ошибки. — А войны — результат неудачных обменных операций. Это как раз то, что происходит сегодня между Востоком и Западом.

Рожер продолжал молчать.

— Я чувствую, что должен вырваться из зловонного квартала красильщиков. Те, кто отбеливает кожи, погружают душу и судьбу в чан с красками.

Рожер пристально посмотрел на египтянина нежным влажным взглядом, который и заставил шерифа Абдеррахмана Яха ошибиться.

— Я — раб одной рабыни, — произнес Женестар, чтобы как можно деликатнее отклонить любезное приглашение.

— А я — красоты мира, — ответил шериф Абдеррахман Ях.

90 Когда шериф Абдеррахман Ях был маленьким мальчиком, шакал напал на него и повредил ему лицо. Из-за этого серые, словно дым, глаза жили как бы по отдельности, каждый — на своей половине лица, отмеченного зубами шакала. И горели, как звезды.

— Я знал отца братьев Барбаросса, — сказал египетский купец, растянувшись на горячих каменных плитах турецких бань.

Он закрыл глаза, сконцентрировавшись на движениях рук массажиста. Расслабляющая истома разлилась по его лицу и по всей коже, напоминавшей старый пергамент. Рожер смотрел на него сквозь пар, который поднимался от горячего мрамора. Время от времени на плиты плескали немного воды из деревянного ковшика и тогда пар поднимался, чтобы укрыть собою все — будто покрывалом тумана, помогающего читать чужие мысли.

91 — Для тебя, о мой прекрасный юноша, ислам связан с варварством и религиозным фанатизмом, — произнес шериф Абдеррахман Ях, — но ведь именно мусульмане — и никто другой — возвели в Гранаде Альгамбру и украсили ее знаменитыми садами, разбитыми для династии Насридов[1], которую

1. Мусульманская династия, правившая в Гранаде в 1231—1492 гг.

оборвал ваш император Карл. Мусульманином был арабский географ ал-Идриси, автор книги "Nuzhat almuxtaq fi ikhtiraq al-afaq"[1], который первым дал точное описание Европы; мусульманами были математики, которые создали huruf gubar ("буквы из пыли")[2] и от которых берут свое начало арабские цифры, принятые ныне по всему Западу; мусульманин – Авиценна, автор "Канона медицины", который собрал воедино все секреты античной медицины и секреты арабских врачевателей; мусульманином был философ Ибн Рушд (по-вашему – Аверроэс), который пересмотрел постулаты классической философии и придал им исламский характер; мусульманин – Аль-Газали[3], который решил вопрос о вечности материи... Мореходные карты, гидравлические сооружения, небесный глобус, медицинские энциклопедии, навигационные инструменты, миниатюры, керамика, учение о военных стратегиях и философия жизни, которая породила в итоге самых мудрых и ученых людей в этом подлунном мире... Ибо, как говорил Пророк: "Кто ищет познания, тому Бог указывает дорогу в рай. Стремление к знаниям есть проявление набожности. Чернила мудреца более святы, нежели кровь мучеников".

92 – Не говори мне о янычарах, корсарах и пиратах, которые разоряют христианские земли в поисках богатств и рабов и, не колеблясь, убивают и подвергают жестоким мучениям женщин и детей, лишь бы добыть желаемое.

– Джихад и крестовые походы – гази[4] и крестоносцы – суть аверс и реверс одной и той же монеты, которую отчеканила история наших народов.

93 – Вещей, нас объединяющих, гораздо больше, чем разъединяющих, – продолжал шериф Абдеррахман Ях, который никак не мог забыть мускулистую фигуру носильщика, несше-

1. Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани, известный как ал-Идриси (1100–1165), – знаменитый арабский географ, автор географического сочинения, составленного по инициативе короля Сицилии Рожера II в 1154 г., "Отрада страстно желающего пересечь мир". Перевод И. Г. Коновалова.
2. Губар (что в переводе обозначает "частичка, пылинка") – техника миниатюрного письма в мусульманской каллиграфии. Такие образцы каллиграфии очень сложно, а иногда и невозможно прочесть без лупы.
3. Абу Хамид Аль-Газали (1058–1111) – исламский богослов и философ персидского происхождения. Один из наиболее авторитетных религиозных учителей, входит в число основателей суфизма.
4. Гази – у мусульман титул сражающихся против неверных, участников газавата.

го на голове корзину с птичьими экскрементами для красильной мастерской.

Рожер плеснул воды на горячие камни, и шериф вернулся к разговору, чтобы отвлечься от этого гармонично сложенного тела и стереть его из памяти.

94 — Я знавал бедного Иакова еще в те времена, когда он был простым рыбаком-христианином на албанском побережье. Он был захвачен солдатами великого султана Мехмеда II[1], рыскавшими на своих галиотах в тех водах. Снова я его увидел на османских галерах, прикованным к веслам. И тогда он уже звался Магометом, как султан. Рыбак отрекся от христианской веры ради спасения своей жизни и стал одним из бесчетных гребцов, грузчиков и рабов на торговых кораблях османского императора, бороздивших Эгейское море и плававших к африканским берегам. Во время одного рейда по Средиземному морю он сбежал с корабля и затерялся среди бедных рыбаков в Мителене[2]. На древнем острове Лесбос женился на Каталине, молодой многодетной вдове греческого священника. В этом браке родились четыре сына и две дочери. Сыновей назвали Элиас, Арудж, Хайр-ад-Дин и Исхак. Отступник Магомет влачил на острове жалкое существование, подвергаясь насмешкам и презрению со стороны обитателей прибрежного квартала Бонава, где он работал в гончарной мастерской. Там я его видел в третий — и последний — раз, когда по дороге в Александрию сделал остановку на острове и зашел в гончарную мастерскую, чтобы купить глиняные кувшины. Ему удалось построить небольшую лодку в порту Мола — на ней бывший рыбак совершал челночные рейсы между островами. Я его нанял для перевозки кувшинов. Магомет утонул во время шторма. Сам он не отличался большим умом, однако сыновей воспитал в точном соответствии с указаниями Корана и оставил им в наследство свои страдания, унижения и сверх того склонность к свирепой тирании.

95 Рожер поднялся и еще раз плеснул воду на горячий мрамор. От пара у него кружилась голова. С усилием, которое показалось ему нечеловеческим, птицелов оперся на обжигающий камень и принял вертикальное положение. Вонь горелого мяса смешивалась с запахами масла, серы и банных благовоний.

1. Мехмед II Завоеватель (эль-Фатих) — османский султан в 1444—1446 и 1451—1481 гг.
2. Самый важный город на острове Лесбос.

Рожер упал и закрыл глаза.

Обожженной рукой он оттолкнул от себя фигуру, рожденную горячими испарениями. Однако фигура прошла сквозь прикрытые веки и погрузилась в спокойные воды его глаз.

96 – Братья Барбаросса росли в порту, среди кораблей и моряков. Они очень быстро и как бы между делом выучились хитростям навигации и разным языкам, на которых говорили моряки и купцы, приплывавшие на остров по торговым делам. Они были здоровыми и спокойными, энергичными и смелыми, но их юность таила в себе семена ненависти, гордыни, навязчивых идей и смертоносных инстинктов: всего того, что потом превратило их, с точки зрения ислама, в героев, а с точки зрения христиан – в тех, кого ненавидят и кто опасен для каждого, будь то мужчина или женщина.

97 – Арудж первым отправился на поиски фортуны. Он завербовался в турецкую флотилию, которая плавала на Запад и грабила христианские корабли. Очень скоро Барбаросса показал себя храбрым и отважным моряком. Однако во время стычки с флотом рыцарей Родоса[1] он попал в плен и два года был прикован к скамье гребцов на галиоте. Затем ему удалось бежать: будущий турецкий адмирал отсек себе пятку, чтобы освободить ногу от железного кольца и цепи. Хромой и буквально пропитанный насквозь лютой ненавистью к своим поработителям-христианам, он, прибегнув к обману, предательству и убийству, захватил три корабля, на которых поднял пиратский флаг. После чего объединился с братьями, которых сделал капитанами своих галер. Победные налеты, дерзкие абордажные атаки неуклонно умножали его богатство – пока богатство это не стало просто сказочным. Долгие годы Арудж опустошал христианские берега, и эти разбойные деяния прославили его на все Средиземноморье. Хромой, довольно еще молодой человек, невысокий, однако крепкий и жилистый, с густыми бровями, черными проницательными глазами, с ухоженной бородой цвета сияющей меди – великолепной, как азиатский шелк, крашенный кармином, – и в роскошном тюрбане с пером... Эта и без того выразительная и величавая внешность дополнялась – после

1. Речь идет о духовно-рыцарском ордене всадников госпиталя святого Иоанна Иерусалимского, члены которого назывались сперва иоаннитами (или госпитальерами), а затем – родосскими рыцарями. После утраты Святой земли иоанниты переселились на Родос (1306–1308), владели им более двух столетий и были вытеснены с него турками только в конце 1522 г.

стычки с Наварро[1] за крепость Бужи — сверкающей подвижной рукой из серебра. Ничего удивительного, что христиане, устрашенные нечеловеческими славой и безжалостностью Аруджа, прозвали его Brazo Cortado и Barba-rossa[2].

98 — Баба Арудж мертв, — сказал Рожер, обращаясь, как ему казалось, к женскому силуэту, который вновь соткался из пара турецкой бани. — Его убил Тинео неподалеку от озера Салад.

— Ты прав, — разочарованно подтвердил шериф Абдеррахман Ях, привставая и делая знак массажисту. — Теперь, после смерти Элиаса, Баба Аруджа и Исхака, единственным Барбароссой остался Хайр-ад-Дин, их брат. Человек, которого ты видел возле источника в твоей стране в сопровождении рабыни, похитившей твое сердце.

99 — Хайр-ад-Дин объявил себя наследником Бабы Аруджа на алжирском троне, — продолжил шериф Абдеррахман Ях, — но, лишившись поддержки братьев, столкнулся с серьезными проблемами — внутренними и внешними.

— Какими проблемами? — спросил Рожер, которому хотелось представить себе знаменитого пирата столь же ясно, как если бы он, Рожер, увидел его портрет.

— Извечные заговоры, интриги, неверность, предательство: и среди африканцев, и среди своих же — с одной стороны; постоянная угроза, исходящая от испанской эскадры адмирала Андреа Дориа, — с другой.

— Поэтому Барбаросса и пошел на службу к Сулейману Великолепному.

— Хайр-ад-Дин, более проницательный и предусмотрительный, чем Баба Арудж, к тому же более искушенный в политике, отправился ко двору Высокой Порты[3], где изъявил покорность великому султану и принес ему в дар Алжир. Взамен Сулейман Законодатель назначил магрибского пирата адмиралом и отдал под его командование большой флот и всех янычар. При поддержке Истанбула Барбаросса всего за несколько лет значительно увеличил территорию мусульманской империи, при-

1. Граф Педро Наварро (1460–1528) — испанский военачальник и инженер, участвовал в войнах Испании за Северную Африку. Руководил испанскими силами во время завоевания Бужи (Беджаия), Алжира, Туниса, Тлемсена и Триполи.
2. Отрубленная Рука (*исп.*)... Рыжая Борода (*кат.*).
3. Высокая Порта (или Блистательная Порта) — наименование правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи. Именовалась так по названию ворот, ведущих во двор великого визиря.

соединив к ней Курдистан, Персию, Сирию, Месопотамию и Египет. Благодаря его усилиям владения Сулеймана Кануни вклинились в самую сердцевину христианского мира. Впервые в истории Барбаросса вел войну на море, применяя новую стратегию: его армия была сплоченной, отлично вымуштрованной, основанной на жесткой дисциплине, маневренной, оснащенной превосходными кораблями, подготовленной к боевым действиям благодаря постоянным набегам на побережье. Флот Хайр-ад-Дина уже не ограничивается горсткой кораблей, рыскающих по морю в поисках какой-нибудь добычи, — как во время короткой разбойничьей вылазки на Менорку, когда Барбаросса был молод и неопытен. Сейчас это настоящий военно-морской флот, постоянно готовый к сражениям, с ответственными и хорошо обученными офицерами, который ведет боевые действия с апреля по октябрь, чтобы с максимальной выгодой использовать спокойное состояние моря.

100 Они замолчали. Пар рассеялся, слышно было, как капает вода, стекая по стенам и набухая невидимыми каплями на потолке. Рожер думал о Драгуте, Синане, Друбе-Дьяволе, Хасане и Мураде Раисе[1], чтобы отвлечься от мыслей о силуэте рабыни, которая побудила его совершить это путешествие на Восток. Он пытался представить себе жизнь этих людей, которые приходили грабить христианское побережье Средиземного моря, когда погода этому благоприятствовала. Людей безжалостных и опытных; морских ястребов, не боящихся Бога; лучших из лучших в войсках османского султана: иудейского чернокнижника Синана, христианина-от-

1. Драгут — известный алжирский пират; он состоял на службе у Барбароссы и наводил такой страх в Средиземном море, что Карл V отправил Андреа Дориа для его поимки. Четыре года провел в плену, но в 1544 г. получил свободу. При помощи турок отнял у мальтийских рыцарей Триполи и получил за это титул триполитанского бея. В 1559 г. успешно отбил нападение испанцев на Алжир. В 1565 г. участвовал в походе Сулеймана Великолепного на Мальту и пал от пули при взятии форта Святого Эльма. Синан (1489–1588) — самый знаменитый из турецких архитекторов и инженеров османского периода. Вместе с корпусом янычар Сулеймана Великолепного участвовал в походе на Австрию, позже принимал участие в Багдадской кампании и походе в Молдавию; в 1539 г. был назначен главным придворным архитектором города Истанбула. За свою жизнь построил около трехсот зданий. Друб-Дьявол (он же Айдин Раис) — берберский корсар по прозвищу Бич Дьявола или Бич Испанцев, состоял на службе у Хайр-ад-Дина в 1525–1530 гг. Барбиери Хасан — берберский пират из окружения Барбароссы. Мурад Раис родился предположительно в 1535 г. в Албании; мальчиком (в 1546 г.) был захвачен пиратом Кари Али Раисом, в плену принял имя Мурад. Прославился своими дерзкими нападениями на христианские корабли и города (преимущественно итальянские и испанские), получил от османского султана титул "капитан моря". Был убит при осаде города Влера в 1638 г.

ступника по прозвищу Бич Дьявола, евнуха Хасана, хитреца Мурада Раиса и кровожадного Драгута, который убил больше пяти тысяч человек и сложил башню из черепов — Бордж эль-Рус — на острове Джерба...[1]

— После всего, что услышал, ты по-прежнему хочешь отправиться в Высокую Порту? — спросил шериф Абдеррахман Ях.

— Да. Хочу попасть в Баб-и-Али[2].

— Я поеду с тобой.

— Зачем?

— Потому что хочу узнать, чем закончится твое авантюрное путешествие, предпринятое ради любви.

— Но тебе ведь со мной не по пути?

— Я завершил все свои коммерческие дела, и теперь мне все равно, куда ехать, лишь бы там можно было торговать. Говорят, что, помимо исключительной свирепости, — продолжал шериф Абдеррахман Ях, поглаживая умащенную маслами руку своего друга-христианина, — и сокрушительного сладострастия, этот человек, у которого тюрбан украшен бриллиантами, отличается изысканным вкусом. Если ты рассчитываешь купить рабыню за птицу, то я тем более смогу продать те превосходные кожи, которые приобрел в Тремиссене. Я — купец до мозга костей, и торговля — моя единственная война.

101 Рожер и шериф Абдеррахман Ях купили необходимое продовольствие и еще кожи, а затем присоединились к новому каравану, который направлялся из Тремиссена в Истанбул: так теперь назывался Константинополь, после того как османы захватили его в 1453 году — после осады войсками Магомета II, жестокого любителя роз.

Они пересекли всю западную часть империи — верхом на верблюдах — и побывали в турецких банях и на базарах Александрии, Иерусалима, Адана, Анкары и Дамаска. По дороге им встречались караваны, которые подверглись разбойным нападениям; они видели зарева пожаров, освещавшие горизонт, наблюдали кровавые стычки между дикими местными племенами, боровшимися за контроль над торговыми путя-

1. В 1560 г., когда Джерба принадлежала испанцам, Драгут после 80-дневней осады разгромил испанские войска. Драгут был нетерпим к неверным и казнил их с особой жестокостью. Из черепов убитых (около пяти тысяч человек) он построил крепость Бордж эль-Рус. Бордж эль-Рус стояла в городе с 1560 по 1848 г. — до тех пор, пока европейские колонизаторы не перенесли черепа на христианское кладбище.

2. Баб-и-Али (*тур.*) — двор великого визиря в Стамбуле.

ми или оазисами. Иногда караван делал привал прямо в пустыне, и к их костру подсаживались вестники с лицами, закрытыми капюшонами[1]; они советовали либо переждать опасность, либо — скорее двигаться вперед. Принимая решение, караванщик также ориентировался на знаки, посылаемые самой пустыней: он мог читать красный песок, словно книгу. Пока длилось вынужденное ожидание, время становилось невидимым, дни и ночи — бесконечно длинными. Тогда шериф Абдеррахман Ях, чтобы хоть немного сдержать нетерпение Рожера, показывал ему различные секреты тех земель, через которые они двигались.

— Береги эту розовую ракушку, — сказал египтянин однажды вечером после визита бедуинов со спрятанными в тени капюшонов лицами, — и помни, что давным-давно эта пустыня была океаном.

102 Остров окружает вода, а их палатку окружает песок пустыни, которая, если верить словам шерифа Абдеррахмана Яха, в незапамятные времена была дном большого моря.

Рожер чувствовал себя сильным и слабым одновременно — и, хоть им и пришлось сделать остановку из-за очередных стычек местных соперничающих племен, у него было ощущение движения.

Раньше он плыл по воде, а теперь — по волнам пустынного соленого песка.

103 Наконец караван тронулся с места и продолжил свой путь на восток. Когда они прибывали в какой-нибудь город, то отправлялись на городской базар и освежали тело в местных банях.

На базаре Адана Рожер купил гималайского щегла, а в Дамаске — дикую канарейку по цене кувшина воды. Рыночный продавец и понятия не имел о настоящей цене птиц с Канарских островов, которые вошли в моду у кастильских аристократов, а уже от них мода эта распространилась на остальную Европу. В Нюренберге, например, разведение канареек стало серьезной статьей дохода и птицы темно-зеленого цвета с серыми и желтыми крапинками обрели великую славу, продавались по заоблачным ценам.

Самцы канареек обладали певческим даром.

Самочки были прекрасны и безмолвны, как цветы.

1. Традиционная одежда бедуинов — джелаба с капюшоном.

104 Их караван — нагруженный кожами, прочими прекрасными товарами и певчими птицами — в целости и сохранности прибыл в древний Византий[1]. Достигнув этого города тысячи ворот, два друга сняли дом в квартале Пера[2] и испросили аудиенции у великого паши[3].

Ответ однако задерживался.

Пока они проводили дни в ожидании, Рожер выучился курить кальян. Убить время помогало и посещение городских базаров.

— Рисунок, начертанный на песке пустыни... — так много раз говорил шериф Абдеррахман Ях, пока они, взявшись за руки, гуляли по истанбульским улицам. — Если научишься расшифровывать этот рисунок, который может сообщить гораздо больше, чем любые слова, сможешь понять и священный язык ислама.

105 Птицы во время путешествия живут своей жизнью: едят, пьют, размножаются. Рассчитывая на свою интуицию, новые экземпляры, приобретенные в дороге, и природные красители, которые Розаура научилась добавлять к корму в определенных пропорциях, Рожер собирался вывести небольшую нежную птичку — размером с гималайского щегла, которая пела бы, как канарейка и соловей, вместе взятые, а цветом оперения — красно-коралловым — была бы точь-в-точь как борода великого паши.

Чтобы добыть волосок из бороды пирата, Рожер подкупил одного слугу-армянина, который исполнял обязанности постельничего при своем знаменитом господине. Женестар не доверял рабу, доставившему искомый рыжий волос, и потому свою деятельность держал в глубоком секрете, работая по ночам, когда все в доме спали. В тишине, при свете лишь одной свечи, Рожер ухаживал за птицами, примешивал красный краситель к семенам, разводил пигменты в воде, наполнявшей поилки, составлял из птиц пары — чтобы в итоге получить желаемое. Дожидаясь аудиенции, Рожер составлял компанию шерифу Абдеррахману Яху: бродил с ним по местным базарам и базарчикам, где египтянин покупал балтийский янтарь, шелковые ковры и расписную керамику из Пер-

1. Византий, Византия — самое старое название нынешнего Стамбула. 11 мая 330 г. н. э. римский император Константин Великий объявил своей столицей город Византий, переименовав его в Константинополь.
2. Пера — квартал Стамбула, в котором со времен Византийской империи селились европейские купцы (главным образом — генуэзские).
3. Паша — титул высших чиновников и генералов в Турции.

сии, прозрачные газовые ткани, слоновую кость, лунный камень, браслеты из нефрита, сандаловое дерево, синюю эмаль, плитки шафрана, шали из тончайшей индийской шерсти и прочие не менее чудесные вещи, которые привозили в Истанбул со всех концов Османской империи, — а затем немедля грузил их на корабли, отправлявшиеся в Александрию.

Посетив баню, неторопливо выкурив несколько кальянов в обществе других торговцев, выпив мятного чаю, неспешно поболтав по-арабски, Рожер возвращался домой в квартал Пера и неутомимо экспериментировал со своими птицами.

106 Когда результаты работы его удовлетворяли, птицелов обходил все рынки Истанбула в поисках новых подходящих птиц — чтобы продолжить скрещивание, преодолевая саму природу. На базарах окрестных деревень Рожер покупал зябликов, привезенных из самого сердца Африки, воробьев, доставленных прямо с острова Ява, африканских золотистых шилоклювок, пойманных в пустынных оазисах, огненных вьюрков, прибывших на верблюдах из Индии, японских соловьев, пойманных у подножия Фуджи, и огненных бархатных ткачиков с Мадагаскара.

Певчие птицы островов, пустынь, гор, тропических лесов и далеких континентов будто слетались со всех концов света, чтобы испить воды из главного источника Оттоманской империи.

Рожер был счастлив, но ни на секунду не забывал о цели, ради которой приехал в Истанбул.

107 Долгожданная аудиенция, наконец, была назначена. Рожер облачился в свои лучшие одежды и в сопровождении шерифа Абдеррахмана Яха прошел по коридорам дворца Биксара. Роскошный дворец, располагавшийся в Пере, был полон купцов, которые желали встретиться с эмиром Алжира. Одни рассчитывали продать ему всякие чудесные вещи, другие — урегулировать денежные вопросы, третьи — просить одного из самых могущественных людей в мире о милости.

Имея при себе лишь клетку с птицей, Рожер спокойно ждал своей очереди, сидя, как сарацин, прямо на земле. Птица беспокойно вспархивала в клетке, которая была для нее целым миром, ибо другого мира она не знала. А птицелов думал о разноцветных рыбках. Он почувствовал в душе странное томление, тоску, накатившую, как морской прибой; но приступ ностальгии исчез так же быстро, как и начался: ведь на родине его не ждали родители, и, в отличие от разноцвет-

ных рыбок, у которых было лишь две заботы — размножаться и питаться, — птицелова вела по миру огненная звезда любви.

108 Мимо него проходили солдаты, купцы, слуги, евнухи, рабы — и всех их привлекали странные звуки, доносящиеся из клетки. Они останавливались на несколько мгновений, чтобы полюбопытствовать и получше рассмотреть птицу со странным оперением.

Это воистину была сказочная птица.

Самая прекрасная в мире.

Выращенная на семенах цикория и конопли, на вишнях и маковых зернышках, она пела голосом чистым и прозрачным, как звук ситар и арабских флейт.

Оперение ее словно покрасили кошенилью.

А формы, нежные и чувственные, напоминали райских гурий.

Однако это была всего лишь птица в простой клетке из прутьев и травы.

109 Шериф Абдеррахман Ях сначала пал ниц, поцеловал пол и пожелал достославному эмиру всех морей многих лет жизни; затем представил ему Рожера. Тяжелое молчание, словно грозовая туча, нависло над покоями эмира после этих слов. Барбаросса восседал на подушках, разбросанных по шкурам леопарда. Его окружали шелка, фарфор, благовонные курения, янтарь, слоновая кость, драгоценные камни, собаки, кошки, евнухи, рабыни — все, что только могли привезти купцы со всех концов Оттоманской империи и из-за ее границ, чтобы принести в дар эмиру или продать ему.

Юный купец с острова Джерба привез в подарок великому паше всего лишь красную птицу в обычной клетке из прутьев.

Пусть это и была самая прекрасная птица, да еще обученная петь.

110 Тишину нарушало лишь шумное дыхание левреток и аланов[1], отдыхающих у ног эмира, порыкивание леопардов, которых держали на цепях мускулистые рабы, и птичье пение в клетке, стоящей посреди главной залы дворца и подобной песчинке. Глядя на этот убогий дар, все в парадном зале дворца ждали — когда же разразится гроза, назревающая в черных глазах эмира Алжира.

1. Алан — ныне почти вымершая порода собак.

111 — Птица? — воскликнул наконец Барбаросса. — Просто птица в клетке?!

Рожер вновь почтительно поцеловал пол, но ничего не сказал.

— Как ее зовут? — спросил Хайр-ад-Дин, на этот раз — с любопытством.

— Хайр-ад-Дин.

— Но это мое имя!

— Я вывел эту птицу специально для тебя, о великий паша!

— Как это? Как можно вывести птицу? Даже достославному Элиасу, великому знатоку алхимии, этого не удалось.

— Скрещивая разных птиц и добавляя им в еду и питье особые секретные красители.

— Что это за порода? — спросил Барбаросса, лично занимавшийся обучением своих соколов, с которыми потом охотился на равнине Анаварза[1].

— Я вывел ее, начав с небольшой певчей птички родом с Канарских островов, которая нынче в большой моде при христианских королевских дворах и которую мне специально прислали из самого сердца Европы.

Барбаросса поднялся и заглянул в клетку.

— Это мой цвет. Как ты этого добился?

— С помощью волоска.

— Волоска?

— Волоска из твоей бороды, о великий паша.

— Кто тебе его дал?

Рожер заколебался.

— Говори — или твое тело, изрубленное на куски, бросят моим голодным собакам!

— Мне принесла его ласточка.

— Ласточка?

— Я выдрессировал ее. Чтобы она прилетела в покои великого паши, пока он изволит почивать, и выдернула волосок из его бороды. И ласточка принесла мне волосок в мой скромный дом в Пере, зажав его в клюве.

112 — Что я могу тебе дать в ответ на твой дар? — спросил Барбаросса, когда возгласы восхищения и изумления смолкли.

Рожер опустил глаза и едва слышно прошептал на арабском, который выучил, пока путешествовал с шерифом Абдеррахманом Яхом.

— Рабыню...

1. Равнина в Киликии (Турция), находится между Средиземным морем и восточной оконечностью Тавра, прорезанного крупной рекой Сейхан.

Смешки пронеслись по зале и погасли. Вновь воцарилась тишина — как в начале аудиенции.

— Рабыню за птицу? — изумился великий паша. — Не слишком ли щедрая награда для тебя? И какую же из рабынь желаешь ты получить? У меня, как и у индийского царя, в гареме есть несколько испорченных. Хочешь — слепую? Или ту, чье тело сплошь покрыто шрамами?

Рожер поднял глаза и увидел ее позади подушек, на которых восседал великий паша. Она примостилась возле юного нубийца и, позванивая многочисленными браслетами, гладила по загривку леопарда. Африканский хищник, зажмурив глаза, довольно урчал — его околдовали унизанные кольцами пальцы, которые скользили по шелковистой шкуре.

Барбаросса обернулся — и рабыня напряглась, словно тетива лука. Она напоминала прекрасный портрет, только что вышедший из-под кисти художника. И у нее были глаза цвета бирюзы.

113 — Ясмина! — прогрохотал великий паша, давая понять, что не верит своим ушам и что просьба его рассмешила. — Моя любимая рабыня! Мой цветок пустыни! Моя белая ангорская кошка! И ты предлагаешь отдать *ее* в обмен на жалкую клетку с какой-то птицей, которая узурпировала мое имя без всякого разрешения?!

Барбаросса сделал жест, демонстрирующий разочарование и досаду. Янычары алжирского эмира немедленно схватили Рожера и потащили вон из залы. Оказавшись возле клетки, Рожер вырвался из их рук и распахнул дверцу. Барбаросса в ярости вскочил и приказал янычарам опустить ятаганы. Гвардейцы повиновались. На несколько мгновений Рожер словно перенесся к источнику в Обаге.

И увидел, как в клинках сабель отразилось свирепое лицо Барбароссы, который смеялся и смотрел на него.

114 Красная птица кружила под сводами дворца Биксара. Леопарды не сводили глаз с порхающей птички, а собаки лаяли и рычали, как свора демонов. Нубийские рабы — цвета эбенового дерева, в тюрбанах красного шелка — пытались утихомирить псов и леопардов. Шум поднялся адский. Глаза Барбароссы казались углями, которые вот-вот вспыхнут и обожгут огнем.

Однако произошло чудо. Красная птичка, устав летать, спустилась из-под потолка дворцовой залы и уселась на бороду Хайр-ад-Дина. Барбаросса замер, глядя на птаху, которая уцепилась коготками за жесткие волосы, чтобы не упасть.

Берберский пират молча наблюдал, как крохотная птица цвета кармина прячется в непролазной чаще его бороды.

И когда птичка совсем исчезла в волосах, Барбаросса разразился смехом — искренним и детским.

115 Все были глубоко изумлены как поведением красной птички, так и реакцией грозного паши. Одна лишь Ясмина внимательно смотрела на Рожера. Волна смеха прокатилась по зале дворца Биксара, когда птица запела в своем новом гнезде цвета спелой черешни. Ее пение было нежным и прозрачным, как капель. Барбаросса слушал молча, а потом начал смеяться, как безумный, — когда птичка высунулась наружу и он увидел ее крохотный черный клюв.

116 Леопарды вновь улеглись, собаки перестали лаять. Ясмина села и снова принялась гладить леопарда по загривку, по-прежнему не отрывая взгляда от Рожера. Африканский зверь зажмурился от удовольствия; купцы, ожидавшие своей очереди, вернулись к товарам, готовые вскочить по первому зову распорядителя дворцовых церемоний.

Рожер тоже неотрывно смотрел на женщину, ласкавшую леопарда.

Да, это была она — рабыня, которую он видел у источника.

Он в этом не сомневался.

Лишь у одной рабыни в мире могли быть такие глаза.

117 Птица оборвала пение. И тогда Барбаросса сделал жест, который опять мгновенно перенес птицелова к источнику в Обаге. Эмир запустил пальцы в бороду и нащупал птичку. Сжал руку — и так, не раскрывая кулака, поднес птаху к лицу и положил себе в рот. Затем повернулся к рабыне, поднял муслиновое покрывало и поцеловал — как тогда... Рабыня с серебряными браслетами издала свистящий звук, и красный комок перьев затрепетал возле ее губ, окутанный туманом муслина. Спустя мгновение птица сделала круг над их головами, а потом, когда смолкли восхищенные возгласы, села на плечо великого паши и запела.

Пират удовлетворенно и лукаво улыбнулся:

— Я оставляю эту птицу себе! Я мог бы прихлопнуть ее, как муху, но мне кажется, она принесет мне удачу.

Барбаросса повернулся и окинул взглядом груды драгоценных вещей, лежащих повсюду. Протянул руку; не выбирая, взял кинжал в ножнах, отделанных золотом и драгоценными камнями удивительной красоты — подарок купца из Самарры, — и кинул его к ногам Рожера.

Молодой человек даже не взглянул на сверкающие каменья.

Он оторвал взгляд от пола и посмотрел прямо в глаза великому паше:

— Я не могу принять твой подарок!

Голос был тихим, но уверенным.

— Могу только обменять птицу на рабыню, что сидит подле великого паши.

— Что? — прорычал Барбаросса.

Гроза наконец разразилась.

Даже леопарды перестали дышать.

118 Шериф Абдеррахман Ях сделал несколько шагов и встал между Рожером и янычарами.

— Прости столь возмутительную дерзость, о великий паша! — сказал египтянин. — Он еще слишком молод и не знает, как следует себя вести в таком обществе. Прежде чем решать судьбу этого человека, соблаговоли выслушать его историю!

— Кто ты? — прогрохотал Барбаросса, пронизывая шерифа тяжелым взглядом.

Купец с белоснежной бородой — явно старше, чем египтянин — ответил вместо него. Это был старшина Великого истанбульского базара, пользующийся всеобщим уважением:

— Это шериф Абдеррахман Ях, достойный торговец кожами, уроженец нильской долины. Он прибыл к нам из Александрии, я знаю его уже много лет. Товары, привозимые им из Египта, весьма обогащают наш рынок, и он, в свою очередь, немало покупает у нас.

Барбаросса сделал знак янычарам, и они вернулись на свои места.

Красная птичка снова запела.

Ее пение было подобно кристальной речной воде, срывающейся вниз с высокой скалы.

119 Несмотря на свой высокий рост, шериф казался маленьким и потерянным посреди огромной дворцовой залы. Но голос его был тверд, уверен и рассудителен, словно не к великому паше он обращался, а разговаривал с Рожером возле костра или колодца в оазисе, попивая мятный чай или лакомясь свежими финиками, собранными с той же пальмы, которая давала им тень.

— Этого дерзкого юношу, который осмелился докучать великому паше, зовут Укфир аль-Хажиу. Он сын богатого купца с острова Джерба по имени Хасан Укфир. Он был захвачен христианами, когда со своей матерью — прекрасной Катибой

аль-Адоти — направлялся морем в Мекку, совершая священный хадж.

— Говори короче, египтянин! Вы, александрийцы, любите много болтать...

— Христиане привезли их на Мальорку. После чего отправили на остров Джерба вестника с условиями выкупа. Отец выкупил свою супругу, которая славилась удивительной и неповторимой красотой. Но размер выкупа был столь баснословен, что Хасан Укфир остался после этого нищим и не смог собрать денег на возврат сына. Родители не забыли о своем чаде, трудились не покладая рук, чтобы скопить необходимую сумму, а этот несчастный тем временем влачил жалкое существование на Мальорке, в руках нечестивых христиан, которые обращались с ним как с собакой и безмерно его унижали. Мальчик возил воду своему хозяину — грязному вонючему борову, который бил его палкой за каждую пролитую каплю и кормил тухлым мясом. Тогда-то юный Укфир и увидел великого пашу верхом на коне и влюбился в рабыню, которая вела этого жеребца под уздцы. Околдованный красотой девушки, почти потерявший рассудок от тех страданий, которые выпали на его долю, измученный разлукой с матерью, которую боготворил, мальчик пообещал себе, что, когда освободится, обойдет хоть весь мир, но непременно разыщет прекрасную рабыню и соединит с нею свою судьбу. И вот, поиски привели его сюда, в этот чудесный дворец Биксара, где мы сейчас находимся. Умоляю — сжалься над этим влюбленным юношей ради всех мучений, им перенесенных. И Всемилостивый Аллах воздаст тебе!

120 — Я дарую ему жизнь, — огласил свое решение Барбаросса, который понимал, на что могут толкнуть человека любовь и сладострастие, — в обмен на птицу. Ясмина останется со мной — я не расстанусь с ней и за все золото мира.

Великий паша вновь опустился на подушки и сдѣлал знак старшине Великого истанбульского базара, который также исполнял обязанности распорядителя церемоний. Старик посмотрел на кинжал, затем — на Хайр-ад-Дина.

— Это он может оставить себе, — сказал пират, зачерпывая пригоршню фиников. — Птица и кинжал — в обмен на его презренную жизнь. Ради его же блага напомни ему басню раба Эзопа. Пусть не забудет вовек — пока живет, — что положил голову в пасть льву!

121 Леопарды зарычали. Тот, что прежде расслабленно мурлыкал, встал и вышел из дворцового покоя. Рожер, одна-

ко, не тронулся с места и к кинжалу не прикоснулся. Мимо его замершей фигуры проскользнула, шурша газом и муслином, красная тень — и, словно загнанная лань, остановилась возле кинжала.

— Господин! — произнес раб-армянин. — Вовсе не дрессированная ласточка принесла волос из твоей бороды. А я. Я вошел в спальню великого эмира, пока он вкушал послеполуденный сон, и взял волос с подушки. И я заслужил этот кинжал, инкрустированный нефритом, больше, чем чужеземец.

— Ты прав, — сказал Барбаросса, простирая руку к рабу. — У тебя хватило смелости войти в мои покои, пока я спал — беззащитный. И ты заслуживаешь награды. Дай мне кинжал, раб!

Раб-армянин, не веря своему счастью, поднял с пола кинжал и подал его великому паше.

Птица взлетела, и раб упал навзничь: его золотой ошейник окрасился в красный цвет — от обильно текущей крови.

122 — Никто не смеет входить в мои покои тайком, когда я сплю!

Барбаросса уронил кинжал, и тот заскользил по полированным мраморным плитам. Рожер проследил за ним взглядом, но не взял. У него кружилась голова, и он думал о разноцветных рыбках. Он не перенес бы превращения в синюю рыбу и заточения в каменном бассейне, как в тюрьме. Женестар смотрел краем глаза на труп армянина и псов, которые слизывали натекшую на пол кровь; он ощутил порыв схватить кинжал и навсегда забыть про раба.

Ноги, однако, не слушали приказов, посылаемых головой.

123 Барбаросса поднялся; его глаза сверкали, словно две молнии.

— Никогда не встречал подобной дерзости! — казалось, слова вырываются сквозь зубы, подобно клубам дыма. — Хочешь, чтобы я убил тебя, как этого раба?

— Я не могу принять твой подарок, — проговорил Рожер еле слышно, смиренно склонив голову. — Я прибыл из далеких краев ради твоей рабыни и не могу уехать, пока не получу желаемого.

Шериф Абдеррахман Ях подал знак великому паше, приложив указательный палец к левому виску. Пение птицы, вновь усевшейся на правое плечо пирата, было подобно переборам арфы и смягчило напряжение, царившее в дворцовой зале.

124 — Убирайся! — прорычал Барбаросса. — И возвращайся в родительский дом. Потому что если еще раз встречу тебя на своем пути, я сам перережу тебе глотку бебутом[1].

Египтянин взял своего друга за руку, но Рожер вырвался и бросился к ногам великого паши.

— Я готов обменять на рабыню прекрасного вороного жеребца, которого ты оставил на Менорке восемь лет назад!

Леопарды подняли морды, чуя запах крови.

125 Барбаросса снова сел на подушки и — скорее заинтригованный, чем заинтересованный этим предложением — вставил в рот мундштук кальяна. Светловолосая рабыня обмахивала его сандаловым опахалом. Он подождал, пока дым табака пройдет сквозь ароматную воду, и спросил с усмешкой:

— Того самого?

— Того самого.

— Точно того?

— Как одна капля воды похожа на другую каплю.

— Этот жеребец — единственная вещь в мире, которую я ценю больше, чем Ясмину.

126 Словно доблестный янычар, получивший страусиное перо в позолоченном футляре, Барбаросса заинтересовался судьбой жеребца, которого когда-то привез из Алжира и оставил на Менорке с угрожающим посланием на шее. Рожер дрожал от страха, однако говорил твердо и ясно, ибо знал — это его последний шанс.

— Жеребец кружил по острову в поисках вашего корабля. Он хотел вернуться к своему господину и несся галопом, пока не загнал себя почти до смерти. Христиане (одним из них был мой недостойный хозяин) преследовали его, травили собаками. Чем попасть в руки христиан, жеребец предпочел прыгнуть в море. Море приняло жертву благородного животного и не убило его, но превратило в морского конька, для которого водоросли — нежная луговая трава.

127 — Лишь Ясмина обладает воображением более живым, чем твое, — произнес Барбаросса, отсмеявшись. — Ты и моя рабыня можете скрашивать мне бессонные ночи. А еще можешь стать моим авгуром и трактовать божественную волю, наблюдая за полетом и криками птиц. Как ты вернешь мне

1. Бебут — турецкий кинжал с изогнутым клинком.

жеребца, если он превратился в морского конька? Скрестив конька с одной из твоих канареек из Нюрнберга?

— Моя магия — это моя тайна.

— Договорились! — заключил Барбаросса, невольно почувствовавший симпатию к Рожеру. — Я отдам тебе Ясмину в обмен на жеребца, которого оставил на Менорке. Но помни: все имеет свою цену. И в нашей сделке на карту поставлена твоя жизнь.

128 В сопровождении двух янычар, встретивших его по выходе из залы, Рожер вернулся в свое скромное жилище в Пере, где и стал в беспокойстве ждать возвращения шерифа Абдеррахмана Яха.

— Ты сошел с ума? — воскликнул его египетский друг, когда прошел мимо янычар, стоящих на страже. — Вижу, ты не понимаешь, что означают слова великого паши. Ты хоть помнишь, что ему наболтал? Твоя жизнь для него ничего не значит. Однажды он своими руками выпотрошил дворцовых пажей, чтобы выяснить, кто из них украл несколько дынь из его огорода. И обнаружил остатки дыни в желудке одного из них. Мальчику было пятнадцать лет. Хочешь кончить, как он? С распоротым брюхом?

— Пугаешь меня, друг мой шериф? Эта легенда не касается великого паши. Ее рассказывают про Мехмеда II — тирана, любившего розы.

Египетский купец промолчал.

Он уже сделал, что мог.

129 Рожер чувствовал какую-то странную радость. Он любил и готов был заплатить за это собственной жизнью. Однако он кое-что придумал — и, если все пройдет удачно, наградой ему станет Ясмина.

130 Октябрьским утром шериф отплыл на Менорку на корабле контрабандистов. В кошеле у него лежали розовая ракушка и записка. Египетский купец потерял сон и проводил дни на палубе, раз за разом повторяя в уме слова пароля.

Он не понимал этого странного юношу; однако отвага, упрямство и особенно телесная красота Рожера буквально околдовали египетского купца.

131 Корабль контрабандистов ночью бросил якорь в бухте поместья Рафал. Шериф Абдеррахман Ях сошел на берег, где его уже ждал проводник, которого он вызвал условным знаком — уханьем совы. Раб отвел его к дому Рожера, к Франсе-

ске. Светила полная луна, которую время от времени скрывали набегавшие облака. Шериф отдал Франсеске розовую ракушку и рассказал обо всем, что произошло.

Закончив рассказ, египтянин произнес: "Пресная вода весит меньше, чем соленая, равно как и перо легче, чем железо". Услышав эти слова, Франсеска заплакала.

— Она очень красивая, эта рабыня? — спросила по-арабски, не переставая всхлипывать. — Я бы жизнь отдала хотя бы за половину той любви, которую Рожер чувствует к ней...

— Да, она очень красивая, — ответил шериф Абдеррахман Ях, — но и в половину не так красива, как вы.

132 Ясный свет полной луны заставлял сверкать и звезды, и глаза лошадей. Франсеска вывела их из стойл и шериф Абдеррахман Ях любовался ими — как они скачут по выгону.

— Жеребец Барбароссы умер полгода назад, но вон тот — самый нервный, который не перестает нестись галопом в лунном свете — очень похож на него. Он — прямой наследник вороного и наш новый производитель.

— Но я не вижу ни звездочки на лбу, ни белой полоски на ноге...

— Облако закрыло луну, — ответила Франсеска с горькой усмешкой. — Когда подует ночной бриз, увидите обе отметины.

133 Франсеска и египетский купец попрощались. Внезапно шериф Абдеррахман Ях понял все.

— Рожер — это антарктический альбатрос[1], который не знает своей пары, уготованной ему Богом. Альбатрос годами может летать, не опускаясь на сушу, спать прямо в небе, в полете, пить морскую воду, а соль ее течет из его глаз, как слезы... И спустя годы альбатрос возвращается именно туда, откуда улетел, чтобы соединиться с той, кого оставил, ибо она — предназначенная ему пара.

— Рожер — альбатрос, а вы — лучший человек из всех, кого я только знала.

134 Раб-проводник и шериф Абдеррахман Ях вскочили на круп коня и галопом понеслись к морю. Они ждали сигнала с корабля контрабандистов, укрывшегося среди скал, и пока

1. Альбатросы обитают в Южном океане (воды, окружающие Антарктиду). Странствующие альбатросы устраивают свои гнезда по всему Южному океану — от Южной Георгии и островов Тристан-да-Кунья до Индийского океана и в субантарктическом поясе Новой Зеландии.

лодка, посланная за ними, плыла к берегу, оба сидели, обняв-
шись, чувствуя на затылке горячее дыхание жеребца.

135 Жеребец словно взбесился, когда его заперли в трюме, и в надежде проломить стены своей тюрьмы начал бить копытами, вскидываясь на дыбы. Капитану это совсем не понравилось:

— Если твой сумасшедший конь не угомонится, мы выкинем его за борт!

Шериф Абдеррахман Ях завязал коню глаза тканью тюрбана.

Но животное продолжало взбрыкивать и бить копытами в корабельные переборки — повязка его совершенно не успокоила.

— Мы выбросим в море и твою лошадь, и тебя самого, если не успокоишь эту тварь!

Тогда шериф Абдеррахман Ях помянул имя Барбароссы — и моряки во главе с капитаном умолкли.

136 Неделю за неделей Рожер ждал шерифа, заточенный в своем скромном домике в Пере. Чтобы время бежало быстрее, он возился с птицами, а полученные в результате скрещивания экземпляры отправлял в гарем паши.

Дворец Биксара был теперь полон клеток с птицами, которые пели на все лады — не хуже, чем во дворцах европейских королей и аристократов.

Ясмина получила в подарок птицу, цвет оперения которой в точности совпадал с бирюзовым оттенком ее глаз.

Часто, лежа без сна, Рожер представлял себе, как ее тонкие пальцы ласкают бархатные перышки, а сама она слушает переливчатые птичьи трели.

Когда нибудь они смогут слушать их вместе.

137 Беспокойство все больше охватывало Рожера. Он был заперт в своем Истанбульском доме — подобно разноцветным рыбкам.

Чтобы не сойти с ума, он выходил в сад: смотрел на деревья, на прилетавших туда диких птиц, вдыхал аромат цветов. Когда становилось совсем невмоготу, забирался на стену, окружавшую сад, и смотрел на город.

Он чувствовал себя так, словно бродил внутри какого-то странного лабиринта.

Лабиринта, закручивающегося спиралью, как улочки Константинополя.

Лабиринта, стены которого сделаны из воды, песка, глины, извести, дыма и скал.

138 Если ничего не помогало, он прекращал думать о рабыне с голубыми глазами и начинал думать о шерифе Абдеррахмане Яхе. Новости, доходящие до Истанбула, не успокаивали.

Могущественный Сулейман Великолепный, властитель западного Средиземноморья — благодаря победам Барбароссы и его капитанов, — с каждым днем укреплял свою власть. Его военачальники вошли в воды Эбры и атаковали Ампосту. Они высадились на побережье Бадалоны и сожгли город. Разрушили Чильчес, вошли в порты Дения и Алакант, разграбили Парсент и, в довершение всех побед, возле Форментеры[1] захватили флагманский корабль гранадской флотилии и убили генерала Родригеса Портуондо вместе с сыном Доминго.

Королевский штандарт и носовую фигуру с флагманского корабля с триумфом привезли в дар Сулейману Великолепному, и весь Истанбул праздновал это.

Сидя в своей каменной тюрьме, Рожер слышал радостные крики.

139 Турки чрезвычайно воодушевились; как следовало из разговоров, доходивших до скромного домика в Пере, вся военная мощь блистательной Оттоманской империи была готова обрушиться на Тунис — на земли Мулей Хасана[2], давшего клятву вассальной верности Испании, — и собиралась возле Сицилии, в опасной близости от Менорки и прочих христианских королевств.

Дерзкая военная операция — поставившая под угрозу важнейший морской торговый треугольник, образованный портами Валенсии, Барселоны и Балеарских островов — неизбежно разожжет обиду Карла V на Высокую Порту.

Тогда все Средиземное море вспыхнет непреодолимым адским огнем и шериф Абдеррахман Ях не сможет его пересечь, а значит, у него будет весьма мало шансов доставить в Истанбул вороного жеребца.

140 Обо всем этом птицелову рассказал однажды ночью отец Франсески, обманувший бдительность султанских стражников и тайком проникший в дом через окно. Рожер

1. Ампоста и Бадалона — города в Каталонии. Чильчес — городок в Валенсии. Дения (Денья), Алакант, Парсент — города в Валенсии. Форментера — один из Балеарских островов.
2. Правитель Туниса, которого в 1534 г. изгнал Барбаросса.

спросонья не сразу его узнал, но, когда они сели на ковер, чтобы поговорить, увидел знакомые черты Франсески, отраженные в лице бывшего дозорного.

Отец Франсески Бартомеу Лопис, ныне звавшийся прежним именем Мохаммед Амин, одет был весьма скромно, от него исходил запах перца и подгнившей рыбы — как от грузчиков из бухты Золотой Рог.

— Сколько лет я не видел тебя! — произнес по-арабски Мохаммед Амин, вглядываясь в лицо Рожера. Тот тоже внимательно разглядывал нежданного гостя:

— Я был бы рад найти тебя на площадке сторожевой башни — тогда, во время пиратского набега...

— Ну, у меня же никто не спрашивал позволения, когда христиане захватили мою лодку...

— Да, но ты ведь отрекся от своей веры и женился на дочери дозорного!

— Это была презренная жизнь! — спокойно ответил Амин, уверившись, что перед ним именно бывший мальчишка-птицелов с Менорки.

— А теперь? Теперь у тебя какая жизнь?

— Такая же... Но тут я среди своих, и у меня есть надежда на лучшую жизнь.

141 — Я думал, что "свои" — это твои жена и дочь...

— Как поживает дочь стражника?

— Она умерла от лихорадки.

— А Франсеска?

— Живет.

— Чем она занимается?

— Выращивает лошадей.

— Кто бы мог подумать! Она была так привязана к морю.

142 — Мы с тобой можем заключить торговую сделку.

— Как только я получу рабыню, немедленно вернусь на Менорку.

— Ты так же наивен, как твой отец! Хочешь обменять любимую рабыню Барбароссы на какую-то птицу!

— Я выменяю Ясмину на жеребца.

— В обмен на свое молчание я хочу получить долю в торговле птицами. Все благородные люди города желают иметь таких же канареек, как у великого паши и как у королей и аристократов Европы. Ты возьмешь меня в долю.

— Не знаю, кто из нас двоих наивнее! Если я закричу, немедленно явятся стражники, приставленные ко мне, и тебе отрубят голову!

— Ты не сделаешь этого...

— Почему?

— Потому что любишь Франсеску и, коли выберешься живым из Истанбула, в конце концов женишься на ней.

— Я люблю Франсеску как сестру, а она меня — как брата!

— Слепец! Вы любите друг друга, как небо и море.

143 В конце осени пленника в его доме посетил сам Барбаросса. У эмира на руке сидел сокол, и все птицы Рожера, хоть и находились в клетках, были напуганы.

— Благоприятное для навигации время закончилось. Новостей о корабле контрабандистов нет, меж тем зима уже на носу.

— Вовсе нет — декабрь тоже благоприятен для плавания.

— Кто ты такой, свинское отродье, чтобы учить меня навигации?

Рожера впечатлил как сокол, так и гневный взгляд великого паши. Янычары, сопровождавшие пиратского эмира, обнажили ятаганы и ожидали приказа.

У магрибского корсара был кривой нос и твердый взгляд — как у сокола, что сидел на его руке, защищенной специальной перчаткой.

144 Барбаросса надел на голову соколу колпачок. Птицы в клетках, наконец, успокоились. Один из янычар спрятал ятаган в ножны, чтобы принять сокола от великого паши.

— Сокол сломал крыло, он болен. Я сам тренировал его, мне жаль потраченного на него времени и денег. Поэтому я дарую тебе жизнь до конца зимы — и хочу, чтобы он вновь обрел способность летать.

145 Рожер никогда прежде не имел дела с ловчими птицами. Птицелов досконально изучил сокола. Более он ничего сделать не мог. Лишь смотрел на него и пытался постичь его суть. Взгляд птицы был грустным, она едва притрагивалась к еде.

Ясным утром в начале декабря какой-то ворон прилетел в их сад. Увидев его, сокол залетел в угол клетки, где начал крутить головой и дрожать.

Дело было не в переломе — левое крыло уже срослось.

146 Итак, Рожер понял, что произошло с соколом. Но чтобы решить проблему, необходимо было поймать ворона. За время своего заточения птицелов сдружился со стражниками-янычарами — и теперь уговорил их принести ему арбуз и

вино из Салема[1]. Коран запрещает правоверным пить вино, и ему стоило большого труда убедить охранников. Когда вожделенный напиток оказался наконец в его руках, птицелов рассек арбуз напополам, выскреб сочную алую мякоть, порубил на куски и положил обратно. Затем вылил туда же вино, после чего спрятал приманку за стволом смоковницы и стал ждать, когда прилетит ворон.

147 Барбаросса начал терять терпение, а янычарам-стражникам надоело носить Рожеру арбузы, вино и ракы[2].

Однажды утром, в конце февраля, Рожер снова поставил приманку в надежде поймать ворона.

Он знал, что если сегодня не поймает его, то другой возможности уже не будет. Сокол был здоров, но птицелов с Менорки знал: стоит выпустить птицу из клетки, и она вновь задрожит от страха. Птица великого паши просто боялась охотиться, и Рожер должен был избавить ее от этого иррационального страха.

Шериф Абдеррахман Ях не подавал признаков жизни, но Рожер все еще верил, что он привезет жеребца.

148 Вечером Рожер задремал. Его разбудило кваканье — пронзительное и мрачное, будто лягушки из его сна превратились в птиц. Ворон сидел в ветвях смоковницы. Птицелов не видел его, но слышал.

Ворон умолк. Рожер затаил дыхание.

Вновь он словно перенесся в прошлое, к источнику в Обаге.

Птицелов превратился в дерево.

Ощущал себя деревом.

Деревом, в котором уже давным-давно высохли соки.

149 Наконец ворон, привлеченный сладким ароматом арбузной мякоти, спустился с ветвей смоковницы. Ворон оглядел сад, огороженный стеной. Рожер услышал, как сокол начал биться внутри своей клетки.

Ворон еще раз мрачно каркнул и принялся клевать куски арбуза, пропитанные сладким вином.

Рожер расслабился, словно перестал существовать.

Затем стремительно бросился вперед — птица оказалась в его руках.

1. Крепость Сиди Салем находится в тунисском городе Бизерта, который был когда-то крупной пиратской базой.
2. Ракы — крепкий алкогольный напиток, аналогичный бренди; его получают путем дистилляции ферментированных фруктов (инжир, финики, слива). Турецкую ракы настаивают на анисовом корне.

Ворон пытался взлететь, но был совершенно пьян.

150 Рожер запер ворона вместе с соколом и стал ждать возвращения шерифа Абдеррахмана Яха. Пусть его египетский друг не пересек этой зимой Мраморное море и не привез вороного жеребца, зато сокол избавился от страха перед вороном. Сперва они избегали друг друга, затем начали задираться, но в конце концов смирились и научились друг друга терпеть.

Сокол наблюдал, как ворон слетает вниз с горки, которую Рожер соорудил для него из деревянных палочек.

Ворон внимательно смотрел, как сокол молнией обрушивается на мышей, случайно забежавших в клетку.

Ворон учился у сокола.

Сокол учился у ворона.

Оба учились не бояться друг друга.

151 — Ты вылечил сокола, — сказал Барбаросса, после того как взял эту ловчую птицу на охоту вместе с прочими. — Ты сдержал свое слово, должен и я сдержать свое. Через два дня закончится зима, а твой египетский друг так и не привез жеребца. Как ты хочешь умереть? Можешь сам выбрать себе род смерти.

Рожер ожидал от Барбароссы большего великодушия, но ничем не выказал ужаса, который его сковал. Он прекрасно понимал, что великий паша беспощаден к трусам и великодушен к тем, кто способен проявить доблесть.

— Я хочу погибнуть в море.

— Это достойная смерть, — ответил Барбаросса. — Смерть для моряков и соколов моря. Оставшиеся дни можешь провести в моем гареме: рабыни удовлетворят любые твои желания.

— И Ясмина?

— Не испытывай судьбу, чужестранец!

152 Янычары проводили Рожера до дверей личных покоев великого паши во дворце Биксара, где его встретила почтенная матрона преклонных лет. Она взяла птицелова за руку, затворила за ним дверь и провела в какую-то комнату, выходящую окнами в сад, где оставила одного. Посреди обширного помещения стояла мягкая кровать, застеленная девственно-белоснежным покрывалом и украшенная гирляндами и букетами цветов. У изголовья располагался небольшой столик черного дерева с расставленными по размеру склянками — в них были ароматические помады, глазные мази, полоскания для рта и измельченная кожура лимона. Возле ложа, укрытого балдахином, стояли чаша для умывания и резная шкатулка. С прикрепленного к стене слоновьего бивня свисал колокольчик. Пока Рожер ждал, что ка-

кая-нибудь из дверей комнаты распахнется, он рассмотрел рисунок на столике, сунул палец в пару баночек с помадами, перелистал несколько книг на арабском языке, изукрашенных дивной красоты миниатюрами, и насладился ароматом желтых цветов амаранта, сплетенных в гирлянду... Недалеко от кровати на низком столике стоял ящичек с шахматными фигурами, вырезанными из слоновой кости, и доска для игры. В садике с оградой, увитой цветущими растениями, куда можно было попасть только из этой комнаты, Рожер обнаружил клетку со скворцами, ткацкий станок, еще один столик с разложенными на нем инструментами для резьбы по дереву, весы нескольких видов, плошки с ароматическими травами и каменную скамейку: сев на нее, он увидел еще каменную чашу, от которой поднимался пар, и бассейн с разноцветными рыбками.

153 Очарованный этой обстановкой — продуманной, удобной, услаждающей все чувства и, судя по некоторым деталям, сугубо приватной, — Рожер успокоился; напряжение, в котором он пребывал, ослабло, и молодой человек задремал.

Умереть в Истанбуле...

Всего лишь каменная стена и полог из муслина отделяют его от Ясмины...

154 Он проснулся, почувствовав, что чьи-то руки ласкают его, освобождая от одежды. Рожер испугался и попытался подняться, однако сильные руки вернули юношу в прежнее положение. Ему показалось, будто его воля связана тонкими золотыми и медными нитями, и будто десять птичек, порхающих возле него, держат эти нити в своих коготках.

155 Каждая рабыня была не похожа на других, обладала своими физическими и культурными особенностями. Рожер догадался, что они принадлежат к пяти разным расам с трех континентов, омываемых Средиземным морем, — или, говоря иначе, представляют пять областей огромной Оттоманской империи.

156 Раздев Рожера, одалиски начали снимать одежду с себя — не переставая улыбаться и обмениваться шутками. Затем они разошлись по всей комнате и принялись музицировать, танцевать, умащивать себя благовониями, лакомиться сладостями. Рожер, однако, не проявил никакого интереса к этому восхитительному зрелищу. Видя такое безразличие, пятеро девушек слегка встревожились.

Они взяли птицелова под руки и мимо бассейна с рыбками провели к чаше для купания, наполненной горячей водой.

Оказавшись в воде, Рожер вновь задремал. Когда он проснулся, вода уже остыла, а пятеро рабынь ждали у бортика, держа в руках простыни и подносы с голубыми флаконами, содержавшими ароматические масла.

— С которой из нас ты желаешь начать? — спросили они, вытерев тело Рожера и умастив его ароматными жидкостями; после чего безо всякого стыда принялись демонстрировать свои нежные прелести.

Рожер смотрел на них с доброжелательным любопытством, жуя листья бетеля, заботливо перед ним поставленные, — чтобы освежить дыхание.

— С Ясмины, — произнес Рожер; и ответ этот стоил ему невероятного, необъяснимого усилия.

157 Пятеро рабынь беспокойно переглянулись, после чего — словно птички, испуганно вспорхнувшие с ветвей вяза, — окружили его и взяли за руки.

— Барбаросса убьет нас, если мы не сумеем удовлетворить все твои желания! — произнесли они, и ужас исказил их чувственные, но при этом почти детские лица.

— Ваш хозяин не должен знать, что я люблю лишь Ясмину. В ближайшие два дня мы не покинем эту комнату с садом. А чтобы время бежало быстрее, я расскажу вам правду о том, что привело меня сюда.

158 Пятеро девушек желали этого чужестранца, однако им не оставалось ничего иного, как принять его предложение и вновь облачиться в свои наряды. По ночам они ублажали друг друга, а днем собирались подле Рожера и слушали его странные речи.

Рожер рассказывал им о Франсеске, о Менорке, о Ясмине: о том, как он был околдован красотой рабыни, когда увидел ее из своего укрытия подле источника в Обаге; о путешествии через пустыню, которое совершил ради прекрасных голубых глаз...

Пятеро наложниц слушали его, раскрыв рот.

Все пятеро буквально сгорали от любви к этому чужестранцу.

Среди прочего и потому, что он должен был скоро погибнуть.

Смерть — сильнейший стимулятор полового влечения, против которого ни одна из них не могла устоять.

159 Всю последнюю ночь рабыни проплакали. Рожер утешал их, однако не переставал смотреть в окно, выходящее в сторону порта. Здешний порт походил на гавань Маона, однако был

гораздо больше: жизнь — морская, военная, торговая — в нем била ключом, Рожер думал, что, может, как раз сейчас воды залива бороздит шхуна контрабандистов, которая вскоре доставит в город шерифа Абдеррахмана Яха и вороного жеребца.

160 Когда оставалось совсем немного времени до того момента, как весна сменит зиму, индийская рабыня тайком покинула гарем и бросилась в покои великого паши. Барбаросса выслушал ее рассказ и, одевшись, распахнул двери гарема.

— Хочу говорящего ворона! — прогрохотал он, разбудив остальных четырех наложниц и самого Рожера. — Если преподнесешь мне ворона, который со мной заговорит, я тебе подарю весну!

161 Рожер вернулся к себе домой в Перу и взял в руки черную птицу. На какое-то мгновение птицелов поддался соблазну бежать, но черные перья ворона, отливающие металлической синевой, вернули его к реальности.

Ибо напомнили о глазах Ясмины, которые он надеялся вскоре увидеть.

162 Рожер посадил птицу на низкую каменную колонку, вынул из складок своей джелабы яблоко и плод манго.

— На каком языке желаешь, чтобы ворон заговорил с тобой? — спросил он пирата. — Если он съест яблоко, то заговорит на кастильском наречии. А если съест манго — на языке Аллаха...

Барбаросса усмехнулся и погладил бороду.

— А на каком языке он более красноречив?

— На арабском! — ответил птицелов с надеждой.

— Тогда пусть говорит по-кастильски! Не люблю пустой болтовни и таких болтунов, как твой приятель шериф Абдеррахман Ях!

163 Обескураженный неожиданным ответом пирата, Рожер содрогнулся. Он и подумать не мог, что Барбаросса сделает такой неожиданный выбор, ибо ничего не знал о познаниях великого паши в иностранных языках. На самом деле птицелов не знал очень многого о своем мусульманском Амфитрионе. Например — того, что тот свободно изъясняется на кастильском наречии и что у него есть слуги-испанцы. И еще — что Барбаросса вершит суд изощренно и лукаво, что за его напускным великодушием скрывается удивительное хитроумие, свойственное безумцам. Отвага, осторожность в битвах, дар предвидения и стойкость, которую он демонстриро-

вал перед лицом любых невзгод, превратили этого правителя в великого исторического деятеля; он внушал людям либо восхищение, либо ненависть — его жестокость и сластолюбие поражали воображение.

Ворон, сидящий на верхушке колонны, издал картавое "Крру".

Рожер и забыл, что вороны умеют так кричать.

164 Еще прежде, чтобы время вынужденного заточения в предместье Истанбула проходило быстрее, Рожер выучил ворона болтать. Это была умная птица и еще молодая, она легко училась всему посредством игры. Излечившись благодаря птицелову от страха перед соколом, ворон немедленно начал подражать звукам, которые слышал, — в том числе и человеческой речи. Молодой человек рассказал об этом наложницам в гареме и теперь боялся, что ворон, если отведает зеленого яблока, навсегда оборвет его — птицелова — жизнь, после отплытия с Менорки превратившуюся в сладкий кошмар.

165 Ворон посмотрел на яблоко и слетел с колонны вниз. Затем внимательно взглянул на Барбароссу и принялся клевать зеленый плод. Рожер дождался, пока он закончил трапезу, и свистнул. Ворон уселся ему на руку. В дворцовой зале воцарилась гробовая тишина. Ворон обвел бесстыдным взглядом рабынь, леопардов, их стражей — воинственного вида нубийцев, — аланов и евнухов, после чего открыл клюв и запел. Это была народная кастильская песенка, слышанная Рожером давным-давно в порту Маон:

Barbarroja, Barbarroja,
Tú eres el rey del mal,
No hay dolor ni cumplimiento
De carácter infernal
Que no fuese acontecido
Por pirata sin igual[1].

166 Казалось, тишина скрипит, словно кто-то провел пальцем по куску муслина. А ворон, исполнив бесстыжую песенку, вновь принялся клевать зеленое яблоко.

1. Барбаросса, Барбаросса,
Ты — повелитель зла.
И нет таких дьявольских
мучений и жестокостей,
которых бы ты не причинял —
пират, которому нет равных!

– Ха! Ха! Ха! – рассмеялся Барбаросса, взорвав обморочную тишину. – Это храбрая и дерзкая птица! Она похожа на меня. Да к тому же удачно подражает моей речи. Я дарю тебе весну!

Люди, находящиеся в зале, подхватили смех великого паши, но веселились они со стесненным сердцем. Ворон поднял голову и осмотрел всех присутствующих. После чего, не заботясь о приличиях, вернулся к трапезе, словно именно он и был здесь настоящим повелителем.

167 И снова Рожер почувствовал вкус к жизни. У него впереди была вся весна, и он не сомневался, что, вопреки непогоде, шхуна контрабандистов, нанятая шерифом Абдеррахманом Яхом, вскоре – с вороным жеребцом в просоленном и просмоленном чреве – появится в бухте Золотой Рог.

А чтобы время бежало быстрее, Рожер вернулся к своим опытам с птицами.

168 Капитан был в бешенстве. Наступил уже конец осени, и они чуть не затонули у острова Джерба по милости вороного жеребца, вытворявшего бог знает что. Моряки перекрыли путь к трюму и попытались напасть на шерифа Абдеррахмана Яха и его раба, чтобы сбросить их за борт. Капитан не позволил им это сделать, однако дал себе слово, что, если они переживут шторм, высадит беспокойных пассажиров на Джербе или в любом другом мусульманском порту.

Больше, чем великого паши, матросы боялись разбушевавшегося моря.

169 Раб и шериф сошли на берег в порту Джербы и под уздцы свели вниз по трапу жеребца. Ни один капитан не брался доставить их в Истанбул. Контрабандисты уже рассказали всем о дьявольском норове коня, и никто не хотел подвергать себя риску утонуть по вине сумасшедшей твари.

Шериф впал в отчаяние. Он знал, что жизнь его друга зависит от этого неуправляемого животного. Египтянин оставил жеребца в конюшне на постоялом дворе, а сам в сопровождении раба отправился в турецкую баню, чтобы там спокойно обдумать сложившуюся ситуацию.

170 После стольких дней, проведенных в море, шериф чувствовал себя так, будто его завернули в простыню, сотканную из пресной воды. Он чувствовал, как одна капля соединяется с другой, еще более горячей, затем обе они сливаются с про-

чими каплями — и вот уже обжигающий поток бежит по телу странника, увлекая его прямо в Ускудар[1].

Раб поднялся и плеснул еще воды на раскаленные каменные плиты. Шериф протянул руку и погладил его мускулистое бедро. Сладкая истома заставила его закрыть глаза. Ему казалось, вода превратилась в серебряную реку и вороной жеребец плывет по этой реке в Истанбул.

171 Запертый на острове, шериф отправился к местному астрологу — узнать свое будущее. Сизоворонка кружила над ними, пока они шли к гадателю, а черная кошка бежала впереди с левой стороны. Несмотря на эти дурные предзнаменования, астролог был твердо уверен в благополучном исходе дела:

— Тебя ждет хорошее будущее, если ты решишься пожертвовать собой ради достижения желаемой цели.

Астролог знал о жеребце со слов капитана шхуны, который приходил к нему, чтобы узнать свою судьбу, — в ту же ночь, когда причалил к Джербе. Астролог сказал, что отдаст александрийскому купцу свою кобылу, пришедшую сейчас в охоту. Вместе с египтянином он отправился в порт, чтобы поискать судно, готовое доставить злополучный груз. Покровительство астролога сделало свое дело — они без труда нашли корабль, шериф даже смог выбрать из нескольких более подходящий для него. У звездочета — в благодарность за совет и за кобылу — остался раб Абдеррахмана Яха, а купец привел на корабль двух лошадей. Потом простился с астрологом и с рабом, к которому питал искреннее расположение. Все было готово к отплытию в Истанбул.

— Если кобыла не успокоит твоего жеребца, дай ему гашиш!

172 Шериф погрузился в раздумья. Он боялся не успеть к условленному сроку и погубить друга. Очень может быть, что его друг уже мертв... Погода была неблагоприятная, однако, вопреки волнению на море, жеребец спокойно стоял в трюме рядом с кобылой.

Через два дня плавания, когда вдали уже показались темные очертания Сицилии, стоявшие на палубе люди вдруг услышали сильный удар. Звук шел откуда-то снизу. Моряки спустились в трюм и увидели нечто ужасное. Кобыла лежала

1. Район Скутари (Ускудар) расположен в азиатской части Истанбула и является отправным пунктом для караванов, направляющихся в Мекку и Медину.

с распоротым брюхом, похожим на треснувший гранат, а жеребец пожирал куски ее плоти...

Тогда шериф достал гашиш.

173 Члены команды расступились, и шериф, как советовал астролог, подмешал наркотик к пище коня — сену и плодам рожкового дерева. Матросы выбросили за борт мертвую кобылу и наблюдали, как морские птицы опускаются ей на живот, пока туша медленно погружается в воду.

Моряки всю ночь с тревогой прислушивались к происходящему в трюме, однако жеребец утихомирился, и они — уже без задержек — продолжали плыть к Истанбулу.

174 Весна заканчивалась, и Рожер лично в этом удостоверился, когда однажды, устроившись на ночной отдых возле миндального дерева, наутро проснулся весь засыпанный белыми лепестками. Он стряхнул с себя лепестки и подбежал к стене. Молодой человек напряженно всматривался в морскую даль, наблюдая, как в этот ранний час первые корабли входят в порт Истанбула через канал. С ним, Рожером, все кончено — он это понимал. Оставалось ждать знака Судьбы. Он сел в тени смоковницы, прислонившись головой к каменной стене. Птицелов чувствовал себя опустошенным. Он не боялся смерти, но его приводило в отчаянье, что надежды жениться на Ясмине у него практически не осталось. Рожер еще сильнее вдавил голову в стену и почувствовал боль, напоровшись затылком на каменный выступ. Он передвинулся, но что-то на поверхности стены все равно мешало, упиралось — словно хотело привлечь к себе внимание. Рожер вскочил на ноги. Он внимательно осмотрел неровности каменной кладки — и внезапно понял все, что с ним происходило. Птицелов увидел морскую ракушку, впечатавшуюся в камень миллионы лет назад. И подумал о той розовой ракушке, которую шериф нашел в пустыне и которую сам он потом послал с шерифом как подарок и пароль для Франсески; затем сразу же вспомнил бесчисленное количество ракушек, которые собирал со дна моря в порту Маон в детстве. Все это было единым целым. Пустыня, остров, Истанбул, море и его жизнь...

Спокойно, без спешки, он прошел на кухню, взял нож и аккуратно выковырнул ракушку из стены.

175 Зажав маленькую ракушку в руке и почувствовав кожей ее неровную поверхность, Рожер ободрился. Он был уверен, что те течения, которые порождают морские раковины, способны сотворить пустыни и острова, а море сделать соле-

ным, — что такие течения когда-то сливаются воедино, чтобы начертать его, Рожера, путь. И что горячий поток, родившийся в порту Маон, затем пересек древнее море Великой песчаной пустыни и достиг каменных стен этого дома в Пере, в Истанбуле. Никто не может противиться течению, которое подхватывает всякого, оказавшегося на его пути; поэтому Рожер знал — сегодня шериф Абдеррахман Ях прибудет в город с вороным жеребцом.

Так что птицелов нисколько не удивился, когда услышал крик сокола, гортанное бормотание ворона, переливчатую трель красной канарейки и радостный возглас Барбароссы, который, даже не пытаясь скрыть свое счастье, гарцевал на вороном жеребце со звездой во лбу.

За прошедшее — не такое уж большое — время шериф Абдеррахман Ях постарел лет на пять, однако он тоже улыбался подле великого паши. Рабы, несшие птиц, смотрели на египтянина с восхищением и любопытством.

Ясмина плакала.

Рожер так и не узнал никогда, были ли то слезы радости или грусти...

176 Они доехали вместе до Александрии, где должны были проститься. У шерифа Абдеррахмана Яха в глазах стояли слезы, его руки дрожали:

— Ты владеешь дивным сокровищем, которое подле тебя, но не сознаешь этого. Ныне ты обрел новое сокровище, однако должен будешь его потерять. Ибо еще не выплакал всю соль, которую проглотил вместе с морской водой.

Рожер обнял друга, хоть и не понял его загадочных слов. И продолжил путь к своему родному острову. Шериф был ему учителем, и птицелов никогда этого не забудет. Ведь египтянин научил его уважать различия между людьми, ценить красоту, всегда стараться быть стойким и добрым. Мусульмане и христиане сами по себе были лишь миллионами разрозненных песчинок или капель, но вместе они сливались в пустыни и океаны.

177 Во время путешествия Рожер не мог выкинуть из головы загадочные слова шерифа Абдеррахмана Яха. Ясмина вела себя странно. Хоть теперь не было никакой необходимости носить чадру, она упорно не желала ее снять. Она столько лет прожила среди мусульман, что стыдливость не позволяла ей открыть лицо. Птицелов все больше и больше тревожился, и ему стоило нечеловеческих усилий сдерживать подступающую тоску.

178 Через неделю после начала плавания Ясмина решилась-таки показать лицо. Рожер накрыл в каюте роскошный стол и молодая женщина, закончив трапезу, откинула чадру, позволив тонкой муслиновой ткани явить свету то, что та прежде скрывала. Рожер обомлел. Даже в самых смелых мечтах он не мог и помыслить о лице столь прекрасном и совершенном. Но по лицу бывшей любимой рабыни великого паши текли слезы. И Женестар впервые услышал ее голос: сладостный, мелодичный, однако полный внутренней муки и глубокой грусти. В эту минуту Рожер понял, что ни разу не слышал, чтобы она говорила, — и ему стоило большого труда не заплакать самому.

Ясмина, как оказалось, никогда не бывала на Менорке.

179 Ясмина рассказала свою историю. На самом деле ее звали Мария и она была дочерью правителя Фонди[1]. Однажды, когда она гуляла с подругами по берегу моря, возле прибрежных скал появился корабль. Девушек будто околдовали его белые, как только что выпавший снег, паруса, а когда они заметили, что это пиратская шхуна, бежать было поздно. Турки догнали их, схватили и увезли в Алжир, и над головами пленниц сияли белоснежные паруса.

— А что ваш отец? Он не заплатил выкуп?

— Нельзя заплатить выкуп, если его никто не хочет получить...

180 Когда корабль вошел в воды Тирренского моря и приблизился к берегам Италии, Мария принялась плакать.

— Сжальтесь надо мной, господин! Отвезите меня домой и будьте уверены — мой отец вас достойно вознаградит!

Рожер приказал капитану судна бросить якорь на ночевку возле того места, где когда-то была схвачена девушка. Оттуда они отправились в Фонди пешком. Ясмина не переставая плакала. Несмотря на ночную темноту, она узнавала каждый камень, каждое дерево, каждую травинку, встречавшиеся у них на пути.

Мария вдыхала ароматы родной земли и рыдала от счастья.

181 Родители Марии были уже весьма преклонного возраста, однако сразу приняли дочь, пусть она и провела столько времени среди мусульман.

1. Прибрежный город Фонди (Центральная Италия) расположен между Римом и Неаполем: 100 км от Рима, 100 — от Неаполя.

— Этот доблестный молодой человек спас меня. Того, чего вы не смогли добиться с помощью денег, он достиг благодаря птице, обученной говорить.

Отец Марии разжал объятия, в которых все еще держал свою вновь обретенную дочь, и взял Женестара за руку:

— Чем мы можем отблагодарить тебя?

Поскольку Рожер молчал, правитель Фонди обнял его:

— Я отдам тебе выкуп, который потребовали от нас турки, но злокозненный Барбаросса взять отказался.

Рожер опустил глаза.

— Нет, — ответил он. — Я возьму лишь двух самых лучших ваших птиц, одного жеребца и христианскую одежду — чтобы продолжить путешествие.

182 Рожер обнял Марию и, погрузив все необходимое на корабль, продолжил путь, который проложил на картах еще во францисканском монастыре. С серым жеребцом, белым дроздом и альпийским зябликом Рожер направился в сторону Венеции. Как он и мечтал в монастырской библиотеке, сидя над дивно иллюстрированными географическими атласами и картами, он оставил гималайского щегла в доме, где родился Марко Поло; потом, подобно Ганнибалу, перешел через Альпы, пересек Валенштадт, перевал Септимер, Баварию и лигурийское побережье — а множество птиц, которых птицелов вез в плетеных клетках, воспевали деяния, свершенные прославленными путешественниками.

В Марселе Рожер сел на корабль, и певучий караван направился к Мальорке, где молодой человек оставил занзибарского зяблика на могиле Рамона Льюля.

В завершение путешествия, о каком он лишь мечтал, когда мальчиком сидел над книгами и картами, Рожер погрузился на генуэзскую шхуну и прошел через мальоркинский канал, подгоняемый ласковыми ветрами юга. Он вернулся домой, нисколько не разбогатев, — но в карманах его скопились морская соль и дорожная пыль...

183 Корабль Рожера вошел в порт Маон, словно баклан, расправивший в полете крылья. Береговые дозорные возвестили о его прибытии, и, когда шхуна еще только швартовалась, на причале уже ждали дорогих сердцу пассажиров.

184 Шепоток разочарования пробежал по толпе, когда люди увидели, что Рожер спускается на берег один, без долгожданной пленницы из Тремиссена. Однако это не помешало знакомым броситься к нему с объятиями.

Последним к нему подошел отец Аргимбау:

— Как там Розаура Томас?

— Так же, как и когда ее видели вы.

— Она уже вышла замуж за сына красильщика?

— Теперь ее зовут Зафира. Они поженятся, когда умрет отец жениха.

Отец-мерседарий покачал головой.

— Она славная девочка, но больше любит краски, чем веру, в которую ее крестили... Ее несчастные родители будут безутешны...

185 Хотя приветственные объятия были самыми теплыми, Франсеска хранила молчание. Как и раньше, она смотрела на Рожера, помня, сколь многое их разделяет.

Она нашла, что он похудел, вытянулся, стал более зрелым, еще более замкнутым и опустошенным.

Но более всего ее поразили его глаза.

Это были глаза подстреленного животного.

186 Правда, в то утро усталые глаза Рожера полнились радостью. Его правый глаз даже подмигивал, и Франсеска сочла это хорошим знаком.

187 Отец-мерседарий ушел, однако, прежде чем отправиться во францисканский монастырь, он рассказал Рожеру обо всем, что произошло на острове за время его отсутствия.

Менорка, наконец, немного оправилась после долгого периода несчастий и засухи, однако Сеньор умер, не оставив наследника, ибо сын его умер во младенчестве.

— Наследник родился в ту же ночь, что и ты, поэтому будет справедливо, если ты его и заменишь.

Рожер заплакал.

Он был теперь богат, а в его карманах лежали дорожная пыль и морская соль.

188 Побывав в старом доме поместья Рафал, куда его проводила Франсеска, Женестар захотел навестить семью Розауры Томас. Старик сторож поцеловал ему руку, однако Рожер отдернул ее. У Жулиа Томаса по-прежнему не было подходящей скотины, поэтому, чтобы вспахать свое худосочное поле, он впрягал в плуг маленькую ослицу и большого щетинистого борова, раздобревшего на очистках и желудях.

Рожер подарил бывшему обидчику корову, быка и двух ягнят.

И даровал в вечное владение хижину и всю ту землю, что старик возделал тяжким трудом при помощи лишь топора,

молотка каменщика, лома, мотыги, кривого ножа и плетеной корзины.

189 Наконец они остались в старом доме Рафал одни.

Франсеска привыкла и к тому, что Женестар часами может молчать, и к его глазам подстреленного животного.

– Я влюбился в видение, сон... Но я хотел бы жениться... жениться на тебе, чтобы ты привязала меня к реальности... Что скажешь?

По коже Франсески пробежали мурашки.

Они оставили открытым окно, через которое в комнату ворвался ветер.

190 Несмотря на дрожь, Франсеска принялась раздеваться. Рожер смотрел на нее в изумлении. Она была самой прекрасной женщиной из всех, кого он когда-либо видел. С восхитительной улыбкой. И столь совершенным телом, будто его выточила морская вода. После любви Франсеска положила голову на колени возлюбленного, по ее лицу текли слезы.

– Отчего ты плачешь?

– Потому что люблю тебя, а ты влюблен в призрак, рожденный твоей памятью...

– Тебя я тоже люблю!

– Но не так, как ее.

Франсеска подняла голову. Затем встала и закрыла окно – ветер стих.

191 На их свадьбе казалось, будто Рожер вновь почувствовал вкус к жизни. Но когда приглашенные разошлись, он опять погрузился в тоскливое молчание. Франсеска сочувствовала ему, но и сама начала таять подле него.

Рожер был рядом – но они, словно два альбатроса, продолжали жить, разделенные океаном.

192 С рождением Элисабет Рожер повеселел.

И принялся рассказывать девочке про свое путешествие в далекие земли, лежащие за морем.

Он обращался непосредственно к дочке, но голос его, несмотря на воодушевление, звучал отстраненно.

Этот голос пронизывал тело Франсески, словно ветер, проходящий сквозь металлическое кольцо на рукояти кинжала.

193 Рожер любил Элисабет до безумия. Он сразу перенес на дочку всю ту любовь, которую чувствовал к рабыне из прошлого.

Барбаросса заика.

Посреди дворца Биксара располагается садик с фонтаном, к которому слетаются на водопой щеглы и коноплянки.

Во дворце Топкапы[1] есть драгоценные камни размером с голубиное яйцо.

В пустыне звезды похожи на льдинки.

Вода в оазисах сладкая как мед.

Африка пахнет мастиковым деревом, пихтой и дроком.

194 – Прямо как здесь.

– Именно это я и хотел сказать.

195 Рожер чуть не спятил от счастья, когда Элисабет впервые заговорила. Птицы, лошади и дочка – вот и все, что ему было нужно в этом мире. Долгое время казалось, что он обрел внутреннее равновесие. Рожер вставал очень рано, хоть и имел слуг, сам задавал корм лошадям и без устали возился с птицами. Покончив с делами, учил Элисабет читать и писать. Сажал дочку себе на колени, и она, играя, легко обучалась всему.

Иногда, когда Женестар был всем доволен, он болтал с Франсеской о будущем. Он, мол, выведет удивительную птицу и начнет поставлять ее во все страны мира, а Элисабет будет учиться в лучших европейских университетах – правда, для этого ей придется переодеваться мужчиной.

И казалось, что ракушку Рожера, вынутую им из стены в Пере, и розовую ракушку Франсески, которую шериф Абдеррахман Ях когда-то вручил птицелову, найдя в песках пустыни, соединило некое горячее течение, подарившее этим супругам дочь.

Однако когда они ложились, Франсеска засыпала, Рожер же всю ночь проводил без сна.

196 Каждый день, прежде чем приступить к работе, Рожер седлал старого серого жеребца, которого ему подарил отец Марии, и скакал по Королевской дороге до порта Маон. На молу он смешивался с рыбаками и матросами, которые приплывали на остров со всех концов света.

Возвращаясь, Женестар всегда привозил подарки Франсеске и Элисабет: шелковые платки, игрушки, куклы, сладости, дудочки, музыкальные шкатулки, шляпы...

Привозил и новости из дальних земель, доставленные на Менорку моряками.

1. Султанский дворец в Стамбуле, построенный в 1475–1478 гг.

197 Новости, однако, доходили до острова с опозданием.

Сулейман Великолепный, благодаря своему верному паладину Средиземного моря, решительному и безжалостному Барбароссе, совершил то, чем давно грозил врагам. Воспользовавшись слабостью христиан на море и отсутствием согласия между ними, он провел быструю военную операцию и подчинил себе Тунис.

Земли вассала Испании, султана Хафси Мулей Хасана, располагались в чрезвычайно важном со стратегической точки зрения месте — вдоль Сицилийского пролива[1], через который на средиземноморские рынки шли корабли с испанской шерстью, солью из Кадиса и Алмерии, берберскими кожами, выделанными в Севилье, маслом из Андалусии и с Мальорки, сахаром с Канарских островов, драгоценными товарами из Америки...

Теперь Оттоманская империя получила возможность контролировать этот путь и угрожающе нависла над Западом.

Шел год 1534-й, и никто ничего не сделал, чтобы избежать такого поворота событий.

198 Только по прошествии года великий император Карл I отреагировал на случившееся. Заключив перемирие со своими европейскими недругами, властитель "солнечной империи" смог приступить к воплощению своей заветной мечты: возглавить крестовый поход против ислама. Заручившись поддержкой папы Павла III[2] и многочисленных правителей Европы (однако без участия Франции, которая, напротив, послала корабли и оружие магометанам), Карл I к весне 1535 года собрал огромное войско, состоящее из итальянцев, португальцев, испанцев и немцев.

Солдаты и офицеры, надувшиеся от гордости, разгуливали по улицам Барселоны.

Двенадцать тысяч человек, расфуфыренных в пух и прах.

Лучшие воины христианского мира.

Их оружие сверкало на солнце.

Кружева и бархат кружили головы барселонским дамам, выходившим к дверям своих домов, чтобы взглянуть на прохожих.

Горожане чествовали их, как победителей.

И были уверены, что доблестное войско императора пресечет турецкую угрозу, пришедшую из-за моря.

1. Пролив между Сицилией и Тунисом (известен также как Тунисский пролив). Отделяет Тирренское море и западную часть Средиземного моря от его восточной части.
2. Павел III (Алессандро Фарнезе, 1468–1549) был папой в 1534–1549 гг.

199 Прежде чем отправиться на войну, император поднялся на гору Монтсеррат[1].

Два дня провел он в молитве, затворившись в монастырской келье.

200 Армада вышла в море 30 мая.

Великолепная "Бастарда" императора возглавила экспедицию.

Андреа Дориа руководил военной кампанией.

Галеры Дона Альваро де Базана защищали арьергард.

Вскоре флот оставил Барселону позади и повернул на юг.

Никогда еще над морской гладью не плыло одновременно столько парусов.

Их сопровождало целое облако птиц.

Растревоженных.

Пребывающих в замешательстве.

201 5 июня имперская эскадра подошла к Менорке, прежде сделав остановку в бухте Алкудия[2].

Рожер наблюдал за морем со сторожевой башни поместья Рафал; увидев корабли, он, не раздумывая, оседлал серого жеребца и поскакал в порт Маон.

Представители местной власти, снаряженные должным образом, уже ждали армаду на молу.

Губернатор и верховный капитан Менорки покинул столицу острова — Сьюдаделу — и скакал верхом на лошади в Маон, несмотря на свой преклонный возраст.

Алькальды Маона и замка встречали прибывших возле Королевского моста.

Отцы францисканцы, которым Карл I передал в пользование угодья Калета и даровал исключительное право ловить сетями рыбу до линии подводных камней, спустились в порт по узкой дороге, принадлежащей монастырю.

Рожер пребывал к крайнем возбуждении.

Несколькими годами ранее он лично узнал Барбароссу, а теперь увидит Андреа Дориа и императора христиан.

202 Карл I присутствовал на мессе, которую отслужили в Санта-Марии, после чего расположился на отдых в господском доме поместья Рафал. Рожер, словно любознательный ребенок,

1. Бенедиктинский монастырь на горе Монтсеррат (действующий и сегодня) — духовный символ и религиозный центр Каталонии и центр паломничества католиков со всего мира.
2. Бухта на северо-востоке Мальорки.

слушал императора, говорившего по-кастильски с мягким иностранным акцентом. Отведав восхитительных, начиненных сыром, флаонов[1], приготовленных Франсеской, король — глаза его будто путешествовали по обширной карте необъятной империи и наносили на нее невидимые координаты — без умолку рассуждал про плавание португальца Фернандо Магеллана, убитого на острове Себу; про Хуана Себастьяна Элькано, который объединил под своим началом выживших моряков и закончил первое в мире кругосветное путешествие; про нидерландского эрудита и гуманиста Эразма Роттердамского, который в своих драгоценных сочинениях обнажил противоречия в вере католиков и протестантов; про чудесного итальянского художника Тициана, изобразившего императора верхом на жеребце в битве при Мюльберге[2]; про усовершенствованный печатный станок Гуттенберга, совершивший настоящую революцию в книжном деле...

— С типографским станком и шпагой мы распространим нашу веру по всему миру!

203 Франсеску била дрожь, пока она ждала мужа, закрывшись в комнате Элисабет.

— Отчего ты не скажешь ему правду? — спросила ее семилетняя дочь, которую нисколько не впечатлил тот факт, что у них в доме находится император со светлыми глазами и великолепной русой бородой, как у берберского пирата.

— Ты знаешь ответ так же хорошо, как и я. Я хочу, чтобы он обнаружил это сам.

— Разве ты не видела его глаза?

— Видела. Ты тем более должна позволить мне любить его, раз знаешь правду.

— Он хочет зафрахтовать судно и снова пуститься в путешествие — в поисках зеркала.

— Что ж... Мы не можем ничего поделать...

— Ты уверена?

— Только надеяться...

204 Рожер преподнес в дар императору Карлу I точно такую же птицу, какую в свое время подарил Барбароссе. Если не считать двух отличий: у новой птички было серое пятнышко

1. Каталонский пирог с начинкой из сыра или творога и различными сладкими добавками.
2. В битве при Мюльберге армия Карла V разбила 24 апреля 1547 года войска Шмалькальденского союза (оборонительный союз, заключенный германскими протестантскими князьями и направленный против религиозной политики императора).

на спине и клетка не плетеная, из камыша, а сделанная из радужных морских ракушек, собранных с песчаного дна в порту Маон. Рожер продемонстрировал императору лошадей из своего табуна, ведущих родословную от жеребца Барбароссы, и показал сад, накрытый сверху сетью, которая не позволяла разлететься целой стае зябликов, любимейших его птиц.

В завершение птицелов предложил императору поучаствовать в охоте на щеглов.

205 Император принял предложение и показал себя великолепным охотником. Сидя в засаде, он проявил спокойствие и, несмотря на болезненную подагру, сумел быть неподвижным, словно дерево.

Ожидать прилета осторожных птиц, замерев в "гнезде" из вереска и ветвей кермесового дуба и слушая журчание воды в источнике Обага, – это, Ваше Величество, тоже своего рода молитва...

206 Охота получилась очень зрелищной. Щеглы, словно желая продемонстрировать императору свое прекрасное красочное оперение, поочередно слетали с ветвей вяза, и казалось, на поляну падают черные, желтые и красные хлопья странного разноцветного снега.

Когда цветная птаха прилипала к приманке лапками или крылом, император быстро выскакивал из укрытия, осторожно высвобождал ее и уносил – чтобы потом очистить от клея, протерев маслом мастичной фисташки, и посадить в клетку.

Когда клетка наполнилась, император и Рожер умылись холодной водой из источника.

И, несмотря на мучительную подагру, император отправился в сопровождении Женестара на могилу рыцаря Жузепа Фарнеса, дабы помолиться за упокой его души.

207 Перед тем как покинуть остров, император приказал слугам купить у торговцев в порту клетку, сделанную из ракушек-жемчужниц. В нее он посадил одного из щеглов, пойманных им на охоте. Капитаны других судов последовали примеру монарха, и потому на каждом корабле эскадры, выступившей в 1535 году в поход против Туниса, на главной палубе висела перламутровая клетка со щеглом.

– Щеглы своими клювами вытащат шипы из тернового венца Спасителя! – сказал император, после того как флот отчалил и направился к берегам Африки. – Потому кровь

Господа будет сопровождать нас, упокоившись в потире его бороды.

208 Рожер плыл на борту той же "Бастарды".

Перед тем как покинуть дом, он взял шнурок, на котором висела ракушка, когда-то найденная им в Пере, и надел на нежную аистиную шейку Элисабет.

— Приплыв в Африку, я найду в песке пустыни ракушку, подую в нее, чтоб прочистить, — и ты благодаря моему дыханию услышишь море.

209 Франсеска и Элисабет проплакали два дня. Все это время Элисабет ненавидела мать — за то, что та не раскрыла свой секрет и не удержала мужа дома. Рожер уплыл, так и не узнав правды; Франсеска позволила, чтобы он и дальше гонялся за призраком, в реальности никогда не существовавшим. Элисабет не понимала этих взрослых; однако — спустя неделю с момента отплытия императорского флота — она вдруг проснулась в испуге посреди ночи и бросилась в комнату матери.

Франсеска обняла ее и уложила к себе в кровать.

— Отчего он уехал? — спросила Элисабет.

— Отец знает арабский, и он — один из немногих христиан, знакомых с Барбароссой лично, поэтому может с ним разговаривать.

210 — Почему ты не примеришь наряд?

Тишина.

— Где ты его хранишь?

Тишина.

— Мама!

— В сундуке, где Сеньор держал косы и шпагу.

— А где сейчас эти косы?

— В могиле, в саду, где похоронен Сеньор.

— А шпага?

— Лежит на его груди.

— Почему ты не вынешь наряд из сундука и не примеришь?

— Он сшит на девочку пятнадцати лет.

— А я могу его примерить?

— Когда тебе исполнится пятнадцать.

211 — Ты обещаешь, что никогда не выдашь мой секрет?

— Обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь перед Богом!

— Чтобы скрепить наш договор, я покажу тебе место, где прячутся морские финики[1].

Элисабет повторила клятву.

На следующий день они поскакали верхом в порт Маон.

— Сосредоточь внимание на подводном камне, тогда научишься!

Элисабет так и сделала — и быстро научилась плавать.

212 Императорская эскадра больше не двигалась вперед единым строем — корабли разбрелись, словно заблудившиеся овцы. Получилось так из-за густого тумана. Команды были чрезмерно возбуждены, среди моряков начали распространяться странные слухи.

Рассказывали, что утопленники, которых немало на просторах Средиземного моря, пытаются залезать на корабли и сбрасывать в воду живых.

— Вовсе это не утопленники, что скитаются в надежде обрести христианское погребение, — объяснял артиллерист с седыми, будто вымоченными в извести, волосами, занимавшийся своим делом возле грот-мачты. — Это огни святого Эльма, которые светятся в ночи и указывают нам путь в Африку.

Флот продолжал продвигаться сквозь стену серой влаги.

213 Видимость была нулевая, и существовала реальная опасность наскочить на рифы. Рассеянные в тумане корабли могли один за другим затонуть — и императорская экспедиция потерпела бы крах еще до первого сражения.

Когда отчаяние моряков дошло до предела, удивительная нежная музыка вдруг полилась откуда-то из толщи тумана, разрезая его, словно лезвие кинжала.

— Это сирены, — объяснил старый артиллерист, рассказывавший до этого про адские огни. — Мы должны залить уши воском и привязать себя к мачтам, если не хотим поддаться их колдовству.

214 Рожер рассмеялся:

— Это не сирены! — воскликнул он, оживившись. — Это щеглы, поющие в своих клетках из морских раковин.

215 — Если мы будем плыть, сохраняя абсолютную тишину, то пение птиц поможет нам сориентироваться и поддерживать безопасную дистанцию между кораблями.

1. Моллюски.

— А рифы? — спросил офицер.

— Рифы — это следы дьявола! — сказал артиллерист с белоснежной бородой.

— Нет, — ответил офицер, помолчав. — Рифы — это географические ориентиры, прекрасно описанные королевскими картографами.

216 Вдруг выстрел пронзил туман, заставив замолчать и щеглов, и всех на корабле. Моряки и офицеры "Бастарды" повернули головы к грот-мачте: там в луже крови лежал артиллерист с седой бородой.

Заряд из мушкета, который он чистил, пробил ему череп. Тот самый череп, над которым всего несколько мгновений назад светил огонь святого Эльма.

Моряки пришли в ужас от этой первой смерти, случившейся еще до начала военных действий.

— Его отметил огонь святого Эльма! — подытожил случившееся другой артиллерист, чистивший свой мушкет всего в нескольких метрах от первого.

217 Щеглы вновь запели.

Туман поредел и начал рассеиваться, так что корабли смогли медленно двинуться дальше на восток. Подул слабый северный ветер и поднял волны на прежде спокойной глади воды. Рожер почувствовал дурноту. Впервые в жизни на него напал приступ морской болезни. Этого не случалось ни когда он плавал с рыбаками вдоль берегов Менорки, ни во время путешествия, приведшего его в Истанбул.

Императорский корабль "Бастарда" безусловно был более устойчив, чем рыбацкие лодки и галеры, на которых птицелов пересекал Средиземное море, однако морская болезнь — вещь еще более загадочная, чем про нее рассказывают.

218 Рожер почувствовал себя лучше, когда императорский флот вошел в порт Калера[1]. На календаре было одиннадцатое июня. Экспедиция, к которой присоединились отряды маркиза дел Васто, насчитывала более четырех сотен парусников с приблизительно сорока тысячами человек на борту. Когда эскадра бросила якоря в порту Сардинии, Рожер спустился на берег, рассчитывая купить какое-нибудь средство от тошноты.

Щеглы весело распевали на палубах кораблей, безразличные к его болезни.

1. Порт на острове Сардиния.

219 Он нашел лекарство в лавочке с целебными травами, которую держал в предместье один еврей.

Однако маркиз дел Васто тоже захотел иметь клетки со щеглами, и птицелову пришлось снова сойти на берег, чтобы купить на местных рынках новых птиц.

Маркиз прикрепил к клетке со щеглами крохотные золотые колокольчики.

И они тихонько позванивали, когда их касался ночной бриз.

Рожер также купил там особый сорт фиг, созревавших на Сардинии как раз к началу лета.

220 Слухи о воинственных приготовлениях христиан дошли — благодаря захваченным в плен европейцам и донесениям мусульманских шпионов, рассеянных по средиземноморским берегам — до эмирского двора в Тунисе, но Барбаросса им не слишком верил. Чтобы император лично атаковал его — такое просто не укладывалось в голове сына бедного рыбака из Молы.

Правдивость слухов подтвердили пираты: они сами видели императорский флот, направляющийся к столице эмирата. Поскольку время было упущено, Барбаросса — нетерпеливый и крайне озабоченный — отправился просить помощи в Константинополь.

Однако Сулейман Великолепный в это время вместе с армией был в Азии. Правителю Алжира пришлось вернуться в Тунис и организовать оборону своих владений, не рассчитывая на военную мощь великого султана.

221 Вернувшись в Тунис, Барбаросса объявил о начале священной войны. Но берберские племена не откликнулись на призыв к джихаду и остались верны свергнутому бею.

Несмотря на такую реакцию сторонников Мулей Хасана, Барбароссе удалось собрать войско численностью в сорок тысяч: пять тысяч составляли отлично обученные солдаты, моряки и янычары из его личной охраны, а прочие (то есть более тридцати тысяч) были просто ордой, не имеющей никакого понятия о воинском порядке.

222 Пока мусульмане ожидали появления императорского флота, Хайр-ад-Дин возвел фортификационные укрепления в Ла-Гулетт[1] — а в том озере, что протянулось между песча-

1. Ла-Гулетт или Голетта — порт тунисской столицы на Средиземном море.

ной косой с бастионом на ней и столицей Туниса, расположил резервные корабли Синана-Еврея с шестью тысячами своих лучших моряков.

Последняя хитрость, на которую пошел Хайр-ад-Дин: он поставил пятнадцать легких галер на побережье Бизерты и приказал зарыть их в песок, вместе с рангоутами, веслами и пушками.

Покончив с этим, Барбаросса вернулся в Тунис и стал ждать дальнейших событий.

223 Пятнадцатого июня флот христиан, возглавляемый императором Карлом, бросил якоря в Порто-Фарина, неподалеку от мифической Утики[1] и золотистых руин древнего Карфагена.

Рожер помогал солдатам и матросам при разгрузке, которая длилась два дня. Солнце жгло немилосердно, африканская жара поджаривала тела надменных христианских воинов, которые всего несколько недель назад прогуливались в своих неудобных карнавальных доспехах по улицам Барселоны.

224 Рожер привез с собой немного липучей приманки, которую хранил в стеклянном флаконе с водой. Когда солнце зашло, он направился к колодцам возле старого Карфагена — ловить птиц.

Щеглы — вперемешку с астрильдами, украшенными карминовыми хвостами, черноголовыми ткачиками, золотыми африканскими шилоклювками и пустынными зябликами — слетали с ветвей акаций и купались в каменных чашах, пили колодезную воду, а потом приклеивались к приманке.

Рожер аккуратно высвобождал их из ловушки и очищал от клея, ткачиков же, астрильд и золотых шилоклювок отпускал на свободу. Он еще наломал веток колючей каликатомы, нарвал чертополоха, после чего, нагруженный клетками с щеглами, вернулся в лагерь.

225 Солдаты помогли ему донести птиц через дюны, собрать возле колодцев портулак и нарвать по дороге песчаного репейника.

Моряки швартовали лодки к берегу, потом подгребали к кораблям и хватали канаты, а Рожер поднимался на палубы, чтобы заменить птиц, не перенесших трудностей пути или

1. Утика — древний город к северо-западу от Карфагена, считающийся первой колонией, которую финикийцы основали в Северной Африке.

африканского солнца, на новых щеглов, привычных к беспощадному африканскому климату.

Ни солдаты, ни моряки, ни офицеры не хотели, чтобы на кораблях умолк птичий щебет.

Мелодичные трели щеглов воодушевляли их, а библейская миссия этих птиц укрепляла.

Коли уж сии крохотные птахи клювами вытащили шипы из тернового венца Иисуса, распятого на кресте, то они со своими сверкающими шпагами и подавно совершат многие подвиги во имя Господа!

226 С палубы королевской "Бастарды" Рожер наблюдал, как войско императора Карла, выстроившись за тяжелой артиллерией, которую волокли тягловые животные и самые сильные солдаты, двинулось в путь под раскаленным африканским солнцем.

Христианская армия с трудом преодолевала дюны.

Повозки вязли колесами в песке.

Мулы отфыркивались, потому что им в глотку попадали песчинки и пот.

Внезапно движение прекратилось: солдаты начали рыть окопы перед линией обороны, возведенной по приказу Барбароссы между Карфагеном и Ла-Гулетт.

Было семнадцатое июня 1535 года.

Началась осада.

227 Барбаросса, нетерпеливый и дерзкий от природы, неоднократно прорывал осаду, выезжая из укрепленного города на том жеребце, которого Рожер когда-то вручил ему в обмен на свою свободу. Возглавляемые эскадронами кавалерии, его солдаты совершали бесконечные вылазки и разрушали неприятельские укрепления, препятствовали любым попыткам христиан подойти ближе, а силы императорских воинов и так были истощены ужасной жарой и нехваткой питьевой воды.

228 Целый месяц христиане терпели вылазки турок; по их лагерю, словно дым костров, расползались слухи о неуязвимости Барбароссы и его янычар в тюрбанах со страусовыми перьями.

— Барбаросса несокрушим! — говорил кто-то, скрытый клубами дыма от выстрелов.

— Проклятые янычары знают тут каждый клочок земли, — откликался другой, надсадно кашляя, — да и снаряжены они гораздо лучше нас.

— Мы тут все передохнем из-за жары и бешеного напора этих головорезов! — ворчал третий, распространяя запах розмарина.

— Мы все умрем без отпущения грехов, — шептал четвертый, задыхаясь от дыма и влажности, — вдали от земли, в которой похоронены наши предки.

Наслушавшись таких разговоров, Рожер отправился ловить ворона.

229 Рожер взял за привычку, пока дрессирует ворона, рассказывать всякие истории сидящим у костра. Солдаты слушали: сперва равнодушно, затем заинтересованно, прямо как наложницы из константинопольского гарема. И как раз когда повествование дошло до пребывания Рожера во дворце у Барбароссы, птицелов вытащил клетку с дрессированным вороном.

Ворона он поймал тем же способом — на арбузную мякоть, пропитанную вином, — и новая птица была даже умнее той, которую Рожер когда-то преподнес великому паше.

230 Когда Рожер достал ворона и показал солдатам, тот сразу заговорил.

Огонь костра придавал ему торжественный вид, а голос звучал необычно, словно у призрака.

Солдаты начали смеяться, поняв, что именно говорит ворон, а потом и хохотать, как безумцы, — когда птица спела народную песенку про Барбароссу, популярную среди моряков в последние годы.

К тому же ворон заикался — в точности как берберский пират.

231 Когда смех стих, старый пехотинец произнес — на сей раз не заикаясь — стих из Священного Писания:

— *По прошествии сорока дней, Ной открыл сделанное им окно ковчега И выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды*[1].

Солдаты преклонили колени и принялись молиться.

— Если уж ворон может сделать смешным Барбароссу, подражая его манере говорить, то чего не сделаем мы, христианские воины самого могучего в мире императора — с нашими-то пушками и бомбардами, способными извергать пламя!

Праздник продолжился, а Рожер тихонько ушел с вороном-говоруном, посадив птицу себе на руку.

1. Бытие. 8:6–7.

232 Хотя христиане и подвергали Ла-Гулетт постоянным обстрелам, галеры Андреа Дориа и Альваро де Базана не могли войти в бухту из-за неожиданных штормов, которые мешали им занять нужную позицию и мощными залпами корабельных пушек разрушить стены крепости со стороны моря.

Наконец, получив поддержку от сторонников Мулей Хасана и пробив зияющую брешь в главной башне бастиона с помощью артиллерии "Святой Анны" — великолепного корабля рыцарей Мальтийского ордена, — император приказал начать штурм одновременно и с суши, и с моря.

Было пятнадцатое июля.

233 Вечером император в сопровождении инфанта Португалии триумфально вступил в Ла-Гулетт.

Флот Барбароссы, состоящий из сорока двух галер и более восьмидесяти небольших кораблей, оказался запертым в озере. Среди богатой добычи, попавшей в руки христиан, была и крепостная артиллерия, отмеченная клеймами с французским гербом.

234 Союзнические войска перегруппировались под темнеющим небом и после мучительного марша — хоть на сей раз им не пришлось идти через бесконечные пески и соляные холмы — преодолели пять миль, отделявшие их от столицы Туниса.

На равнине Кассар-Мексеви произошла последняя битва.

Когда сражение закончилось, на поле битвы остались горы трупов.

Их пришлось предать огню.

В воздухе висел запах дыма и горелого мяса.

235 Барбаросса отступил, чтобы продолжить бой, укрывшись за городскими стенами. Однако одиннадцать тысяч пленников-христиан, томившихся долгие годы в крепостных казематах, сумели вырваться на свободу и, захватив контроль над городом, открыли ворота императору.

Было двадцать первое июля 1535 года.

Осада закончилась.

236 Карл I выиграл свой персональный крестовый поход против Барбароссы и ислама.

Кроме того что он вернул трон Мулей Хасану, трофеем императора в этой шахматной партии стали не только новые возможности, открывшиеся перед ним в европейской политике, но и стратегически важная крепость Ла-Гулетт, допол-

нившая обширные испанские владения, и без того самые большие в мире.

237 Прежде чем Карл I покинул африканский континент и направился к берегам Сицилии, христианское войско — следуя нормам, принятым у пиратов, — безжалостно разграбило город.

Рожер, с вороном на руке, бродил по улицам Туниса — в надежде, что увидит среди побежденных ту рабыню из Обаги. Но хоть птицелов и откидывал чадру с лиц сотен женских трупов — расчлененных, изувеченных, выпотрошенных или изнасилованных, — он не нашел той, которую так упорно искал.

238 Рожер выпустил ворона — и тот, сделав небольшой круг, уселся на дымоход охваченного пламенем дома.

Внезапный крик испугал птицу, заставил взвиться в темное небо.

Сначала — серая точка.

Затем — черная.

И мрачный крик, будто исходящий из сердца ночи.

Свист ветра, дующего сквозь соломинку.

А под конец — рыдания и снова жуткий крик, прорвавший африканскую тьму.

239 Рожер приблизился к группе вооруженных людей. И увидел, что наемники Его Величества окружили полураздетого старика, который дрожит от ужаса.

Старик был грязен, как бродячий пес, одежда порвана и перепачкана в крови, однако на лице его выделялись глаза — голубые, слово у славянской принцессы.

Рожер мгновенно узнал этот взгляд.

— Не убивайте его! — повелительно крикнул он. — Это мой отец...

240 Солдаты ушли, пряча в кошельки полученные от птицелова серебряные монеты.

— Как тебя звать?

— Бартомеу Лопис, естественно.

— А как же Мохаммед Амин?

— Он погиб, когда город брали штурмом, — ответил отец Франсески и разразился гротескным, выражающим чувство облегчения смехом.

241 Внезапно он вновь стал серьезным.

— Ты должен вызволить меня отсюда! Меня убьют, если узнают, что я — христианин-отступник!

— Я полагал, ты — мусульманин-отступник.

— Оставим это!

— И куда же я должен тебя увезти?

— К моей дочери!

— Думаешь, она захочет, чтобы ты жил рядом?

— Я — ее отец; Франсеска любит меня, хоть и не показывает этого.

242 — Как там жизнь?

— У кого?

— У моей дочери, конечно!

— Теперь она зовется сеньорой Рафал.

— Она вышла замуж за Сеньора? — изумленно воскликнул старик, дважды отрекшийся от религии, которую исповедовал.

243 — За что тебя хотели убить?

— Я сказал им, что Барбаросса сбежал, вместе с Синаном, Али Караманом и янычарами со страусовыми перьями. Я хотел продать эту информацию за серебряные монеты или за краюху хлеба, но мне не поверили...

— Барбаросса мертв! Во время штурма с него содрали шкуру, как с быка на бойне. Тебе не было нужды придумывать всякую ложь, чтобы добыть еду.

— Ты нисколько не изменился. Все такой же блаженный, как и раньше...

— Да? А как ты думаешь, кто теперь стал владельцем поместья Рафал?

— Наследники хозяина.

— Все-таки ты идиот!

244 Бартомеу Лопис уставился на птицелова.

На дне его голубых глаз светилось нечто, похожее на радость и испуг.

Испуг — сродни тому, что испытывает внезапно раздетый человек.

Радость — как от обретения новой одежды.

— Ты — мой зять, — наконец подытожил он, не веря самому себе.

— А ты, дорогой свекор, — дед моей дочери.

245 — Барбаросса сбежал, — повторил Бартомеу Лопис, когда насытился.

— Отчего ты настаиваешь на своей лжи?

— Это вовсе не ложь! — возразил с горящими глазами отец Франсески. — Это чистая правда. Я своими руками зарывал в

песок галеры, пушки и весла на побережье возле Бизерты — вместе с рабами и солдатами. Сейчас флот Андреа Дориа, должно быть, преследует эмира по пути в Алжир.

— Врешь!

— Нет, дорогой зять, не вру. Унизительное поражение превратило Барбароссу в разъяренного кабана. Отныне он одержим жаждой мести и стал еще более опасен.

246 Ворон летал над горящим городом. Когда начало светать, он вернулся в лагерь. Там его ждал Рожер, который посадил птицу в клетку, готовясь отплыть к Менорке на одной их христианских галер.

Рожер вез Франсеске и Элисабет драгоценные подарки по случаю своего возвращения.

Потерянного отца и ворона-болтуна.

Перед отплытием он подул в морскую раковину, чтобы послать свое дыхание в далекое путешествие над водой — на Менорку.

247 Бывший дозорный со сторожевой башни поместья Рафал был прав. Барбаросса прорвал осаду христиан и, употребив всю свою военную хитрость и морскую сноровку, ускользнул на кораблях, спрятанных на побережье Бизерты.

Преследуемый Андреа Дориа, он на галерах Синана и Али Карамана вывез бóльшую часть своих богатств, напал на порт Бона[1] и затем укрылся в самом сердце Алжира.

Сделав выводы из самого унизительного поражения за всю его долгую пиратскую жизнь, Барбаросса, сжигаемый жаждой мести, с поразительной быстротой собрал небольшой флот и всего через несколько недель после тунисской катастрофы снова бороздил воды Средиземного моря, командуя двадцатью двумя галерами и еще девятью пиратскими кораблями.

Его целью был порт Пальма.

248 Рожер привез на Менорку известие о завоевании христианами Туниса.

Жители острова устроили большой праздник, чтобы должным образом отметить победу императора. Поражение Барбароссы — после тех бесконечных набегов турок и берберских пиратов, что происходили с незапамятных пор, —

1. Бона — местечко в двухстах милях к западу от города Тунис.

вновь пробудило надежды на экономическое процветание Менорки и освобождение от невыносимого гнета.

Сжигание соломенных чучел, изображающих Барбароссу, стало главным действом празднеств, охвативших столицу и прибрежные селения. Огонь полыхал так же, как в ночь святого Иоанна[1]. Все ждали впечатляющего возвращения императорской эскадры.

Рожер, человек по натуре осторожный, сообщил алькальду Жауме Эскала о слухах, циркулирующих в Тунисе, — о том, что Барбаросса будто бы сбежал на галерах, предусмотрительно спрятанных им на побережье у Бизерты. Однако ни алькальд, ни другие представители местной власти не придали этим сведениям никакого значения.

Хоть теперь Женестар — как владелец поместья Рафал — формально стал им ровней, в глазах этих людей он по-прежнему был всего лишь удачливым ловцом птиц.

249 После возвращения Рожера Франсеска все равно пребывала в беспокойстве, хоть и радовалась возвращению отца. С лукавой усмешкой в маленьких голубых глазках Бартомеу Лопис водил Элисабет на праздники, где сжигали соломенные чучела пирата с гранатовой бородой.

Элисабет тоже была очень довольна.

Рядом с ней были теперь и дед, и отец.

И говорящий ворон.

250 Пока по всему острову горели костры, пожиравшие чучела из соломы и тряпок, корабли Барбароссы направлялись к Мальорке — неотвратимые, как удар кинжала.

Когда флот подошел к бухте Пальмы, Барбаросса увидел праздничные огни, озарявшие город, и ошибочно решил, будто горожане, предупрежденные о его появлении, готовятся к бою.

Еще больше рассвирепев, Барбаросса крутанулся, словно бешеный бык, и направил свой удар на порт Маон.

Наблюдая беззвучные маневры своей эскадры, пират вспоминал жеребца, когда-то оставленного им здесь и потом обретенного вновь благодаря двум людям — египетскому купцу и дрессировщику птиц.

Как и было написано в послании, он, Барбаросса, станет Бичом Божьим.

1. 23 июня вся Каталония празднует день Сан-Жуана, что соответствует нашему празднику Ивана Купалы.

Силуэт Менорки возник из-за горизонта внезапно.

Голубой и совершенно плоский — с небольшой горой, которая возвышается посреди острова, словно женская грудь, увенчанная нежным соском.

Для арабов это был Торо[1] — одинокий холм посреди равнины.

Для жителей же Менорки — самая высокая гора в мире.

251 Первого сентября 1535 года, в среду, дозорный с горы Торо оповестил окрестных жителей — дымом и радостными ударами колокола — о том, что на горизонте появилась многочисленная флотилия, медленно входящая в узкую горловину бухты Маон.

Флот плыл под знаменем Карла I, но почему-то встал очень странно — окружив португальские галеры, находившиеся в порту.

Несмотря на столь загадочное поведение — корабли не бросали якоря до полудня — добрая весть о прибытии кораблей Андреа Дориа быстро распространилась по улицам Маона. Генуэзский флотоводец Карла I был героем знаменитой народной песенки:

Маон, Июль, Август — запомни, мой свет,
В Средиземном море лучших гаваней нет...

Хотя август уже закончился, порт Маон и сам город были готовы радушно принять Андреа Дориа и корабли императора.

За крепостными стенами уже раздавались сочные хлопки вылетающих винных пробок.

252 Церковные колокола, словно эхо, разносили по воздуху звон с колокольни монастыря Торо, и жители города торопились приготовить корзины с фруктами и закусками, дабы достойно встретить героев Туниса.

Воодушевленные неожиданным визитом знаменитого адмирала, отцы-францисканцы Бартомеу Женестар и Франсеск Колл снарядили небольшой бот, чтобы оказать всяческие почести императорским галерам, на которых моряки сноровисто свертывали паруса.

Но, приблизившись к галерам, с ужасом увидели: те, кого они приняли за христианских моряков, — это вооруженные турецкие пираты, готовящиеся к штурму города.

1. Монте Торо — самая высокая точка острова Менорка (358 метров над уровнем моря).

Отцы-францисканцы налегли на весла и, как сумасшедшие, начали грести к берегу, преследуемые тучей стрел: лишь бы успеть предупредить горожан о предстоящей атаке.

Звонари вновь принялись раскачивать колокола, однако на сей раз звон возвещал, что Барбаросса вернулся, дабы исполнить мрачное обещание, данное им много лет назад...

253 Еще прежде, чем зазвучали колокола со звонницы Торо, Рожер вскочил на жеребца из Фонди и галопом поскакал к морю.

С высоты прибрежных скал он рассмотрел темные паруса и лес мачт с императорскими орлами.

Чтобы убедиться, что он не ошибся, Женестар направил жеребца к сторожевой башне поместья Рафал и поднялся по узкой лестнице на смотровую площадку.

Все сомнения отпали.

Барбаросса жив, и он — вернулся.

254 Рожер спустился вниз и галопом понесся к дому.

— Где твой отец? — спросил птицелов у жены, прежде чем выпустил птиц, которые сразу полетели к морю.

— Не знаю.

— Нужно его подождать.

— Он сам сумеет о себе позаботиться, — ответила Франческа, глядя на птиц, которые бестолково метались в небе, ошеломленные обретенной свободой.

— Ты права. Он всегда сам выбирает себе попутный ветер.

255 По дороге они остановились возле домика сторожа. Вышли оттуда, нагруженные мешочками с порохом и корзинами с одеялами и съестными припасами.

— Колокола Торо звонят.

— На этот раз они подают ложную весть.

— Они возвещают, что Андреа Дориа хочет зайти в порт, который он так хвалил.

— Кукушонок никогда не знает, кто его настоящая мать...

256 Когда страж городских ворот Кап дел Кос увидел с бастиона приближающуюся процессию, он решил, что штурм города уже начался. Рожер гарцевал на сером жеребце из Фонди, которого ему подарил когда-то отец Марии. Франческа вела под уздцы мула.

В переполненной повозке ехали дети сторожа поместья Рафал, его жена и маленькая Элисабет.

Сам сторож Жулиа Томас оседлал огромного борова, которого раньше впрягал в плуг, чтобы вспахать огород.

Старый пес замыкал процессию, держась в отдалении.

257 Поставив свои корабли на якорь в виду города, Барбаросса занялся подготовкой военной операции и выбрал самое удобное место для высадки на берег: у Королевского моста.

В городе Маон было полторы тысячи жителей и триста домов, расположенных внутри городских стен, протянувшихся вдоль большой бухты естественного происхождения. Город вырастал вокруг средневековой крепости, защищенной стенами и башнями, а со стороны моря — скалами, поросшими кустами колючего каперса.

Сам город тоже был окружен каменной стеной, ворота в ней охраняли солдаты гарнизона; трое ворот: Портал дел Монестир, Портал де Далт и главный вход — Портал Кап дел Кос.

Еще Портал дел Мар — единственные ворота, выводящие непосредственно в порт.

258 Пока осажденные готовились замкнуть все ворота, затворить двери домов и укрыться за городскими стенами, атакующие спокойно купались в порту.

Они нежились в тени деревьев, лакомились последними летними плодами.

259 Алькальд Маона, Жауме Эскала, уверившись в том, что Барбаросса собирается окружить город силами своих двух с половиной тысяч янычар и разного рода артиллерийскими орудиями, распределил три сотни подчиняющихся ему плохо вооруженных, но смелых солдат на три группы. Затем немедленно отправил гонца в Сьюдаделу, к Высокому суду, — с известием о нападении и просьбой о помощи.

260 Разместив Франсеску и Элисабет в доме у родственников, Рожер немедленно отправился дальше. На своем быстроногом жеребце он пересек остров за шесть часов. Губернатор Менорки — человек пожилой, страдающий той же болезнью, что и император, — прочел послание и срочно собрал Генеральный совет. Первое, что следовало сделать, — просить помощи у вице-короля и у Верховного суда Мальорки, которые на основании привилегии, дарованной королем Доном Санчо[1], обязаны были выслать триста человек на помощь Менорке и Ибице в случае нападения на них.

1. Санчо I — король Мальорки (1276—1324).

261 Хотя с Мальорки не пришло никакого ответа, старый губернатор обратился к населению острова и сумел собрать небольшое — в пять сотен человек — войско, состоящее из конных рыцарей, крестьян и солдат.

Губернатор лично возглавил его.

Моссен[1] Жуан Оливер командовал тремя сотнями пехотинцев.

Габриэл Мартурель командовал конным отрядом.

Войско вышло из Сьюдаделы утром второго сентября.

262 В первом часу пополудни того же второго сентября, в четверг, Барбаросса закончил высадку двух с половиной тысяч янычар, которые, разделившись на три группы, окружили город с суши.

Барбаросса расположил стенобитную артиллерию перед насыпным валом главного бастиона и оттуда безжалостно бомбардировал ворота Кап дел Кос и бастион Эсперо.

Осажденные защищались упорно, и неприятель под огнем бастионных пушек потерял триста человек.

Защитники Маона верили в лучшее.

И проявляли чрезвычайную стойкость.

Полагая, что турки плохо вооружены, осажденные надеялись, что, если отряд губернатора атакует врага с суши, а корабли Мальорки — с моря, разбить Барбароссу будет не так уж трудно.

263 Надежда эта отчасти подтвердилась уже следующим утром, когда подошел отряд из Сьюдаделы.

Прежде чем выступить к Маону, губернатор послал второе сообщение на Мальорку — но ответ, непонятно почему, не пришел.

264 Чтобы подмога из столицы могла быстрее войти в Маон, алькальд Жауме Эскала передал ключи от главных ворот своему сыну Бернату. Тот в сопровождении Бартомеу Гоньялонса и Габриэля Поу отправился по узкой улочке Пенья к Кап дел Кос, где возле западного угла бастиона стоял губернаторский отряд.

265 Барбаросса однако немедленно просчитал, в какой опасности он окажется, если со всей возможной поспешностью не нарушит планы осажденных. Тем более что с моря ему грозили и корабли, которые вот-вот должны были по-

1. Обращение к аристократам и знатным горожанам.

дойти с Мальорки, и императорский флот, возвращающийся из Туниса, — берберский пират легко мог оказаться в ловушке.

В смертельной ловушке под названием порт Маон, в которой он запросто мог расстаться с собственной шкурой.

266 Хайр-ад-Дин усилил бомбардировку стен, и его батареям удалось пробить брешь в главном бастионе. Но попытка ворваться внутрь сквозь пролом сорвалась — осажденные отбили атаку.

267 Несмотря на довольно значительные потери, которые несли защитники, все они воспряли духом, когда старый разбойник, получивший помилование, принес весть о подходе подкрепления из столицы.

После длинного марш-броска по дорогам, извилистым, словно звериные тропы, губернаторский отряд прибыл к стенам Маона третьего сентября, в пятницу.

И немедленно вступил в схватку с турками, поэтому борьба сконцентрировалась на пятачке между Кап дел Кос и Портал де Далт, куда устремились главные силы новоприбывших.

268 Бернат Эскала вышел из города с небольшим эскортом, чтобы открыть проход подкреплению через ворота Кап дел Кос, однако его люди встретили ожесточенный отпор со стороны турок раньше, чем смогли вступить в контакт с губернаторским отрядом.

Увидев, что задача совершенно невыполнима, Бернат Эскала был вынужден вернуться в бастион. Зажатые между городскими стенами и янычарами, солдаты из Сьюдаделы один за одним погибали под ударами турецких сабель. Жуан Оливер был тяжело ранен, старик-губернатор — обезглавлен, вместе с ним полегла в бою еще сотня солдат. Оставшиеся в живых приняли решение отступить вглубь острова, а несколько человек сумели пробиться к воротам, которые странным образом оказались неохраняемыми, и войти в город.

Рожер и другие знатные горожане были захвачены пиратами в плен и доставлены на галеры, стоящие в порту.

269 Ночью Барбаросса пришел посмотреть на пленников и узнал Рожера.

— Ты обманул меня, птицелов! — сказал он. — Я считал тебя добрым мусульманином, родившимся на острове Джерба и пострадавшим от рук неверных. Какой же новый фокус ты придумаешь, чтобы спасти свою презренную жизнь?

Барбаросса теперь выглядел иначе, чем в Константинополе. Тунисское поражение лишь усилило его свирепость и мстительность, память о перенесенном унижении словно клеймом была выжжена на бородатом просоленном лице, исчерченном шрамами. Глаза казались еще более холодными, а красная борода — обсыпанной кристалликами соли.

Рожер попытался что-то быстро придумать, но в его тоскующем сознании всплыли лишь источник пресной воды в Санта-Галдане и морские огни святого Эльма.

— Я могу вытащить птицу прямо из моря! — ответил он.

Вспомнив прежние времена, Барбаросса спокойно усмехнулся и взглянул на пленника.

Что ж, времени у него хватало, он мог и подождать.

270 — Что тебе для этого нужно?

— Склянка масла мастикового дерева и небольшая палка.

— Считай, все это у тебя уже есть. Но если ты не сможешь вытащить птицу прямо из моря, то не понадобишься мне ни как гребец на галере, ни как раб. Я сделаю тебя евнухом в моем гареме.

271 Круглая луна походила на серебряный герб, прибитый к небу над городом. Белый свет, словно профильтрованный колодезной водой, отражался на спокойной поверхности моря. Внезапный шум привлек внимание Рожера, плывшего вместе с Барбароссой на фелуге. Не теряя времени, Рожер провел невидимую линию палкой, смоченной маслом, и направил гребцов к воображаемой точке, которую мысленно наметил.

Барбаросса рассеянно — но не без любопытства — наблюдал за ним.

Затем Рожер коснулся нужной точки концом промасленной палки, и на поверхности воды начал расплываться круг. Полная луна, прибитая к небу над городом, отразилась в этом круглом иллюминаторе и осветила — будто днем — морское дно.

Янычары и моряки удивленно присвистнули, по лодке пробежал восхищенный шепоток, нарушая безмолвие по-летнему теплой ночи.

Словно крылатый снаряд, всплыла из морских глубин птица с черным оперением и длинным клювом.

— Это морской ворон[1]! — воскликнул Барбаросса. И, не скрывая сарказма, добавил: — Я подарю жизнь тебе и всем твоим соотечественникам, запертым в городе, если научишь его говорить!

1. Большой баклан — ныряющая морская птица из рода бакланов.

272 Баклан однако опустился обратно на дно, не позволив себя поймать. Лучники начали пускать с галер стрелы. Стрелы попадали в самый центр масляной луны, превратившейся в мишень, которую вспененная вода втянула в себя.

Баклан вынырнул несколькими метрами дальше и расправил крылья, отряхиваясь, — но никто уже не обратил на него внимания.

273 Рожер ужинал с Барбароссой на борту его корабля, и великий паша преподнес ему особый подарок — восточный танец.

Одалиска танцевала, босая, на палубе, а луна вибрировала в такт звукам персидских арф и иракских флейт. Барбаросса взъярился, когда одна из арф издала фальшивую ноту, и швырнул бараньей костью в споткнувшуюся танцовщицу. Музыка оборвалась, и рабыня убежала. Барбаросса смотрел на Рожера глазами, повлажневшими от морской соли, жира и крови.

— Прибрежные скалы напомнили мне о той гурии, что вела меня по острову много лет назад. Сегодня ночью твое некромантское искусство вновь околдовало меня. Посмотрим, сможешь ли ты вернуть мне ее, как вернул жеребца. Если не сможешь — разрушу город до основания!

274 Рожер спал в покоях Барбароссы, среди янычар. Он мог бы попробовать сбежать, однако стражи морских ворот не позволили бы ему войти в город. Еще можно было бы направиться в глубь острова и укрыться на горе Торо, как сделали многие. Но птицелов не хотел оставлять Франсеску и Элисабет.

С первыми лучами зари Барбаросса окликнул его.

— Пророк Мухаммед говорит, что жизнь есть сон и что все мы проснемся, когда умрем. Поднимайся, христианин! Сегодня прекрасный день, чтобы проснуться!

275 Утром на бастионе Торра Нова неожиданно подняли белый флаг. Турки оживились. Город сдался всего через три дня после начала осады, и потому мусульман ждало весьма радостное пробуждение.

Барбаросса довольно усмехнулся и изложил Рожеру условия сдачи.

— Ты будешь моим соколом-вестником!

276 Рожер в сопровождении двух христиан-отступников направился к городу и вошел в него через Новые ворота, как раз возле здания университета. Хотя никто не признавался, что велел поднять белый флаг, городские советники выслу-

шали условия, которые выдвинула нападавшая сторона и которые доставил им Рожер.

— Барбаросса обещает сохранить жизнь всем, если вы освободите территорию города, — сказали два христианина-отступника.

— Ты знаком с ним, Рожер, — обратился к Женестару алькальд Жауме Эскала. — Думаешь, его обещанию можно верить?

Рожер вскинул голову и, надеясь увидеть среди собравшихся Франсеску и Элисабет, обвел глазами лица горожан, внимательно вслушивающихся в слова политиков и военных.

— Барбаросса не удовлетворится такой мелочью. Ему нужны новые рабы. Он не почитает то, что свято для нас.

— Передай Барбароссе, — ответил алькальд Жауме Эскала, когда умолк шепоток ужаса, пронесшийся по толпе возле Новых ворот, — что мы будем защищаться, пока не умрет последний из нас.

277 Рожер вернулся в лагерь неприятеля. Настроение турок резко контрастировало с мрачным настроем осажденных. Уже появились первые дезертиры среди христиан, и многие жители Маона бежали из города, перебравшись через стены при помощи крепкой веревки. Ужас, который внушало имя Барбароссы, охватил всех. Достаточно было просто произнести имя берберского пирата, чтобы люди почувствовали, как в жилах у них стынет кровь.

278 Барбаросса вновь усмехнулся, когда увидел вернувшегося Рожера.

— Я рад, что ты возвратился, как хорошо выдрессированный сокол-вестник, чтобы сесть на кожаную перчатку своего хозяина. И каков же ответ твоего народа?

— Они попросили два часа, чтобы обсудить твои условия.

— Ты умеешь играть в шахматы?

— Да, меня научили во францисканском монастыре.

Пират начал расставлять фигуры и сказал с кривой ухмылкой:

— И трех дней не прошло с начала осады, а они уже хотят сдаться! Я в Тунисе продержался больше месяца и сумел ускользнуть живым...

— Они вовсе не столь трусливы, как ты думаешь!

— Трусость тут ни при чем, — ответил Хайр-ад-Дин, начиная фронтальную атаку на позиции Рожера, после того как разыграл испанское начало. — Это тревога мешает им думать. Если бы они могли рассуждать спокойно, то поняли бы, что

время играет им на руку. Поняли бы, что подмога с Мальорки рано или поздно придет и что войска неверных, напавшие на Тунис, вернутся, разорив мой — Аллахом благословенный — эмират. Если бы они могли успокоить свой дух и подумать, то сделали бы правильные выводы. Сопротивлялись бы. Но моя слава сразила их еще прежде, чем я начал атаку.

279 — Шах.

Рожер оглядел шахматное поле и расположение фигур на нем, затем двинул вперед короля. Барбаросса съел королеву конем и снова усмехнулся. Рожер взял слона и заколебался. Затем принял решение и поставил его на черную клетку, прямо возле ладьи.

— Шах и мат.

280 — Эту воинственную игру, придуманную индусами, принесли в Европу арабы, — сказал Барбаросса, принявший свой проигрыш спокойно, как и положено в состязании. — Карл I и Сулейман Великолепный играют на шахматной доске Земли (с позволения императора Китая), а битва идет за владычество над миром. Империя, чьи пределы омываются водами Азии, Африки и Европы, — против империи, раскинувшейся в Европе, Америке и той же Африке. Все, от ничтожного крестьянина до самого знатного полководца, — всего лишь пешки в этой игре, передвигаемые ловкими пальцами властелинов. Как думаешь, кто выиграет? Тень или свет? Полумесяц или крест? Мечта или реальность?

Рожер улыбнулся и опустил голову.

— Я всего лишь скромный птицелов с маленького острова, не принимаемого в расчет ни одним из игроков. Партия, про которую ты говоришь, закончится там, где начинается море.

281 Закончив партию, Рожер вернулся к своей миссии сокола-вестника. Два часа, отпущенных на размышление, истекли, и Барбаросса вновь отправил его в город.

Рожер тревожился. Ни аристократические семьи острова, ни городские власти не считали его человеком своего круга, и он прекрасно понимал, как ему будет трудно в чем-либо их убедить.

С другой стороны, слова Барбароссы могли таить в себе смертельную ловушку. Берберский пират был умен и коварен, хоть и играл в шахматы довольно посредственно. Зачем он рассказал все это Рожеру?

Ворота открыли, и Женестар, войдя в осажденный город, снова почувствовал себя свободным.

Город источал запахи жареного лука, мочи, дыма, тухлого мяса и морской соли.

282 Осажденные совсем пали духом. Споры вокруг условий, выдвинутых Барбароссой, все еще продолжались в Госпитальном доме, хотя два часа уже истекли.

Тишина — густая, как свернувшаяся кровь — повисла в зале, когда люди увидели Рожера, входящего в сопровождении двух христан-отступников.

Во дворе выводил свои виртуозные трели соловей, равнодушный к человеческой драме, разыгрывавшейся возле него.

283 Половина городского совета считала, что нужно продолжать сопротивление, другая — что следует принять условия Барбароссы. Поставленный перед фактом такого скандального разногласия, алькальд Жауме Эскала произнес со свойственной ему важностью:

— Коли желаете заключить договор с Барбароссой, считайте, что у вас больше нет ни алькальда, ни военачальника!

Одно лишь имя берберского пирата, произнесенное вслух, вызвало ужас, ясно проступивший на лицах всех собравшихся в зале. Тишина — густая, как глина — оборвала испуганный шепоток, пробежавший по помещению. Люди затаили дыхание. Бестелесная голова Барбароссы присутствовала несколько мгновений среди собравшихся в Госпитальном доме.

— А ты что думаешь, Рожер? — спросил алькальд Жауме Эскала, нарушив гнетущее молчание.

Рожер выступил вперед и пересказал суть речи турецкого полководца:

— Время на нашей стороне. Мы можем сопротивляться и ждать, когда придет подкрепление с Мальорки или флот Его Величества. Если же примем условия Барбароссы, он предаст весь город мечу и огню и перережет нас, как кроликов.

284 Собрание перенесли в здание университета.

Жауме Эскала повторил свой призыв к сопротивлению и потрясал распятием, чтобы побудить горожан защищать Маон, чего бы это ни стоило. Жорди Боска, Пере Жуанеда и сам Рожер твердо поддержали алькальда, однако влиятельный советник Гоньялонс, сеньор де Сон-Мерсер, оборвал воодушевленные возгласы собравшихся:

— Нам не хватит пороха, — произнес он спокойно и рассудительно. — Самое разумное в данной ситуации — заключить с неприятелем договор.

Словесная перепалка между сторонниками договора с Барбароссой и сторонниками героической обороны вспыхнула с новой силой.

Жауме Эскала снова возвысил голос:

— Как вы решите — так и будет!

Перед мысленным взором Рожера возникла яркая миниатюра, когда-то виденная им в одной книге из монастырской библиотеки: человек, умывающий руки.

285 Алькальд отправил своего сына Жуана в церковь Санта-Мария, где держали совет лица духовного звания. Клирики — за исключением священника Гильема Оливы и самого приора Жуана Эскалы — приняли решение склониться к тем, кто предлагает сдаться и принять условия Барбароссы, ибо это будет наименьшее из двух зол.

Об этом и сообщил отцу приор Жуан Эскала, однако алькальд в третий раз отказался отдать ключи от города. Тем не менее Бартомеу Саура, Жорди Уге и Антони Оливар — при молчаливой поддержке большинства — вызвались доставить документ, подтверждающий сдачу Маона, Барбароссе, стоящему лагерем у ворот города.

— Капитаны кораблей знают меня, — сказал Бартомеу Саура, — и признают мои полномочия.

— Сеньор Рафал лично знаком с Барбароссой, — возразил Жауме Эскала, державшийся теперь на заднем плане.

— Он никогда не имел торговых связей с пиратами! — ответил Бартомеу Саура, и вновь тень какой-то тайны легла на собравшихся в зале.

286 — Умеете играть в шахматы?

— Нет, — сказали Бартомеу Саура и два его товарища. — Мы умеем играть в паркис, домино и бильярд.

— Детские игры! Что вы сделали с моим соколом-вестником?

— Соколом-вестником?

— С Рожером, человеком, заключившим договор с птицами.

— Он остался в городе.

— Он согласен с условиями сдачи?

— Он — простой птицелов, и никому нет дела до его мнения!

— Идиот! — закричал Барбаросса, внезапно ударив Бартомеу Сауру по лицу. У того пошла носом кровь. — Я не просто разграблю Менорку, я ее обескровлю! В обмен на свободу горожан я разорю город и заберу сто мальчиков и сто девочек семи лет!

287 Когда в Маоне узнали о новых условиях, выдвинутых берберским пиратом, и об обращении, которому подверглись их уважаемые парламентеры, жители впали в полную апатию и растерянность.

Рожер бродил по городу, безрезультатно пытаясь хоть как-то поддержать своих павших духом сограждан.

— Мы должны выдержать. Барбаросса отнюдь не непобедим, мы все в этом не раз убеждались. Он обычный человек. Заикается, будто у него в горле застряла кость. Отец его был простым рыбаком-христианином, который, чтобы выжить, отрекся от своей веры и женился на вдове греческого священника. Был лодочником в порту Мола, а по сути — негодяем и мошенником... Подмога с Мальорки скоро придет, или сам Андреа Дориа вызволит нас из этого бедственного положения...

Люди смотрели на него с недоверием, встревоженными глазами, и изливали свой страх в невероятных истерических россказнях.

Город с одним из прекраснейших портов мира, созданным не руками человека, а самой природой, превратился в крысоловку, зажатую каменными стенами, возле которой рыскал ужасный монстр.

288 Убедившись, что с Франсеской и Элисабет все в порядке, Рожер вновь направился к зданию университета.

Бартомеу Саура, которого новые условия Барбароссы заставили призадуматься, сидел на стуле, а его жена хлопотала вокруг, пытаясь примочками на лекарственных травах остановить идущую носом кровь.

— У меня три сына, и я первым готов принести их в жертву ради спасения города и наших жизней! — сказал синдик[1] Пере Паскуал.

— А у нас дети болезненные, считай, что почти покойники, — ответил Бартомеу Саура, отнимая примочку от носа. — Но и я готов принести их в жертву, дабы спасти город!

Его жена в знак согласия энергично закивала головой.

Потом осмотрела разбитый нос мужа и вновь приложила компресс.

289 Капитан Николас де Авила начал возражать на своем торопливом материковом кастильском. Он безуспешно пытался объяснить городским чиновникам, в какую катастро-

1. В средневековой Европе — цеховой старшина, выборный глава какой-либо общины.

фу они ввергнут своих соотечественников, если сдадут ключи от города пирату, осадившему Маон. Несмываемый позор падет на всех жителей Менорки и прежде всего — на сам город.

Имена погибших и выживших, названия наших городов — все это будет запятнано навечно. Принять на себя такое бесчестье — и при этом даже не иметь никакой гарантии, что Барбаросса сдержит данное им слово!

— Как уже говорил моссен Рожер, мы сумеем выстоять! У нас хватит ресурсов, чтобы продержаться еще какое-то время, а подкрепление с Мальорки или императорский флот придут нам на помощь по морю.

— Вице-король Мальорки не придет. А император забыл о нас, как только христиане отвоевали Тунис! — прогнусавил Бартомеу Саура.

290 Антони Оливар и Жорди Уге вернулись в лагерь Барбароссы — следуя указаниям советников, собравшихся в здании университета.

Тут Барбаросса как ни в чем не бывало сообщил, что ему уже мало дани, исчисляемой сотней мальчиков и сотней девочек. И выдвинул дополнительные — совсем уже неприемлемые — условия договора.

Под ликующие крики мусульман, разносящиеся по всему их лагерю, советники услышали новые условия великого паши: капитуляция Маона, полное разграбление города и пленение всех его жителей...

Коварный, злокозненный и хитроумный — в духе Макиавелли — Барбаросса проявил извращенное милосердие: он, дескать, все-таки пощадит десять домов.

291 Оливар и Уге поторопились выбрать по пять домов каждый — из трехсот, имевшихся в городе.

Первыми они назвали свои собственные. Затем — дома алькальда Эскала, советника Жиля Калдерера, синдика Пау Серра, Монсеррат Гомилы, Пере Гомилы де Куитана, Бласа Уге, Жорди Боска и Пере Жуанеды.

Договорились, что избранные дома их владельцы пометят греческим крестом в форме звезды, а когда все будет готово, на крепостном бастионе два раза поднимут и опустят флаг.

Чтобы янычары Барбароссы, которые одни только и войдут в город, могли сразу узнать предателей из домов, отмеченных пепляным крестом, каждый такой домовладелец должен держать в руке стрелу — знак неприкосновенности.

292 Вечером четвертого сентября 1535 года Бартомеу Саура в сопровождении одного португальца поднялся на главный бастион и два раза поднял и опустил флаг.

После этого Антони Оливар открыл Портал Кап дел Кос.

Солнце заходило со стороны Сьюдаделы.

Дневной свет медленно гас, ночная тьма выползала из укромных уголков и накрывала город...

293 Когда совсем стемнело, больше тысячи изголодавшихся по разбою янычар вошли в город.

Спрятавшись за закрытыми дверьми своих домов, горожане слышали их шаги, их гортанную перекличку, похожую на клекот грифов, — пока враги растекались по пустынным городским улицам. Еще немного, и они разобьют двери или ворвутся в дома через окна и дымоходы, схватят — заскорузлыми от морской соли, перепачканными сажей руками — их детей, начнут творить насилие, не разбирая ни пола, ни возраста...

Те немногие мужья и братья, что с оружием в руках встанут на защиту своих очагов, будут зверски зарублены кривыми ятаганами.

Вволю надругавшись над женщинами, мусульмане начнут пытать их мужей, чтобы те рассказали, в каких потаенных местах они прячут драгоценности и монеты...

В водах порта Маон, словно в зеркале, отражались ночные причудливые тени Туниса — будто ветер времени, возвращающийся, как кошмарный сон, перенес через море образ этого разграбленного города и вернул его христианам.

294 Оргия крови и смерти длилась всю ночь. Сотни пленников — с поникшими головами, в разодранных одеждах — были отконвоированы к галерам, стоящим на якоре в порту.

В завершение устрашающего побоища турки подожгли мэрию и осквернили кафедральный собор.

Барбаросса приказал забрать все церковные драгоценности, уничтожить статуи и картины и сжечь архивы.

В этом поистине Дантовом аду уцелели лишь десять домов, отмеченных позорными крестами.

295 Пока город горел и зарево пожаров освещало драгоценные драпировки, церковные облачения и святые образы, которые янычары волокли по улицам, Барбаросса отправился во францисканский монастырь, расположенный в некотором отдалении от Маона, чтобы лично посчитаться с братьями, которые выдали его намерения горожанам.

Сперва он собственными руками задушил отца-привратника Микела Капо, попытавшегося помешать ему войти.

Затем отыскал — в их кельях — Бартомеу Женестара и Франсеска Колла и отсек им обоим головы золоченым кинжалом.

После чего, чтобы насытить свою безумную жажду мести, поджег монастырь. И галопом вернулся в город.

296 Когда пират въехал в Маон через пролом возле Кинтана Гран, он наткнулся на Рожера, который потерянно бродил по улицам охваченного пламенем города, ища Франсеску и Элисабет.

— Ты сделал плохой выбор, птицелов! — сказал Барбаросса, все еще державший в руке золоченый кинжал, украшенный инкрустацией из нефрита, но уже удовлетворивший свою жажду мести. — Ведь очевидно, что Господь — на нашей стороне...

297 — От Алжира до Истанбула люди сейчас поджигают ароматные воскурения, устраивают фейерверки и развешивают мои флаги, чтобы отпраздновать эту победу.

Рожер опустил голову, чтобы не видеть вдалеке клубы дыма, в который превратились карты, географические и исторические сочинения, и огненное зарево, разгоравшееся, словно жуткий закат, над францисканским монастырем.

298 — Ворон, которого ты мне когда-то подарил, убил птичку с оперением цвета моей бороды. Дикий сокол убил этого ворона-болтуна, а я убил самого сокола, когда тот сломал крыло во время охоты на скалистого голубя. Как похожи наш мир и мир птиц!

299 Барбаросса спешился, чтобы посмотреть на разграбление Маона. Его взгляд светился довольством, когда какой-нибудь янычар сносил ятаганом голову старику или кинжалом приканчивал худую старуху.

Несмотря на все ужасы, которые он видел вокруг себя, Рожер заметил, что облик великого паши изменился. Это был уже не тот Барбаросса, который когда-то предавался неге в своем дворце. Шагая сквозь ночь, одетый в военные доспехи, он казался более высоким и могущественным — чуть ли не сверхъестественным существом. Его черные глаза сияли во мраке, пламя пожара делало еще более яркой карминную бороду — подобно тому, как кровавая добыча окрашивает клюв ястреба или орла.

300 Рожер не мог отыскать ни Франсеску, ни Элисабет. Тогда он предложил пирату отправиться в поместье Рафал и забрать там все, что тот пожелает.

Барбаросса отказался, усмехнувшись:

— Хочешь заманить меня в ловушку, а тем временем придет либо подкрепление с Мальорки, либо императорский флот. Хочешь, чтобы мне отрезали путь к отступлению и поймали в силки, как ловят скалистого голубя, запертого в прибрежной пещере.

Рожер серьезно посмотрел на пирата:

— Нет. Я всего лишь хочу спасти жену и дочь, которых безуспешно ищу уже много часов.

301 — *Ла Илаха Илла Аллах, Мухаммад Расул Аллах*[1].

— Не беспокойся! — ответил Барбаросса, отталкивая какого-то янычара, попытавшегося поцеловать перстень на его руке. — Мы пойдем в мой лагерь и посмотрим, нет ли твоей дочери и твоей жены среди новых рабов.

— Что хочешь ты взамен их свободы?

— Поглядим. Все зависит от того, насколько красива твоя жена!

302 Пока они добирались до турецкого лагеря, янычары провели мимо них две группы детей — девочек и мальчиков, которым всем было лет по семь и которых должны были погрузить на стоящие в порту галеры.

Рожер узнал многих детишек, однако Элисабет среди них не было.

303 Рожер нашел ее на борту галеры великого паши. Помимо Элисабет и Франсески там был и Бартомеу Лопис, который расхаживал по палубе гордо, словно петух. Барбаросса, взглянув на женщину, улыбнулся довольно и в то же время с чувством некоторой неловкости.

— Это Мохаммед Амин, мой лучший разведчик и доверенное лицо. Твои жена и дочь — та цена, которую он запросил за свои услуги, весьма полезные. У тебя несчастливая судьба, птицелов: даже я, повелитель семи морей, не смогу вернуть тебе твоих близких!

— Так мала твоя власть?

— Нет, просто данное мною слово дороже дружбы с каким-то христианином.

1. *Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммад Посланник его.*

304 Грабеж и насилие длились всю ночь. Когда наступил день, торжествующие пираты погрузились на корабли, доверху набитые богатой добычей. Барбаросса увозил с собой более восьми сотен пленных — почти все работоспособное население острова, мужчин и женщин, загнанных в тесные трюмы. На сей раз Барбаросса проявил по отношению к Рожеру неуступчивость — не отдал ему Франсеску и Элисабет. Они были золотыми монетами, которыми он расплатился с Мохаммедом Амином, — так что свекор Женестара смотрел на своего зятя, не скрывая улыбки, с палубы корабля великого паши, а Франсеска и Элисабет могли лишь попрощаться с Рожером беспомощными взмахами рук.

305 Турки были настолько уверены в своей силе, что, пока поднимали якоря, оставили пленников без присмотра.

Понимая, какая участь ждет их вдали от родины, некоторые из этих несчастных отважились броситься в воду, надеясь спастись вплавь. Янычары немедленно схватились за луки, и туча стрел вспенила воды порта Маон.

Большинство беглецов утонуло, до берега добрались немногие.

Было пятое сентября, воскресенье, уцелевшие горожане бессильно бродили среди дымящихся развалин.

306 — Ты помнишь, как я учила тебя плавать? — спросила Франсеска, понизив голос — так, будто они разговаривали в церкви.

Элисабет кивнула, утирая слезы тыльной стороной ладони.

— Когда мы окажемся возле подводных камней, прыгнешь в воду. Не всплывай на поверхность. Плыви под водой до тех пор, пока не коснешься руками скал, на которых греются под солнцем крабы.

— Как морской ворон?

— Именно. Как морской ворон, умеющий и нырять, и летать.

— А ты?

— Я прыгну вслед за тобой.

307 Бартомеу Лопис приблизился к женщинам, поэтому мать с дочерью замолчали. Отступник, довольный тем, как замечательно удался его план, взял Элисабет на руки и показал на дымящиеся развалины города:

— Не расстраивайся! Тебе будет гораздо лучше среди моего народа — там вам окажут почести, достойные моего рода и моего нового положения.

— Твое новое положение — предатель?

— Нет, разведчик и верный слуга повелителя семи морей.

308 — Разлучив дочь и отца, жену и мужа, ты пошел против воли Аллаха.

— Не смотри на меня так, Франсеска! Я спас от смерти свою дочь и вырвал внучку из рук янычар, уберег ее от прозябания в каком-нибудь темном гареме. Я действовал по велению Божию. Вы должны быть мне благодарны, потому сотрите с ваших лиц гримасу презрения.

309 Корабль Барбароссы достиг подводных скал (тех, возле которых отцы-францисканцы обычно ловили рыбу), а дед все еще держал Элисабет на руках: он любовался смоляными кудрями девочки, которые ворошил морской ветер.

— Спусти меня, дедушка, скорее! Меня сейчас стошнит!

— Морская болезнь! — сказала Франсеска, виновато улыбаясь. — Ее отец тоже страдал от этого, когда плыл на одном корабле с императором.

— Если такое случится, не стой против ветра.

Элисабет взяла мать за руку и пошла с ней на корму. Янычары, возившиеся на палубе, глядя на них, посмеивались в кулак.

Ветер дул с суши и пах цветами, гарью и солнцем.

310 — Прыгай!

Приказ прозвучал неожиданно для Элисабет. Она отпустила материнскую руку и быстро взобралась на борт корабля. Приготовившаяся к прыжку девочка была прекрасной мишенью для стрел. Но Элисабет этого не знала: она прыгнула и, когда вода приняла ее, поплыла — не всплывая на поверхность, как учила мать.

311 Рожер все видел, стоя на прибрежных скалах. Элисабет вытянулась в струнку, изготовившись к прыжку, а янычары немедленно схватились за луки, натягивая тетиву. Когда стрелы полетели в сторону беглянки, на их пути уже стояла Франсеска. Элисабет не видела, как острый металл вонзается в тело ее матери: она зажмурилась и прыгнула. Янычары оттолкнули упавшую Франсеску в сторону и продолжали стрелять. Стрелы входили в серебряную воду, которая гасила их смертоносную силу...

312 Рожер бегом бросился к тому месту на берегу, что было ближе всего к подводным камням. На палубе корабля великого паши Бартомеу Лопис обнимал тело застреленной дочери.

Временами старый отступник поднимал голову и смотрел за борт.

— Она спаслась?

— Не знаю. Янычары все еще стреляют.

— Она всплыла?

— Она плывет под водой, словно морской ворон...

313 — Посмотри еще!

— Или морская вода уже ее поглотила, или она обрела крылья, подобно той маленькой девочке, которую я когда-то учил плавать...

314 Рожер страшно волновался из-за Элисабет и потому не видел, как янычары сбросили тело Франсески за борт возле острова Рей. Сколько времени человек может выдержать под водой, без воздуха? А Элисабет? Рожер подождал пару минут, потом начал спускаться к камням. Элисабет все еще не показывалась.

Значит, его дочка превратилась в морского ворона.

И Рожер, подобно Сеньору, остался одиноким как перст на этом острове, забытом всем прочим миром...

315 Элисабет вынырнула недалеко от входа в порт. Янычары продолжали стрелять, но их стрелы летели слишком высоко и прочерчивали большие дуги, прежде чем вонзиться в воду.

Девочку немного оглушило при прыжке, поэтому, вынырнув, она никак не могла понять, куда ей плыть. Она принялась звать мать. Элисабет не видела, прыгнула ли Франсеска. Услышав какой-то шум, девочка развернулась и поплыла в ту сторону, откуда он доносился.

316 Рожер помог ей вылезти из воды и обнял.

— А где мама?

— Она не прыгнула.

— Но она обещала, что мы спасемся вместе!

— Она не смогла прыгнуть.

— Ты лжешь!

— Я все видел собственными глазами.

317 — Это ты во всем виноват!

— Я смотрел со скал.

— Ты жил, пытаясь отыскать призрак, видение из прошлого. Ты помешался на своих идиотских лошадях и безмозглых птицах. Смотрел на нашу жизнь... издали. Ненавижу тебя! Это ты во всем виноват!

— Ты права, — смиренно согласился Рожер. — Я хотел победить зло любовью, но проиграл. Предупредив Сеньора, я разжег в Барбароссе жажду мщения. В Тунисе я спас от рук убийц твоего деда — и, не зная того, привез в наш дом шпиона великого паши. Я слишком много суетился. Я не должен был вылезать из своего укрытия возле источника в Обаге и нарушать естественный ход событий...

318 Элисабет бросилась в объятия к отцу и принялась осыпать его поцелуями. Она была мокрой и холодной, льнула к его теплому телу. Рожер тоже ее целовал, слезы текли по его лицу.

— Мы переживем все это, папа. Вновь устроим сад со щеглами, заведем лошадей и начнем выращивать птиц. Очень скоро мы заработаем денег, чтобы выкупить маму у турок.

Они сидели молча, а корабли Барбароссы, с награбленным добром и рабами, покидали порт Маон.

319 — Пока я плыла, твоя ракушка из Константинополя потерялась...

— Не переживай! Она вернулась в место, уготованное ей природой.

— А порт Маон не ее место?

— Море не признает границ.

320 Тело Франсески — пробитое стрелами и объеденное рыбами — не появлялось на поверхности больше недели. Потом его заметили корабли, идущие с Мальорки, выловили с помощью веревки и отбуксировали в порт. Военная экспедиция — двести восемьдесят человек, — направленная на помощь осажденному городу, свелась к тому, что ее участники собрали пронзенные стрелами трупы беглых пленников, всплывшие в разных местах акватории порта.

Дон Педро де Фигерола, сын и заместитель вице-короля Мальорки, был назначен новым губернатором Менорки, и под его руководством свершилось правосудие над виновниками случившейся трагедии.

321 На основании показаний очевидцев были арестованы: алькальд Жауме Эскала, советники Антони Оливар, Франсеск Мир, Жорди Уге, Николау и Жиль Калдерер, рыцари Бернат Эскала и Бартомеу Мир.

Всех их немедленно препроводили в королевскую тюрьму Сьюдаделы, где им предстояло дожидаться суда.

322 Новому губернатору помогал доктор права и представитель Его Императорского Величества на Мальорке Рафаэл Баллестер. Он и возглавил следствие, в ходе которого обвиняемые, по обычаям того времени, были подвергнуты пыткам.

В королевской тюрьме Сьюдаделы их допрашивали с пристрастием, а затем на подследственных падала — капля за каплей — соленая и очень холодная вода.

Допросы продолжались до восьмого октября 1536 года.

Все это время подследственных подвергали пыткам и поливали их открытые раны морской водой.

323 Пока вершилось правосудие, Рожер и Элисабет похоронили Франсеску и построили над ее могилой, затененной каштановыми деревьями, маленький мавзолей. Чтобы умершая всегда могла слышать журчание воды и пение птиц, Рожер своими руками вырыл колодец и поставил несколько каменных чаш, в которых каждую неделю менял воду с помощью ослицы сторожа, вращавшей водоподъемное колесо.

А в прозрачной воде этих чаш плавали разноцветные рыбки.

324 Приговор изменникам был суровым, но обоснованным.

Секретарь суда — Бернади Далмау — огласил его в на столичной площади Борн.

Конфискация всего имущества осужденных.

Тюремное заключение — для их жен.

Лишение всех прав и привилегий — для потомков.

Сами же предатели будут подвергнуты публичным пыткам и казни на главной площади города.

325 Завершив экзекуцию, палач, облаченный в красно-желтый камзол, поместил голову и руку Антони Оливара вместе с ногой Жорди Уге возле ворот, которые Оливар открыл Барбароссе; голову Жорди Уге — возле ворот в порт; голову Жауме Эскала водрузил в центре главной площади Маона; голову Франсеска Мира — на бастионе, с которого тот спустился в лагерь турок; и наконец, завершая мрачный ритуал, бросил голову Жиля Калдерера перед дверьми университета.

Прочие останки предателей палач развез по селениям Менорки.

Приговор был приведен в исполнение двадцать четвертого октября.

День выдался очень солнечным.

Толпа зевак внимательно следила за действиями палача. Но никто не решался наступить на его зловещую тень.

326 Вороны, коршуны, сычи и прочие любители падали слетались к Портал дел Мар, Портал Кап дел Кос, бастиону и дверям университета; они дрались между собой за человеческие останки, брошенные наземь, словно мусор. Птичьи крики были слышны по всему городу. Люди плотнее закрывали двери, затыкали себе уши клочьями шерсти.

Поистине, самое страшное наказание изменникам было послано небом.

327 Детей младше семи лет вместе с уцелевшими родственниками определили на жительство в столицу острова. Многие жители Маона, чьи дома были расположены за городской чертой, приютили у себя сирот.

Маон понемногу начал восстанавливаться после ужасного нападения турок.

328 Рожер взял на себя попечение о двух больных сыновьях Бартомеу Сауры, который, боясь наказания за свое предательство, покинул остров вместе с пиратами.

Мальчики играли с Элисабет, помогли Рожеру снова устроить птичий сад и натянуть поверх сосен сеть, порванную ветром.

В солнечные дни они ходили вместе с птицеловом на охоту.

Дети были очарованы красотой полевых коньков[1] с их элегантным оперением желтого, серого, черного и белого цветов.

329 Оба сына Бартомеу Сауры скоро умерли, и Рожер похоронил их подле своей жены.

На надгробном камне по его просьбе высекли силуэты двух птиц.

330 Город Маон практически вымер после нападения Барбароссы, поэтому новые власти были вынуждены пригласить неаполитанцев, сицилийцев, каталонцев и жителей Мальорки.

Рожер — под тем предлогом, что ищет желающих переселиться, — продолжал путешествовать по Средиземноморью,

1. Птица семейства трясогузок, отряд воробьиных.

словно альбатрос, увлекаемый вдаль мечтой о рабыне у источника.

331 Возвращаясь из дальних поездок, он привозил дочке кукол, самых разных размеров и расцветок: из дерева, из буйволиного рога, из слоновой кости, из воска, глины и тряпок.

Элисабет хранила их вместе со своим тайным сокровищем, полученным от Франсески.

332 Когда Элисабет исполнилось пятнадцать лет, она перестала играть в куклы и почувствовала, что свободна от обещания, данного матери.

Она отнесла цветы на могилы Франсески, Сеньора и сыновей Бартомеу Сауры. Потом взяла отца за руку и отвела к источнику в Обаге.

333 Элисабет тайком вынула одежду матери, которую столько лет хранила в ларе вместе с косами умершей жены Сеньора и ножнами от шпаги, и переоделась. Затем раздвинула ветви и появилась в просвете, словно распахнув двери моря. На ней была одежда, принадлежавшая когда-то матери, лицо закрывала легкая белая чадра.

334 Рожер побледнел, когда увидел дочь, облаченную в шаровары и жакет, расшитый блестящими зеркальными шариками; одну щиколотку девочки, словно шейку голубя, охватывало серебряное кольцо.

Столько лет он был влюблен в зеркальное отражение! В призрака!

335 Рожер осознал всю глубину своей ошибки и плакал, сидя возле источника. Элисабет обняла его — и зеркальные жемчужины, украшавшие ее костюм, запели, словно соловьи, сидящие на ветвях вяза.

336 После этого Рожер отказался от путешествий и вновь занялся разведением певчих птиц. Он когда-то вывез из Тремиссена великолепные дорогие краски; теперь он экспериментировал с ними, пока не вывел самую нежную и прекрасную птицу в мире — которую в честь Франсески и разрушенного города назвал Блау Маон[1].

1. Голубой Маон.

337 Шел 1547 год.

В Истанбуле умер сын бедного лодочника из Молы, превратившийся к тому времени в уважаемого, сказочно богатого патриарха с белоснежной бородой. Его похоронили в мечети, окруженной дворцами и садами, между Золотым Рогом и Богази[1].

Хоть многие и полагали, что труп того, кто столько любил и сражался, не обретет покоя в огромной, геометрически совершенной гробнице, построенной великим архитектором Синаном.

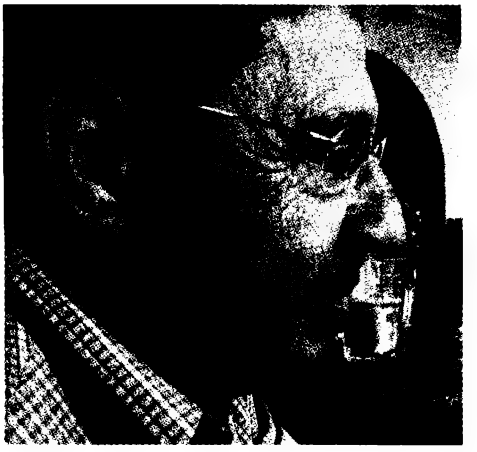
Чтобы Барбаросса в своей гордыне не восстал из мертвых, вместе с ним похоронили мертвую собаку, ибо, согласно греческому поверью, это должно было навеки успокоить прославленного моряка.

Но Рожер этого так и не узнал.

Он никогда больше не покидал свой остров.

1. Богази — так турки называют Босфор.

Жуан Казас Фустер



Последний день творения

Пьеса

Перевод Нины Авровой-Раабен

Сцена 1

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. А это что?

Ева. Ничего.

Адам. Можно посмотреть?

Ева. Нет.

Адам. Ты от меня что-то прячешь?

Ева. Конечно.

Адам. Ты от меня что-то прячешь.

Ева. У нас ведь, кажется, был уговор?

Адам. Какой уговор?

Ева. Хочешь, чтобы я тебе напомнила?

Адам. Нет, не надо.

Ева. Разве я лезу в твою жизнь?

© Joan Casas
© Нина Аврова-Раабен. Перевод, 2010
Фото Rosa Comelles.

Адам. Нет.

Ева. Видишь, ты ответил не задумываясь.

Адам. Да.

Ева. Такой и был уговор.

Адам. Да. Конечно. Уговор.

Ева. Мне жарко.

Адам. Сегодня жара.

Ева. Я приоткрою окно.

Адам. Может, не надо?

Ева. Пусть проветрится немного.

Адам. Вся пыль поднимется.

Ева. Пожалуй, ты прав. Все здесь... так...

Адам. Что ты сегодня делала?

Ева. Ничего.

Адам. Ты не выходила из дома?

Ева. Нет.

Адам. И в магазин не сходила?

Ева. Нет.

Адам. Но ты принарядилась.

Ева. Для тебя.

Адам. Когда ты в этом платье, я тебя побаиваюсь.

Ева. А я нарочно.

Адам. В холодильнике пусто.

Ева. Я знаю.

Адам. Ты знала, что там пусто?

Ева. Конечно.

Адам. И не сходила в магазин?

Ева. Ты тоже мог зайти, когда шел с работы.

Адам. Мне не пришло в голову. Я думал...

Ева. Поменьше думай.

Адам. Иногда...

Ева. Что?

Адам. Ты просто невыносима.

Ева. Купи мне как-нибудь фен.

Адам. У тебя уже один есть.

Ева. Мне нужен другой. Маленький.

Адам. Другой? Зачем он тебе?

Ева. Для ногтей. Красивые?

Адам. Ты раньше никогда не красила ногти.

Ева. Красивые?

Адам. Вид привлекательный...

Ева. Р-р-р-р...

Адам. Агрессивный.

Ева. Сегодня заходил один парень, он продает разную парфюмерию и косметику.

Адам. Парень?

Ева. Молоденький. И симпатичный.

Адам. Правда?

Ева. Да. Молодой и симпатичный.

Адам. И ты истратила все деньги на косметику.

Ева. Не пили меня.

Адам. Но работаю я, а не ты, правда?

Ева. Не начинай.

Адам. И что я вижу, когда прихожу домой?

Ева. Ну вот опять. Ты меня не слушаешь.

Адам. И что я вижу?

Ева. Я тебе уже сказала — не начинай! Уже ведь сказала, правда?

Адам. Как ты любишь кричать.

Ева. Нет, не люблю. Нет!!!

Адам. И хорошо, что не любишь.

Ева. Если хочешь, можем пойти в бар и съесть пиццу.

Адам. А я думал, что у нас есть дом.

Ева. Не надо так спешить.

Адам. Разве я спешу?

Ева. Дом у нас еще будет.

Адам. Я никогда не спешу.

Ева. Ты всегда спешишь.

Адам. А как же эти стены? Вся эта мебель?

Ева. Все это еще ничего не значит. Надо уметь ждать.

Адам. С тобой, конечно... что поделаешь!.. вечно тебя ждешь...

Ева. Я не умею быстро. Ты сам знаешь.

Адам. Конечно, знаю.

Ева. Раньше тебе нравилось, что я не спешу.

Адам. Неужели?

Ева. Ты говорил, что мне можно доверять.

Адам. Я и сейчас тебе доверяю.

Ева. Тогда чего же ты сердишься?

Адам. Я не сержусь.

Ева. Конечно, сердишься.

Адам. Нет... Просто я думал, что ты приготовишь ужин.

Ева. Как же я могла его приготовить? Ведь газа-то нет.

Адам. Что значит — нет газа?

Ева. То и значит. Нас еще не подключили.

Адам. Я же сам ходил и все оплатил.

Ева. Мы вместе ходили.

Адам. Ты права.

Ева. Ты, я, мы.

Адам. Тогда почему же нет газа?

Ева. А я почем знаю? Нет, и все!

Адам. Ты позвонила в компанию?

Ева. Мы еще не заплатили за телефон.

Адам. Точно. Я забыл записать это себе в блокнот.

Ева. Мы, я, ты.

Адам. Тогда придется пойти в бар и съесть пиццу.

Ева. Погоди, я надену туфли.

Адам. Ты даже не начала разбирать коробки.

Ева. Как тебе эти?

Адам. Хорошо.

Ева. Ты не прав. Я начала разбирать одну.

Адам. Ты раскрыла коробку с фотографиями.

Ева. Пожалуй, я надену другие.

Адам. Ты смотрела мой альбом?

Ева. Эти больше сюда подходят, правда?

Адам. Ты кажешься выше.

Ева. Да, я посмотрела твой альбом. А что, нельзя?

Адам. Я этого не говорил.

Ева. Я у тебя не первая. Раньше я никогда не видела твоих женщин.

Адам. Я тоже у тебя не первый.

Ева. Но у меня нет никакого альбома.

Адам. Я знаю, что у тебя есть фотографии. Точно есть.

Ева. Очень мало.

Адам. И я тоже смогу их посмотреть?

Ева. Возьми, пожалуйста. Можешь делать с ними, что хочешь. Хоть порви.

Адам. Вовсе я не хочу их рвать.

Ева. Я сама не знаю, зачем они мне.

Адам. Не жги их!

Ева. Почему — нет?

Адам. Это твоя прошлая жизнь.

Ева. Моя жизнь всегда со мной.

Адам. Как тебе нравится говорить красиво!

Ева. Пошли?

Адам. Да. Погоди. Только одну минутку.

Ева. Вечно ты что-то забываешь.

Адам. Меня тоска берет, когда я вижу эти нераскрытые коробки.

Ева. Они все — твои. Я принесла только два чемодана.

Адам. Ты поможешь мне потом разобрать вещи и навести порядок?

Ева. Я есть хочу. Пошли?

Адам. Разве не приятно думать, что у тебя есть свой дом?

Ева. Не знаю. У меня никогда в жизни не было своего дома. Раньше скорее дома владели мной.

Адам. Что случилось с выключателем?

Ева. Ничего. Просто света тоже нет.

Адам. Как же так! Мы же подписали контракт позавчера!

Ева. Результат налицо. Света пока нет. Пошли?

Адам. А что же мы будем делать вечером в потемках?

Ева. Старый жилец оставил на кухне несколько свечек.

Адам. Я представлял себе все совсем по-другому.

Ева. Ладно, пошли ужинать, я голодная.

Адам. Пошли.

Сцена 2

Адам. Где ты была?

Ева. А ты не спишь?

Адам. Как же я мог уснуть?

Ева. Очень просто. Хочешь спать — и засыпаешь.

Адам. Сейчас пять утра.

Ева. Не кричи, соседей разбудишь.

Адам. Куда ты ходила ночью?

Ева. Я пошла проветриться.

Адам. Ты — пьяная.

Ева. Чуть-чуть.

Адам. С кем ты была?

Ева. С друзьями.

Адам. Я пришел в десять.

Ева. Представь себе... я только что вышла.

Адам. Могла бы и подождать. Могла бы и подождать меня.

Ева. Зачем? Ты сказал, что придешь в семь.

Адам. Я задержался на работе.

Ева. Мог бы и позвонить.

Адам. Время так быстро прошло, что я и не заметил.

Ева. А я — заметила.

Адам. Прости, пожалуйста.

Ева. Не имеет значения. Я прекрасно провела время.

Адам. А я — нет.

Ева. Тут уж ничего не поделаешь.

Адам. Тебе бы не стоило пить.

Ева. От двух рюмок никто еще не умирал.

Адам. На голодный желудок — вредно. А твой ужин — все еще на столе.

Ева. А ты поужинал?

Адам. Да.

Ева. Вкусно получилось, правда?

Адам. Да.

Ева. Я неплохо готовлю, когда захочу.

Адам. Я пришел голодный.

Ева. Для тебя и готовила.

Адам. Все было очень вкусно. Ты очень хорошо готовишь.

Ева. Очень, очень, очень. Не преувеличивай.

Адам. В следующий раз я тебе непременно позвоню, честное слово.

Ева. Следующий раз — это уже будет не сегодня.

Адам. Хочешь я тебе разогрею?

Ева. Мне уже не хочется есть.

Адам. Ты чего-нибудь перекусила?

Ева. Да нет.

Адам. Тебе все это очень нравится, правда?

Ева. Я бы хотела принять ванну.

Адам. Сейчас? Ты поднимешь шум.

Ева. Ну и что?

Адам. Трубы. Ты же знаешь. Соседи будут жаловаться.

Ева. К черту соседей!

Адам. Ты не одна тут живешь.

Ева. Ты в этом уверен?

Адам. Прости меня.

Ева. Эй!

Адам. Простишь?

Ева. Эй!

Адам. Ну!!!

Ева. Ну ладно, хорошо.

Адам. Я весь день думал о тебе.

Ева. Врешь.

Адам. И хотел скорее закончить работу.

Ева. А чего еще ты хотел?

Адам. Я ждал момента, когда смогу вернуться домой.

Ева. А что по-твоему это такое — дом? Дверь? Ключ?

Адам. Что ты имеешь в виду?

Ева. Ничего. Выбрось из головы.

Адам. Мы только месяц как живем вместе. Я еще научусь.

Ева. Когда ты начинаешь разглагольствовать...

Адам. Я разглагольствую?

Ева. Мне кажется, что я уже ничего не хочу. Имей в виду.

Адам. Чего ты не хочешь?

Ева. Ничего.

Адам. Правда не надо разогреть тебе ужин?

Ева. Нет.

Адам. Он испортится.

Ева. Ну так выкинь его в помойку!

Адам. Хочешь что-нибудь другое? Стакан теплого молока?

Ева. Ничего я не хочу. У меня голова болит.

Адам. Хочешь аспирин?

Ева. Дома нет ни одной таблетки.

Адам. У меня в портфеле есть.

Ева. Разведи мне, пожалуй, пару таблеток.

Адам. Сейчас принесу.

Ева. Знаешь что?

Адам. Что?

Ева. Я люблю тебя.

Адам. Воды — полстакана?

Ева. Да. Поменьше воды, поменьше.

Адам. Что там было — во внешнем мире?

Ева. Не слышу.

Адам. Как там было — снаружи?

Ева. Пусто. Мертво. Знаешь, я все-таки приму ванну.

Адам. И к черту соседей.

Ева. Поцелуй меня.

Адам. А аспирин?

Ева. Потом.

Сцена 3

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Я, пожалуй, выпью пива. Принести тебе?

Ева. Не ходи на кухню, я вымыла пол.

Адам. Пахнет чистотой.

Ева. Днем дома всегда пахнет чистотой. Но ты никогда днем дома не бываешь.

Адам. Мне так непривычно видеть этот яркий свет за окном.

Ева. Ты хорошо спал?

Адам. Я не смог заснуть до рассвета.

Ева. Ты ужасно храпел. И разбудил меня.

Адам. Я храпел?

Ева. Обычно ты не храпишь. Наверное, ты заснул в неудобном положении.

Адам. Я все время кручусь. Мне не спится.

Ева. Ты не побрился.

Адам. Потом.

Ева. Ты мне такой не нравишься. Выглядишь неопрятно.

Адам. Как-то странно быть здесь днем.

Ева. Не переживай.

Адам. Все вышло так...

Ева. Ты найдешь другую работу.

Адам. Я не знаю, чем занять руки. Не знаю, куда себя деть.

Ева. Иди сюда.

Адам. Чего ты хочешь?

Ева. Пойди сюда. Сядь рядом.

Адам. И что?

Ева. Посмотри в окно.

Адам. Чего я там не видел?

Ева. Посмотри на дом напротив.

Адам. Человек в пижаме?

Ева. Он весь день в пижаме. Никогда не выходит на улицу. Не работает. Ничего не делает.

Адам. Он, наверное, счастлив.

Ева. По лицу не скажешь.

Адам. Отсюда лица не видно.

Ева. Через день к нему приходит домработница. Приезжает на автобусе в девять утра. В десятом часу я вижу, как она выбивает коврики, а потом моет окна и оставляет их открытыми до десяти, а потом закрывает. В одиннадцать она уже стоит на автобусной остановке.

Адам. Какая ты наблюдательная.

Ева. Надо же мне чем-то себя занять.

Адам. А кто всегда жалуется, что дома столько дел?

Ева. Столько? И полстолька. Каждый день все заново. Никогда их не переделаешь.

Адам. Не жалуйся.

Ева. По понедельникам, средам и пятницам.

Адам. О чем ты?

Ева. Женщина в доме напротив. Она приходит по понедельникам, средам и пятницам. Сегодня не ее день. Три раза в неделю. По два часа.

Адам. Только два часа.

Ева. Он одинокий человек, а квартиры здесь маленькие.

Адам. Ты решила изучать жизнь соседей?

Ева. Тебе бы не помешало сегодня сменить рубашку.

Адам. Эта пока еще чистая, а кроме того, мне сегодня никуда не надо идти.

Ева. Сразу видно, что ты их не стираешь.

Адам. Я не хочу задавать тебе лишнюю работу.

Ева. От этого работы еще больше. Знаешь, какие у тебя воротнички? Ты сильно потеешь.

Адам. Это от нервов. Я всегда много потел.

Ева. Но одежда у тебя потом не пахнет. Твой пот как вода.

Адам. Ты что — нюхаешь мою грязную одежду?

Ева. А вот в постели, когда мы занимаемся любовью, твой пот пахнет. Это запах сильный, кисловатый, но он быстро проходит, и от него остаётся приятный след. Как от дорогих духов.

Адам. Ты думаешь, что мы слишком редко занимаемся любовью?

Ева. Раньше было чаще.

Адам. Просто я переживаю, что потерял работу.

Ева. Не говори ерунды.

Адам. Это из-за привычки жить вместе. Я знаю, что ты у меня есть. Поэтому я не ищу тебя.

Ева. А я, наоборот, не знаю.

Адам. Ты что — жалуешься?

Ева. Домработница из этой квартиры напротив приходит чаще.

Адам. Что ты имеешь в виду?

Ева. Мы занимаемся любовью реже, чем три раза в неделю. Если бы по крайней мере мы любили друг друга три

раза в неделю. По понедельникам, средам и пятницам. Два часа. Ты — мой. Я — твоя. Не так уж много я прошу.

Адам. Нельзя же такие вещи делать по расписанию.

Ева. Сними-ка эту рубашку, я постираю.

Адам. Сейчас?

Ева. У меня есть место в стиральной машине.

Адам. Пуговица на воротничке оторвалась.

Ева. Когда наденешь галстук, не будет видно. Не люблю я пришивать пуговицы.

Адам. Опусти жалюзи.

Ева. Почему?

Адам. Тот человек в пижаме на нас смотрит.

Сцена 4

Ева. Мне приснился очень странный сон.

Адам. Тебе снился я?

Ева. Нет.

Адам. Точно?

Ева. Тебя в этом сне не было. Там был один мужчина. Но это был не ты.

Адам. Что тебе снилось?

Ева. Все уже стирается и исчезает. Я тебе уже не могу ничего рассказать.

Адам. Наверняка, кое-что ты еще помнишь.

Ева. Не знаю. Сон скрылся. Я уже больше ничего не вижу.

Адам. Ты мне наставляла рога?

Ева. Я же говорю тебе, что ничего не помню.

Адам. Ты даже не помнишь, наставляла ли мне рога.

Ева. У меня осталось только одно ощущение.

Адам. Приятное?

Ева. Отвратительное. По коже мурашки бегут.

Адам. А я никогда не помню своих снов.

Ева. Даже ощущений?

Адам. И этого не помню.

Ева. Может быть, ты просто не видишь снов.

Адам. Все видят сны.

Ева. Я устала.

Адам. Мы же только что встали.

Ева. А я устала — представь себе.

Адам. От чего же ты устала?

Ева. От всего. От повседневности. Разве он был такой?

Адам. Что?

Ева. Уговор.

Адам. Уговор... кто о нем помнит?

Ева. Я помню. Разве он был такой?

Адам. Не знаю, какой он там был.

Ева. А почему ты не помнишь свои сны?

Адам. Глупый вопрос! Почем я знаю?

Ева. А я вот знаю. Потому что ты их убиваешь. Поэтому и не помнишь.

Адам. Ты так думаешь?

Ева. Каждое утро. Когда встаешь, ты их убиваешь.

Адам. Ну и как? Тебе нравится жить с убийцей?

Ева. Мои сны ты не убиваешь. Не можешь.

Адам. Тебе холодно?

Ева. Закрой окно. Сквозняк.

Адам. Телевизор всегда должен быть включен?

Ева. Тебе мешает?

Адам. Можешь пойти в душ первая, если хочешь. Я не спешу.

Ева. И сегодня не спешишь?

Адам. И сегодня.

Сцена 5

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Я купил тебе подарок.

Ева. Правда? Покажи.

Адам. Не знаю, понравится ли тебе.

Ева. Дай посмотреть.

Адам. Я увидел его в витрине.

Ева. Очень красиво.

Адам. Я подумал, что тебе понравится.

Ева. Наверное, очень дорого.

Адам. Не ищи ценник. Я попросил его убрать.

Ева. Ты не должен был этого делать.

Адам. Тебе не понравилось.

Ева. Конечно, понравилось. Правда.

Адам. Нет, тебе не понравилось.

Ева. Чего бы ты хотел? Чтобы я пустилась танцевать?

Адам. Не знаю.

Ева. Очень красиво. И мне нравится.

Адам. Ты его наденешь?

Ева. Когда будет подходящий случай.

Адам. Почему бы тебе не надеть его сегодня?

Ева. Сегодня?

Адам. Почему бы тебе не надеть его прямо сейчас?

Ева. Я еще в пижаме.

Адам. Ты что, целый день не выходила из дома?

Ева. А зачем мне было выходить?

Адам. Просто пройтись.

Ева. А куда мне идти?

Адам. Ну ладно, хватит. Надень его.

Ева. Мне надо принять душ. Мне надо привести себя в порядок.

Адам. Давай, прими душ. Приведи себя в порядок.

Ева. Мне лень.

Адам. Надень его. И я тебя приглашаю поужинать в ресторан.

Ева. Мы что — выиграли в лотерею?

Адам. Нет.

Ева. Ты нашел работу!

Адам. И мы должны это отметить. Ты согласна?

Ева. Не знаю. Я уже ничего не знаю.

Адам. Я тебя не понимаю.

Ева. Что ты хочешь понять?

Адам. Мы были кругом в долгах.

Ева. И что?

Адам. По ночам я не мог уснуть.

Ева. А я спала. И крепко.

Адам. Я хочу пойти отпраздновать это событие.

Ева. Я очень устала.

Адам. Что ты делала?

Ева. Ничего.

Адам. Если ты не хочешь пойти со мной, я пойду один.

Ева. Делай, что тебе угодно.

Адам. Почему ты со мной так?

Ева. Когда придешь, не буди меня.

Сцена 6

Ева. Ты слышал новости?

Адам. Нет. Только у меня и дел, что новости слушать.

Ева. Конечно. Ты очень занятой человек.

Адам. Что-нибудь случилось?

Ева. Было землетрясение.

Адам. Черт возьми! И сильное?

Ева. Очень сильное.

Адам. А где?

Ева. На Аляске.

Адам. Ну, если на Аляске...

Ева. В чем дело? Тебя это не волнует?

Адам. Да в общем...

Ева. Я весь день просидела перед телевизором.

Адам. Оно и видно.

Ева. Что ты имеешь в виду?

Адам. Кровать даже не убрана.

Ева. Если бы только кровать.

Адам. Что у нас на ужин?

Ева. Посмотри в холодильнике.

Адам. А ты уже поужинала?

Ева. Я перекусила пару раз. Совсем есть не хочется.

Адам. По крайней мере, посиди со мной на кухне.

Ева. Через пять минут снова будут новости.

Адам. Этот телевизор меня уже достал.

Ева. Да ты его никогда не смотришь.

Адам. Именно поэтому он меня и достал.

Ева. С ним не так одиноко.

Адам. Кажется, тебе с ним лучше, чем со мной.

Ева. Сделай себе бутерброд и иди сюда ужинать.

Адам. Я хочу чего-нибудь горячего.

Ева. Можешь сделать себе яичницу.

Адам. А ты не могла бы мне ее сделать?

Ева. Оказывается, он не умеет яичницу поджарить!

Адам. Конечно, умею!

Ева. Ну и давай. Мне не хочется разговаривать.

Адам. И правда, пожалуй, лучше помолчи.

Ева. Послушай. Не делай из мухи слона.

Адам. Разве я делаю слона?

Ева. А разве нет?

Адам. Мы целый день врозь.

Ева. Ну и что?

Адам. Те минуты, когда мы вместе, не должны быть такими.

Ева. А какими им быть?

Адам. Не знаю.

Ева. Видишь? Ты и сам не знаешь.

Адам. Более спокойными.

Ева. Больше, чем сейчас?

Адам. Давай-ка прекратим этот разговор.

Ева. Говорят, больше тысячи жертв.

Адам. Каких жертв?

Ева. На Аляске. Больше тысячи.

Адам. А да, конечно...

Ева. Для Аляски это очень много. Тысяча жертв.

Адам. Там, наверное, никого и не осталось.

Ева. Иди сюда есть яичницу перед телевизором.

Адам. Ладно, иду.

Ева. Давай скорее. Сам увидишь. Такой ужас.

Адам. Сейчас иду.

Сцена 7

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Я тебе звонил сегодня утром.

Ева. Правда?

Адам. И в обед тоже, и вечером. Я целый день звонил домой.

Ева. И не застал меня.

Адам. Нет.

Ева. Такие вот дела.

Адам. А почему я тебя не застал?

Ева. Потому что меня не было дома.

Адам. А где ты была?

Ева. Не думала, что ты посмеешь так со мной разговаривать.

Адам. Куда ты исчезла на целый день?

Ева. Я пошла пройтись.

Адам. На целый день?

Ева. На целый день.

Адам. А я целый день мучался.

Ева. Не выдумывай.

Адам. Ты даже не представляешь, какие мысли мне лезли в голову.

Ева. Ты же мне никогда не звонишь.

Адам. А вот сегодня позвонил.

Ева. Вот незадача.

Адам. Куда ты пропала? Столько времени...

Ева. Никуда. Я гуляла.

Адам. По такой погоде?

Ева. При чем тут погода?

Адам. Весь день лил дождь.

Ева. Я люблю дождь.

Адам. Когда это ты его полюбила?

Ева. Представь себе — с сегодняшнего дня.

Адам. Ты просто не хочешь мне сказать, да?

Ева. Что?

Адам. Куда ты ходила.

Ева. Я тебе уже сказала. Никуда. Туда и сюда.

Адам. Как это: туда и сюда? Что значит: туда и сюда?

Ева. То и значит — туда и сюда.

Адам. Туда и сюда!

Ева. Вечером я пошла в кино.

Адам. На какой фильм?

Ева. Что это? Допрос?

Адам. Это ведь естественно, что мне хочется знать. Или нет?

Ева. Нет.

Адам. Нет?

Ева. Разве я тебя спрашиваю, чем ты занимался?

Адам. И спрашивать нечего. Я был на работе.

Ева. И что это значит? Разве "на работе" — это более конкретно, чем "туда и сюда"?

Адам. Это разные вещи.

Ева. В чем же разница?

Адам. Что с нами случилось?

Ева. Что с тобой — я, честное слово, не знаю. А мне было скучно.

Адам. И неудивительно. Тебе бы надо чем-нибудь заняться.

Ева. Я и пытаюсь заняться.

Адам. Но чем? Шлянием по улицам?

Ева. Как бездомная собака.

Адам. С кем ты была?

Ева. Ну вот, приехали!

Адам. Я не могу спросить, с кем ты была?

Ева. Как видно, можешь.

Адам. Вот я и спрашиваю. Говори.

Ева. Если я скажу, что была одна, ты мне поверишь?

Адам. Почему бы мне не поверить?

Ева. Я как раз и не понимаю, почему бы тебе не поверить. Но ты не веришь.

Адам. Ты сама все выдумываешь.

Ева. А ведь в самом деле не веришь?

Адам. Какой ответ тебя бы устроил?

Ева. По правде говоря, мне бы хотелось, чтобы ты вообще ничего не отвечал.

Адам. С каждым днем я тебя понимаю все меньше.

Ева. А мне и не надо, чтобы ты меня понимал.

Адам. Я переживаю из-за тебя. Это плохо?

Ева. Ты из-за меня переживаешь? Ха-ха!

Адам. Тогда скажи, что, по-твоему, со мной?

Ева. Ты боишься.

Адам. Я боюсь? Чего же?

Ева. Я не знаю, чего ты боишься. Просто твой страх виден.

Адам. По-твоему выходит, что страх можно увидеть.

Ева. Мне страшно видеть твой страх. Куда ты идешь?

Адам. Проветриться!

Ева. Только начали говорить, а ты уходишь. Ну и черт с тобой!

Сцена 8

Адам. Никак не могу найти ключи. Ты не знаешь, где они?

Ева. Нет.

Адам. Всюду навалены вещи. Кучи газет, кучи одежды. Сплошной беспорядок. Хочешь взять стакан, чтобы выпить воды, а они все грязные. Нас засосет этот бардак.

Ева. Это ты мне?

Адам. Нет. Это я сам с собой. Куда подевались эти треклятые ключи?

Ева. Ты, кажется, искал чистый стакан?

Адам. Сейчас я ищу ключи.

Ева. Ты сам должен знать, куда их положил.

Адам. У меня десять тысяч дел в голове. Я забыл.

Ева. Так постарайся вспомнить.

Адам. Слушай, помоги мне, а то я опоздаю.

Ева. Чем помочь? За тебя вспомнить?

Адам. Искать помоги. Четыре глаза лучше, чем два.

Ева. Как я могу что-нибудь найти, когда ты все перевернул?

Адам. Я все перевернул? Это ты никогда ничего не убираешь. Посмотри, во что превратился наш дом.

Ева. А тебе какое дело до нашего дома? Ты только спать сюда и приходишь.

Адам. Но ты проводишь здесь весь день.

Ева. По мне и так хорошо.

Адам. Нас засосет этот бардак.

Ева. Ты это уже говорил.

Адам. А вдруг ты раньше не расслышала.

Ева. К твоему сведению — расслышала.

Адам. Как ты можешь жить в таком беспорядке?

Ева. В каком беспорядке?

Адам. Вот в таком.

Ева. Беспорядок в комнате? Только он тебя и волнует?

Адам. Не вижу никакого другого.

Ева. Ах, ты не видишь? Ты что, на другой планете живешь? И не говори, что живешь здесь. Не вздумай мне это сказать. Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Где ты живешь? Ну?

Адам. Смотри, ключи.

Ева. Гонг спас его от нокаута. Давай беги, а то опоздаешь.

Адам. Я отменю все свои дела сегодня вечером. И вернусь пораньше. Нам надо поговорить.

Ева. Конечно, конечно.

Адам. Я приду вечером, часов в пять.

Ева. Не знаю, застанешь ли ты меня.

Адам. В каком смысле?

Ева. Мне надо подышать свежим воздухом. Я задыхаюсь.

Адам. А где блокнот? Он же был в кармане! Ты не видела мой блокнот?

Ева. Нет.

Адам. Что ты там делаешь? Неужели трудно мне помочь?

Ева. Ты прекрасно справишься сам.

Адам. Куда это ты вдруг собралась?

Ева. Мне тоже не хочется опоздать.

Адам. Куда тебе опаздывать? Не оставляй меня одного!

Ева. Желаю удачи!

Адам. Что мне тут делать одному в этом кошмаре? Кто тебя ждет?

Сцена 9

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Сидишь в потемках?

Ева. Мне свет не нужен.

Адам. Что здесь произошло?

Ева. Сам видишь.

Адам. Куда все подевалось? Где картины, где мебель, где книги?

Ева. Я все продала.

Адам. Как это надо понимать — ты все продала?

Ева. Понимай как знаешь. Я продала все. Сегодня утром приехали на грузовике и все увезли.

Адам. Но ведь это ужасно!

Ева. Ты так считаешь?

Адам. У тебя не было никакого права так поступать. Как тебе это пришло в голову? Как ты посмела?

Ева. А ну-ка... Повтори, пожалуйста.

Адам. У тебя на это не было никакого права.

Ева. Если ты о деньгах, то вот они — в этом конверте.

Адам. Деньги для меня сейчас не имеют значения!

Ева. Не имеют значения?

Адам. Вообще-то, конечно, имеют!

Ева. Я хочу, чтобы ты понял, что я это сделала ради тебя.

Адам. Что ты выдумываешь?

Ева. Тебе мешал беспорядок. Его больше нет. Сейчас вещи не валяются где попало.

Адам. Но сейчас вообще ничего нет!

Ева. Мне показалось, что иного пути не было.

Адам. Ты просто спятила! Спятила, спятила и спятила!

Ева. Удивительно, как теперь здесь звучит голос.

Адам. Ты спятила!

Ева. Когда выносишь вещи из какой-нибудь комнаты, она бы должна казаться больше. А на самом деле, она кажется меньше. Мне всегда это казалось странным.

Адам. Ты спятила!

Ева. Как будто стены съежились. Как будто потолок стал ниже.

Адам. Книги, картины, пластинки... Все это было мое. Ты не имела никакого права!

Ева. Я так давно не видела, как ты читаешь, слушаешь музыку или рассматриваешь картину. Мне казалось, что я оказываю тебе услугу.

Адам. Ты мне оказала услугу? Что за ерунда!

Ева. У тебя не было времени.

Адам. Конечно, не было. Я слишком много работаю.

Ева. Какой смысл так работать, если потом не можешь купить даже чуть-чуть времени?

Адам. Все остальное можно купить, а время — нельзя.

Ева. И очень даже можно!

Адам. Мы работаем ради будущего. Мы все работаем ради будущего.

Ева. О да. Будущее! Никто не знает, что это такое!

Адам. Но ты не шутишь, что все продала? Все?

Ева. Пока я продала все, что было в гостиной.

Адам. Пока?

Ева. В гостиной люди проводят время, а у нас не было времени зайти сюда. Эта комната была лишней.

Адам. Ты спятила.

Ева. А у тебя как раз голова на месте, это уж точно.

Адам. Ты надо мной смеешься?

Ева. Нет. Как же мне над тобой смеяться? Ты же всегда утверждал, что у меня нет чувства юмора. Разве я когда-нибудь смеялась твоим шуткам?

Адам. Я ошибался. У тебя зверское чувство юмора.

Ева. Но я пока здесь.

Адам. Ты о чем?

Ева. Я пока здесь, себя я не продала.

Адам. Ты о чем?

Ева. Впрочем, возможно, надо было бы сделать наоборот.

Адам. Ты о чем?

Ева. Кирпичом.

Адам. Ты спятила.

Ева. Хочешь поужинаем? Я приготовила вкусный ужин.

Адам. Нет, спасибо, мне есть расхотелось.

Ева. Я накрыла стол на кухне, поставила хрустальные бокалы и свечи.

Адам. Замолчи. Больше ничего не говори. Я хочу побыть один.

Ева. А тебе не надоело?

Адам. Хочется разбить что-нибудь на мелкие кусочки!

Ева. Но тут нечего разбивать.

Адам. Отодрать плитки с пола!

Ева. Ты бываешь таким нежным, иногда...

Адам. Сковырнуть штукатурку со стен и сожрать ее, пройтись по потолку!..

Ева. Еще не совсем стемнело... Хочешь я открою настеж ставни?

Адам. Нет!... Да... Нет, оставь. Я их сам открою.

Ева. Смотри, какая от нас длинная тень.

Адам. Ты поливала цветы на балконе?

Ева. Да, поливала.

Адам. Ты никогда не забываешь полить их?

Ева. Нет. Я всегда о них помню.

Адам. Что ты приготовила на ужин?

Ева. Твое любимое блюдо.

Сцена 10

Ева. Это ты?

Адам. Я же их нарочно спрятал!

Ева. Но это ты или не ты?

Адам. Да, это я.

Ева. Я разбирала шкафы.

Адам. Разбирала шкафы?!

Ева. Не надо так переживать. Я сказала, что разобрала шкафы. А не сожгла их.

Адам. Как знать. Ты такая...

Ева. Какая — такая?

Адам. Сказать, какая ты?

Ева. Какая я?

Адам. У меня мурашки по коже бегают.

Ева. И это плохо?

Адам. Не всегда.

Ева. Не всегда?

Адам. Не всегда.

Ева. Смотри-ка. Здесь у тебя очень смешной вид.

Адам. Ну и смейся, пожалуйста, смейся.

Ева. Не сердись. Но это правда так. Ужасно смешной.

Адам. Покажи.

Ева. На, смотри. Я права или нет?

Адам. Пожалуй...

Ева. Я права.

Адам. Ты права.

Ева. А вот на этой, где тут ты?

Адам. Здесь.

Ева. Вот этот? Никогда бы не узнала.

Адам. И не удивительно.

Ева. Зачем ты бережешь эти диапозитивы?

Адам. Сам не знаю. Все так делают.

Ева. А я — нет. Я никаких фотографий не храню.

Адам. Обычно люди хранят.

Ева. Не все.

Адам. Ты не такая, как все. Я в курсе.

Ева. Это что — намек?

Адам. Раньше мне нравилось думать, что ты — особенная.

Ева. А сейчас — разонравилось?

Адам. Сейчас я уже не знаю.

Ева. Ты бы предпочел, чтобы я была как другие?

Адам. Я же сказал, что не знаю.

Ева. Но на что я должна быть похожа? На кого?

Адам. Брось, хватит об этом.

Ева. У тебя усталое лицо.

Адам. Я устал.

Ева. От чего?

Адам. Не играй с огнем.

Ева. Ты от меня устал?

Адам. Сказал — не играй. Что ты хочешь услышать от меня? Чего ты от меня хочешь?

Ева. Бедненький!

Адам. Пожалуйста...

Ева. Ты умеешь прикидываться невинной жертвой. Оставим эту историю. Я уберу проектор.

Адам. Раньше все было проще.

Ева. Ты прав. Раньше мы договаривались встретиться и обычно встречались. А сейчас, наоборот, мы часами сидим рядом и не встречаемся.

Адам. Как ты любишь играть словами. Тебе всегда нравилось их наизнанку выворачивать.

Ева. В глубине души, ты меня больше любишь, когда я молчу, правда?

Адам. Зачем ты сейчас заводишь этот разговор?

Ева. Не знаю. Просто так.

Адам. Иногда мне страшно, когда ты молчишь.

Ева. А когда мне хочется поговорить, всегда выясняется, что ты договорился поужинать с кем-нибудь.

Адам. Не надо преувеличивать.

Ева. Мне с тобой очень трудно. Как можно жить, если так всего бояться?

Адам. Снова-здорово! Я всего боюсь? Чего это я боюсь?

Ева. Может быть, ты сам мне об этом расскажешь?

Адам. Я?

Ева. Да. Ты.

Адам. Не знаю. Мне просто хотелось бы жить проще, и все.

Ева. Выходит, я осложняю тебе жизнь.

Адам. Я этого не говорил.

Ева. Нет, конечно. Ты в жизни ничего не скажешь.

Адам. Послушай минутку. Я тебе говорил, что устал. Это очень нетрудно понять, правда? Я устал!

Ева. А я?

Адам. Что, а я?

Ева. То самое. А я?

Адам. Мне не нравятся загадки. Если хочешь что-нибудь сказать, то говори. И точка.

Ева. Я могу и замолчать, если тебе так больше нравится.

Адам. Мне это вовсе не нравится...

Ева. А может, нравится.

Адам. ...

Ева. ...

Адам. Ты говоришь, что не хранишь фотографий. А вот я храню фотографии — твои.

Ева. Если их хранишь ты, то это уже не мои фотографии, а твои.

Адам. На этих фотографиях изображена ты.

Ева. Это твои фотографии.

Адам. Мои? Что ты этим хочешь сказать?

Ева. Я уже все сказала. А теперь помолчи чуть-чуть.

Адам. Мои?..

Ева. Помолчи.

Адам. Уже молчу... Тебе что-то послышалось?

Ева. Нет. Хочется тишины. Помолчи.

Адам. ...

Ева. Мне бы хотелось уехать куда-нибудь совсем без вещей. Только с одной маленькой сумочкой.

Сцена 11

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Ты спала?

Ева. Я задремала немного. Который час?

Адам. Еще рано.

Ева. Почему ты так рано пришел?

Адам. Я захотел прийти домой. Мне хотелось увидеть тебя.

Ева. Я очень рада.

Адам. Я боялся, что не застану тебя дома.

Ева. Тебе повезло. Ты меня застал.

Адам. Я принес тебе подарок.

Ева. А какой сегодня праздник?

Адам. Не знаю...

Ева. Посмотрим, что ты мне принес.

Адам. Будем считать, что мы отмечаем первый день чего-нибудь.

Ева. Мне понравится?

Адам. Посмотри сама.

Ева. Я уверена, что мне понравится.

Адам. Я надеюсь.

Ева. Как красиво.

Адам. Тебе понравилось.

Ева. Ты — чудо.

Адам. Можешь сейчас прямо не надевать.

Ева. Нет, я надену. Сейчас же.

Адам. Не стоит.

Ева. Откуда я знаю, что с нами будет завтра? Где мы окажемся через несколько минут... Я тебе нравлюсь?

Адам. Главное — чтобы нравилось тебе.

Ева. Нет, нет и нет! Отвечай на мой вопрос. Я тебе нравлюсь?

Адам. Ты? Ясно, нравишься.

Ева. В мире нет ничего ясного. Посмотри на меня так, как будто раньше никогда на меня не смотрел, как будто никогда меня раньше не видел. И скажи еще раз. Я тебе нравлюсь?

Адам. Ты мне очень нравишься.

Ева. Ах!

Адам. Что с тобой?

Ева. Ты спрашиваешь, что со мной? Что со мной может быть? Я тебе нравлюсь!

Адам. Конечно, нравишься. Чего ты от меня еще хочешь? Если бы ты мне не нравилась...

Ева. Тогда что?

Адам. Ты сделала серьезное лицо.

Ева. Что было бы, если бы я тебе разонравилась?

Адам. Откуда мне знать? Ведь ты мне нравишься.

Ева. Ты все знаешь. Ты прекрасно знаешь.

Адам. Ну а сейчас, что ты хочешь от меня услышать? Это бессмысленно. Милая моя...

Ева. Милая моя? Не лицемерь. Я этого не выношу.

Адам. Пожалей меня... Что все это значит?

Ева. Ничего. Не обращай на меня внимания. Ничего это не значит. Просто я очень довольна.

Адам. И я тоже.

Ева. Кажется, он идет... да... вечером... до свидания.

Адам. С кем ты разговаривала?

Ева. А тебе что за дело?

Адам. Ах прости, пожалуйста.

Ева. Тебя это совершенно не касается.

Адам. Я задал тебе этот вопрос, не подумав. Прости меня.

Ева. У тебя же есть своя личная жизнь, правда?

Адам. Конечно. Моя личная жизнь это ты.

Ева. Не говори ерунды.

Адам. По-твоему, это ерунда?

Ева. Конечно, ерунда.

Адам. У меня больше ничего нет. Только моя работа и ты. И ничего больше нет.

Ева. Ничего нет, ничего нет, ничего нет... ты как заезженная пластинка. Всегда одно и то же: ничего нет, ничего нет.

Адам. Не надо издеваться. Это правда. У меня больше ничего нет.

Ева. Тогда, знаешь, мне тебя жалко. Ты очень беден.

Адам. А ты сразу показываешь когти. Сделай вид, что я тебя ни о чем не спрашивал. Это не имеет значения.

Ева. Тогда входи еще раз.

Адам. Что?

Ева. Ты снова входишь и снова видишь меня. Я поднимаю трубку. Ну, давай!

Адам. Я пошел.

Ева. ...Нет... только чтобы еще раз услышать твой голос... да, да, это был он... не говори глупостей... да, да, все остается в силе... не могу больше говорить... целую.

Адам. С кем ты говорила?

Ева. Не так!

Адам. Нет?

Ева. Нет. Все не так.

Адам. Я еще раз войду.

Ева. Так будет лучше.

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Нет!

Ева. Нет?

Адам. Нет.

Ева. Давай еще попробуем.

Адам. Ты думаешь?

Ева. Пробуем еще раз!

Адам. Пробуем еще раз? Мне еще раз войти?

Ева. Да! Давай входи!

Адам. Привет.

Ева. Привет.

Адам. ...

Ева. Ну, давай. Что дальше?

Адам. Не могу я так!

Ева. А почему не можешь? Почему?

Сцена 13

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Это утомительно.

Ева. Что?

Адам. Да просто смотреть на тебя. Ты говоришь, что ничего не делаешь, а сама крутишься, не переставая. Я, пожалуй, присяду. Ты восхитительна.

Ева. Ты что?

Адам. Да так.

Ева. Просто так?

Адам. Я на тебя смотрю.

Ева. Дурачок.

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Просто так?

Ева. Я на тебя смотрю.

Адам. Знаешь? Как бы это лучше выразить? Я, как борзая, — вечно гонюсь за зайцем, гонюсь, гонюсь за ним...

Ева. А заяц всегда бежит быстрее тебя.

Адам. Всегда.

Ева. Поэтому ты приходишь домой такой усталый.

Адам. Такой усталый. Домой. Это так? Сам не знаю. Мир остается снаружи. Потом я открываю дверь нашего дома и вижу тебя.

Ева. А потом?

Адам. Потом я ничего не понимаю.

Ева. А твой заяц — какой из себя?

Адам. Не знаю. Надо было бы поймать его и разглядеть.

Ева. А я? Какая я?

Адам. Ты?

Ева. Пойду сварю кофе.

Адам. Нет. Не уходи.

Ева. Я не ухожу.

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Нет. Будь оно все неладно! Я бы хотел следить за тобой через замочную скважину. Знать, чем ты занимаешься с утра до вечера, когда меня нет дома, когда я тебя не вижу.

Ева. У меня нет секретов. И ничего такого я не делаю. Просто я живой человек.

Адам. Вот именно, вот...

Ева. Ты что, выпил?

Адам. Немного.

Ева. Говоришь ерунду...

Адам. Что я говорю?

Ева. Я тоже устаю, понимаешь?

Адам. Ты тоже гоняешься за зайцем?

Ева. Это другой заяц. Но ты прав. Я тоже гоняюсь за зайцем.

Адам. Никогда не мог понять, почему ты решила жить со мной.

Ева. Потому что я так захотела.

Адам. А теперь жалеешь?

Ева. Иногда.

Адам. Я люблю тебя.

Ева. Предполагалось, что этого мы не должны говорить никогда.

Адам. Уговор...

Ева. Да, уговор.

Адам. И ты мне никогда этого не скажешь?

Ева. Ты сегодня хитришь.

Адам. И ты мне никогда этого не скажешь?

Ева. Я тоже.

Адам. Что — тоже?

Ева. Я тоже тебя люблю.

Адам. Ты это сказала с трудом. Тебе было нелегко произнести это.

Ева. На что ты жалуешься?

Адам. Нам бы нужно было иметь детей.

Ева. Что ты выдумываешь?

Адам. Иначе наша жизнь не имеет смысла.

Ева. Ты правда так думаешь?

Адам. Ты прочно стоишь на земле.

Ева. Я? Которая полжизни проводит на этой верхотуре?

Адам. Ты прочно стоишь на земле. А я живу на облаке.

Ева. Странное облако. На нем много зайцев.

Адам. Мне бы хотелось спуститься на землю.

Ева. Ты и вправду так думаешь?

Адам. Как мне тебе еще это объяснить?

Ева. Я беременна.

Адам. Что?

Ева. Что слышал.

Адам. Повтори, пожалуйста.

Ева. Я беременна. У меня будет ребенок.

Адам. Мой ребенок?

Ева. Ребенок.

Адам. О!

Ева. Что? Не молчи так. Скажи что-нибудь. Ты рад? Я хочу иметь ребенка.

Адам. Я тоже.

Сцена 14

Адам. Спит?

Ева. Уснул.

Адам. Он долго не мог уснуть.

Ева. Он — мужчина.

Адам. Что ты имеешь в виду?

Ева. Он боится.

Адам. Иди сюда.

Ева. Я устала.

Адам. Что с тобой?

Ева. Вызволи меня отсюда.

Адам. Что ты имеешь в виду?

Ева. Хочу, чтобы ты меня отсюда вызволил!

Адам. Я не могу. Как же я тебя отсюда вызволю?

Ева. Не можешь? А я-то думала, что ты на многое способен. Не предавай меня сейчас.

Адам. Я такого не ожидал. Я чувствовал, что что-то не клеится, но такого не ожидал.

Ева. Мы же всегда стремились к этому, правда? К тому, чтобы принимать решения. Иметь возможность действовать.

Адам. У нас нет такой возможности. Куда ты хочешь ехать? Что мы должны предпринять? Что нам делать с ребенком?

Ева. Он еще маленький. Поедет куда угодно. Он ни в чем не виноват.

Адам. Куда тебе с ребенком ехать.

Ева. Лучшего багажа не придумать.

Адам. Багаж? Скажи лучше — груз!

Ева. Поэтому ты хотел, чтобы я его родила?

Адам. Не понимаю, куда ты клонишь. Ты сама захотела иметь ребенка.

Ева. Ну да, конечно. Я.

Адам. Ты. Да.

Ева. Напомнить тебе?

Адам. О чем напомнить?

Ева. Ни о чем. Я устала.

Адам. Уже поздно. Прошло много часов.

Ева. Вызволи меня отсюда.

Адам. Ты опять? Я тебя не понимаю, милая.

Ева. Теперь ты меня запрятал, куда хотел, да?

Адам. Что ты такое мелешь?

Ева. Ты так думаешь, да?

Адам. Я тебя не понимаю.

Ева. И прекрасно. Так лучше. Потому что ты меня никуда не запрятал, слышишь?

Адам. Не знаю, что это на тебя сейчас нашло.

Ева. Я никогда не была такой легкой, как сейчас. Такой свободной, как сейчас.

Адам. И это восхитительно, правда?

Ева. Вызволи меня отсюда.

Адам. Куда ты хочешь идти?

Ева. Я не хочу, чтобы мы умерли.

Адам. Что ты такое говоришь? Ну что ты говоришь? Что ты такое выдумываешь?

Ева. Так умереть я не хочу. Нет.

Адам. Кто говорит о смерти?

Ева. Всё на своих местах. Всё неподвижно. Как на фотографии.

Адам. Ты его разбудишь.

Ева. Это и есть смерть.

Адам. Не будь эгоисткой. Не думай только о себе.

Ева. Я о себе не думаю.

Адам. Со стороны это выглядит так.

Ева. А меня вот интересует, о ком думаешь ты.

Адам. Я? Только этого не хватало!

Ева. Вызволи меня отсюда.

Адам. Снова-здорово.

Ева. Это просто такое выражение.

Адам. Так попробуй найти какое-нибудь другое.

Ева. Мне бы хотелось, чтобы ты меня вызволил. Но я могу выбраться и сама.

Адам. Ты хочешь сказать, что собираешься уйти? О чем ты говоришь?

Ева. Я тебе уже все сказала. Просто ты не слушаешь.

Адам. Я тебя слушаю. Конечно, слушаю. Куда это ты собралась?

Ева. Мир велик. И в нем все время что-то происходит. Подумай о нем.

Адам. Вот именно. Этим я и занимаюсь.

Ева. Неправда. Ты о нем не думаешь.

Адам. Я думаю только о нем.

Ева. Да. Но для тебя он навсегда такой, как сейчас: маленький. Ты не помнишь, каким он будет завтра, чего он завтра захочет.

Адам. Как раз наоборот. Я думаю только о завтрашнем дне.

Ева. Но не о его завтрашнем дне.

Адам. Конечно, о его.

Ева. Его завтра будет таким, как наше сегодня. А мы умираем.

Адам. Не говори ерунды.

Ева. Или, может, уже умерли.

Адам. Не дури мне голову. Завтра нам рано вставать.

Ева. Если ты меня отсюда не вызволишь, я сама уйду.

Адам. Никуда ты не уйдешь. Куда тебе идти?

Ева. Вызволи меня отсюда.

Адам. Ты не можешь все бросить. И я не могу. У нас только-только стала налаживаться жизнь. Разве ты сама не видишь, что это невозможно?

Ева. Нет. Не вижу.

Адам. Ты слишком много времени провела в четырех стенах. Ты уже забыла, каков мир снаружи.

Ева. Мне кажется, что это ты ничего не знаешь. А я как раз знаю.

Адам. Слишком много часов взаперти.

Ева. Я не была взаперти.

Адам. Слишком много времени для раздумий. У тебя голова идет кругом, и ты уже не знаешь что к чему.

Ева. Я уйду. Ты это понимаешь?

Адам. Иди сюда.

Ева. Я хотела заниматься с тобой любовью.

Адам. Я тоже.

Ева. Я хочу заниматься с тобой любовью.

Адам. Я тоже.

Ева. Ты меня не понимаешь. Не знаешь, о чем я говорю. Ты не видишь, что происходит? Не отдаешь себе отчета?

Адам. Иди сюда...

Ева. Нет. Ты не видишь. Не понимаешь.

Сцена 15

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Адам. Ты что?

Ева. Да так.

Примечание

Всякое сценическое прочтение этого текста должно начинаться с решения вопроса о том, что происходит в 15-й сцене. Я считаю, что Ева собирает вещи и уходит, но мое мнение стоит не больше любого другого.

Промежутки между сценами, те действия, которые осуществляют актеры в эти промежутки, не менее важны, чем написанные диалоги. Свет на сцене не гаснет, непрерывность действия не решена. Присутствие актеров, их взаимодействие с публикой не прекращается ни на минуту.

Следует избегать использования на сцене обычной мебели. Если сценографу необходим какой-либо предмет мебели, автор будет весьма ему благодарен, если он подумает о масштабе, в котором собирается его представить.

Барселона, февраль 1994

Ким Мунзо

Любовь до гроба

Перевод Нины Авровой-Раабен

Мы сталкиваемся на углу. Я шел быстрым шагом; в одной руке у меня был портфель, а на другой висел зонтик – сейчас, к вечеру, погода разгулялась, но, когда я выходил из дома с утра, небо закрывали серые тучи и моросил дождь, обещавший лить весь день напролет. Каролина тоже куда-то спешила – зонтика у нее с собой не было, но за плечами висела сумка, из тех, что носят сейчас на спине, а в руках она несла два внушительных размеров целлофановых пакета, на которых значилось название и адрес известного магазина постельного белья. Мы не виделись целых пять лет, но, столкнувшись практически нос к носу, сразу узнаем друг друга. "Привет", – говорит она и сразу отводит взгляд. "Привет", – отвечаю я, нарочно глядя ей прямо в лицо: благодаря этому маневру не так заметно, что в глубине души мне тоже хочется спрятать глаза. "Какая неожиданность, – говорит Каролина и тут же поправляется, словно желая продемонстрировать свое желание избежать предельной банальности такого вступления: – Впрочем, вряд ли в подобном случае следует говорить о неожидан-

© 2007 by Joaquim Monzó
© Нина Аврова-Раабен. Перевод, 2010

ности — мы живем в одном городе". — "Ну, и как ты?" — спрашиваю я. "Нормально, — говорит она. — Сколько же времени мы не виделись?" — "Лет пять, наверное", — говорю я не раздумывая, потому что сразу в момент нашего столкновения — как вы уже знаете — подумал, что прошло пять лет с нашей последней встречи. "Нет, немного меньше, — говорит она. — Мы встретились в тот день, когда ты выходил из кино". Так оно и есть. Просто это не пришло мне в голову сразу. Однажды, когда прошло уже несколько месяцев с того дня, когда мы перестали встречаться, я выходил из кинотеатра с Кларой и заметил Каролину, которая стояла в очереди в кассу. Она была одна, и я лишь перекинулся с ней парой слов, — ведь рядом со мной шла Клара. Придя домой, я хотел было позвонить Каролине, но не помнил номера ее телефона, а потом, по мере того как проходили часы, решил, что, пожалуй, будет лучше ничего ей больше не говорить и оставить все как есть. Мы же случайно встретились в дверях кинотеатра — явно недостаточный предлог для звонка. Ну позвоню я ей — и что скажу? И вот теперь — через несколько лет — я снова ее вижу. "Нормально, — повторяет она, — сейчас все в порядке, а поначалу я очень без тебя скучала". — "Выходит, что теперь ты уже без меня не скучаешь". — "Конечно нет. Я не идиотка, чтобы бесконечно скучать". — "Ну а я часто о тебе думаю". — "Думать о человеке вовсе не означает скучать о нем. Я тоже думала о тебе в тот день, когда мы встретились в очереди у кинотеатра". — "А вот если бы мы тогда не увиделись, ты бы обо мне вообще тогда не вспомнила". — "По-моему, я не говорила, что не думаю о тебе сейчас или что раньше о тебе не думала". Мы выглядим довольно нелепо со всеми нашими сумками, пакетами и зонтом в придачу. "Что с нами такое случилось?" — говорю я. "Ой, какой тон! — она морщится и умоляет: — Пожалуйста, не будем говорить в таком тоне, особенно теперь, когда столько лет прошло. — И добавляет, словно наш разговор вдруг начинает действовать ей на нервы: — Ну вот. Мне уже пора..." — "А я собирался перекусить, прежде чем идти домой", — говорю ей я. "Ты уже забыл о своей привычке всегда ужинать дома, даже если мир готов вот-вот рухнуть?" — спрашивает Каролина. "Нет. Я стал более неприхотливым. Иногда по дороге домой заскакиваю в бар, проглатываю что придется — и не надо потом больше ни о чем думать. Хочешь, пойдем вместе?" Она делает вид, что на минуту задумывается.

Стол в кафе — из белого пластика. И стулья тоже белые. Я сажусь на один из них, а Каролина — на другой, прямо напротив меня. Сумки, портфель и зонтик занимают третий стул. Моя спутница заказала гамбургер с обжаренным луком и ломтиками огурца и откусывает теперь маленькими кусочками. Раньше

ше ей и трех гамбургеров было бы мало, она попросила бы к ним целую гору картошки и салата. Каролина всегда поглощала огромное количество всякой еды, совсем от этого не поправляясь и страшно этим гордясь. Сейчас, когда она ела меньше, ее фигура стала еще стройнее, сохраняя при этом очертания пятилетней давности. Пышная грудь, крепкие бедра, алчный рот, который почти всегда оставался приоткрытым, — вот и сейчас я вижу ее крупные зубы, а иногда и кончик языка: он то и дело пробегает по губам, оставляя влажный след.

Мне трудно себя сдержать — я сгибаю пальцы, и моя рука превращается в героя детской сказки, сюжет которой я разыгрываю. Это фантастическое существо — топ-топ-топ — приближается к Каролининой руке, неподвижно лежащей на столе в ожидании моих действий ровно на таком расстоянии, чтобы моему персонажу пришлось взобраться на это возвышение — топ-топ — и погладить ее запястье. "Тебе не надо было этого делать", — говорит она. Я отвечаю ей: "Просто я думал, что, если мои пальцы превратятся в сказочное существо, ты разрешишь ему подойти поближе". Моя подруга улыбается. Она сама научила меня превращать руку в героя детской сказки. Ее папа всегда рассказывал ей такие истории, когда она была маленькой и болела, а случалось это довольно часто. Каролина, Каролина, красавица-Каролина, с которой я не захотел жить под одной крышей... С которой у меня просто духу не хватило начать "совместную жизнь", как она выражалась во время наших ссор. Когда, наконец, сказочное существо расколдовывается и вновь становится рукой, которая накрывает ее пальцы и ласкает их, на глаза моей старой подруги наворачиваются слезы, как будто я не знаю, с какой легкостью у нее увлажняется взгляд. Когда она доедает свой гамбургер, мы идем к ее дому, благо он недалеко. Мы зайдем на одну минуточку, она только оставит там пакеты — не таскать же их все время с собой, — и пойдем в какой-нибудь бар. Однако выйти обратно на улицу нам не удается.

Утром, перед моим уходом, мы договариваемся встретиться вечером. Ужинаем, а после этого идем к ней. На следующий день — еще одна встреча. Потом — на протяжении трех дней — мы друг другу не звоним. На четвертый звонит она. У нее сердитый голос: "Почему это ты не подавал признаков жизни?" — "Ты же тоже их не подавала", — отвечаю ей я. "Я просто думала, что ты на что-то обиделся или просто уже сыт мною по горло". — "Да нет, — говорю я, — если хочешь, давай встретимся". Мы снова договариваемся о встрече и на сей раз всю ночь напролет рассуждаем о том, не повторяем ли мы старых ошибок,

не глупо ли встречаться так часто, хотя большая часть времени уходит на взаимные заверения: нам, дескать, совершенно необязательно связывать друг друга обещаниями и так далее. Мы проводим выходные вместе, у нее, через неделю история повторяется. В воскресенье вечером мы оказываемся вдвоем на кухне. Сцена предвещает страшную скуку: я — в пижамных штанах, она — в майке с короткими рукавами, которая велика ей размера на три. Один из нас намыливает тарелки, а другой споласкивает их и ставит на сушилку.

Всю ночь я ворочаюсь с боку на бок. Не совершаю ли я роковую ошибку? Неужели теперь я соглашусь на шаг, который не хотел сделать раньше? Ведь, несмотря на все ее рассуждения в защиту личной свободы, совершенно очевидно: Каролина в любой момент может предложить мне всерьез начать совместную жизнь. Какие аргументы она может привести? Желание проверить серьезность наших отношений, например? С другой стороны, у меня нет полной уверенности в том, что она предложит мне жить вместе. Однако если предложение будет сделано — каким будет мой ответ? Годы берут свое, и даже мне иногда приходит в голову мысль, что пора бы покончить с холостяцкой жизнью. Но если мы представим себе, что Каролина все же сделает мне подобное предложение, то ответить ей согласием кажется мне ужасной уступкой, тогда получится, что она добилась-таки своего. Правда, пока никаких предложений с ее стороны не поступало, возможно, как раз из-за уверенности в том, что я на такой шаг не соглашусь, как это уже случилось раньше. Принятые обязательства для меня всегда были священны, поэтому если уж я себя свяжу с кем-нибудь окончательно, то это действительно будет навек, а не для того чтобы через несколько месяцев разбежаться в разные стороны. А вдруг теперь у нее отпало всякое желание упрочить нашу связь? Мне кажется, приоткрой я сейчас маленькую щелочку в двери, она тут же расхочет зайти туда. Я ворочаюсь и ворочаюсь в постели, и мне кажется, что моя подруга на своей половине кровати тоже не слишком крепко спит. В какой-то момент мы оказываемся лицом к лицу и обнимаемся. Становится ясно, что мы оба не спим, и я зажигаю лампу. Каролина встает и идет в туалет, я слышу, как она писает, зеваю и наблюдаю за ней: она возвращается в спальню и смотрит на меня, стоя в изножье кровати. Сквозь жалюзи начинают пробиваться солнечные лучи. Через несколько минут я хлопаю раскрытой ладонью по матрасу, приглашая ее прилечь рядом. Она не соглашается — будильник вот-вот прозвонит, ей пора одеваться. Я прячу от ее взгляда свой вставший член. Каролина снова идет в ванную,

принимает душ, появляется в спальне полуодетая, достает блузку из шкафа, опять исчезает с блузкой в руках, а потом возвращается полностью одетая, чмокает меня в щеку, отключает будильник и предлагает мне поваляться в постели еще немного. Поскольку я не выспался, то киваю ей утвердительно и улыбаюсь. До меня доносится хлопок закрываемой двери, в голове у меня звучат тысячи точно таких же хлопков, и я вспоминаю, как ужасна жизнь под одной крышей. Вот только поваляюсь чуть-чуть и встану, говорю я себе и засыпаю.

Просыпаюсь я через двадцать минут, потом принимаю душ и одеваюсь. Не в состоянии сдержать любопытства, принимаюсь рассматривать книги на полках, шкатулочки — и как же этой женщине нравятся всякие коробочки! — трубку из оникса и стеклянный шар, внутри которого видна пагода. Перевернешь его, и на пагоду сыплется снег. На столе разбросаны бумаги. Письмо из конторы об аренде квартиры. Театральная программка. И папки, папки. Когда несколько лет тому назад я укорял ее за неряшливость, она отвечала, что это неправда, дело было просто в том, что у нас разные представления о порядке. Письма, записки, счета и всякие хранимые на память бумажки Каролина держала в папках, сложенных не столько по тематическому, сколько по хронологическому принципу. Я выдвигаю ящик стола. Она всегда приходила в негодование, обнаружив, что я рылся в ее ящиках, и взывала к праву человека защищать от чужих глаз свой мир. Нет ли тут ее дневника? Не отказалась ли она от привычки вести его? А может быть, с годами она забыла об этой девической забаве? Посмотрим, что во втором ящике. Конверт с эмблемой спортивного зала, а в нем расписание занятий. Чистая записная книжка, между листочками заложены многочисленные чеки из магазинов. Папка со счетами за квартиру. Открываю третий ящик. В очередной папке лежат старые письма и фотографии. На некоторых я узнаю себя, лет на шесть или семь моложе, чем сейчас. Поглядим, от кого эти письма. Среди отправителей есть мужчины. Наверное, те, которые появились в ее жизни за последние годы? Я прочитываю некоторые из этих писем. Почему она не выбрала никого из них в качестве постоянного спутника жизни? Еще мне попадается под руку карта Венгрии, открытки из разных стран мира, схема барселонского метро. Следующий ящик. В желтой папке лежат письма от отца и матери, фотографии Каролины в школе, во время походов: сначала она — девочка, потом — подросток. Вот табели начальной школы. В зеленой папке обнаруживается куча медицинских справок и результатов исследований. В первом большом кон-

верте с эмблемой страховой компании, полис которой она оплачивала еще в годы нашего первого знакомства, оказывается рентгеновский снимок и два листочка, соединенные скрепкой. По мере того как мой взгляд двигается по строчкам, меня прошибает холодный пот.

Я без труда нашел телефон Кармен и договорился с ней о встрече. Несколько лет тому назад она была одной из самых близких подруг Каролины, и только с ней у меня тогда установились отношения настолько доверительные, что я могу затронуть подобную тему. Я спрашиваю ее, что она знает об этом. "Она тебе сама все рассказала?" — интересуется она. "В последние дни мы часто виделись", — отвечаю я. "Неужели вы опять встречаетесь? Это огромное счастье для Каролины, ведь ты будешь около нее те несколько месяцев, что ей осталось жить". Она смотрит на меня, в ее глазах слезы. Кармен мне всегда очень нравилась, и, когда мы с Каролиной были вместе, я иногда с ней заигрывал: как-то раз дело даже дошло до поцелуя. "Что ей говорят врачи? — спрашиваю я. — Какой у нее точный диагноз?".

Вечером, когда мы с Каролиной после ужина прогуливаемся среди мальчишек, которые прыгают на своих скейтах по каменным скамьям на площади, я неожиданно беру ее руку в свою и говорю, что в последнее время много думал о нашей жизни. На протяжении последних недель, если взглянуть на вещи трезво, мы видимся практически каждый день, а коли это так и наши встречи стали почти ежедневными, то будет гораздо разумнее просто жить вместе. В ее взгляде сквозит недоверие. Она невероятно красива. Может быть, чересчур бледна, но бледностью кожи она отличалась всегда. Каролина относится к тому типу женщин, которых бледность красит. Даже в самый разгар лета на пляж она не ходила. Насмотревшись на меня своими недоверчивыми глазами, она опускает их и отвечает мне отказом. С какой стати мы теперь должны жить вместе? Ведь это именно я настаивал на опасностях совместного существования, говорил, что самое лучшее средство от скуки — жить порознь и встречаться только тогда, когда захочется. "Что на тебя нашло?" — спрашивает она. "Может быть, за эти годы я постарел, — отвечаю я, — может быть, мы стареем незаметно, и это само по себе является поводом начать жить под одной крышей". — "Нет", — твердит Каролина, но я не сдаюсь и продолжаю настаивать, настаиваю всю ночь напролет. В результате через несколько часов мне удается сломить ее сопротивление, и пару дней спустя мы начинаем совместную жизнь. Дабы не осложнять дело, мы решаем, что на первое время она

переедет ко мне — моя квартира гораздо просторнее. Все ее вещи умещаются в кузове небольшого грузовика, и вот уже каждое утро мы просыпаемся рядом.

Я пытаюсь разглядеть следы болезни, но профану обнаружить симптомы нелегко. Каролина совершенно не изменилась: она так же улыбчива и нежна, а ее большие круглые глаза так полны жизни, что никому бы и в голову не пришло... Правда, она очень бледна, но, как я уже говорил, это ей всегда было присуще. Я изо всех сил стараюсь быть любезным, стать для нее тем, что принято называть надежным другом, и наступает день, когда мы решаем, что, наверное, нам бы следовало пожениться — ведь мы все равно живем как супруги. Она была бы так счастлива... Мне говорит об этом Кармен, с которой я встречаюсь время от времени, чтобы обсудить ситуацию. Я делаю Каролине предложение, и через неделю мы женимся. В суде мы обходимся без традиционного маскарада: на ней жемчужно-серое платье, а я в галстуке, который никогда не ношу. Кармен бросает на меня благодарный взгляд и, пока я предаюсь мечтам о том, как целую ее в уголок рта, шепчет мне на ухо, что я веду себя просто замечательно. Она никогда не расскажет Каролине, что я обо всем знаю, ее подруга может радоваться тому, что несчастье помогло ей найти такого спутника жизни. Бедная Каролина, думаю я, и, чтобы отвлечься от мыслей об уголке рта Кармен, которая продолжает хвалить меня, стараюсь сосредоточиться на губах той, которую с этого момента могу — на полном и законном основании — называть своей женой.

Однако проходят недели, а потом из этих недель складываются месяцы. Мы уже десять месяцев живем вместе. И я не могу ни на что пожаловаться и, уж конечно, не желаю ее смерти. Боже упаси. Но если бы она не была на пороге смерти, я бы никогда не стал жить с ней под одной крышей и тем более не женился бы на ней. Само собой разумеется, я не могу посмотреть ей прямо в глаза и спросить: "А ну-ка, давай выкладывай: сколько тебе осталось жить?" Я не могу даже поинтересоваться, что ей говорят врачи, потому что она не говорит мне ни о своих визитах к врачам, ни даже о самой болезни. Да, кстати: было бы, наверное, логично поговорить с ней на эту тему, раз уж мы теперь муж и жена? Но я не отваживаюсь задавать ей подобные вопросы, не интересуюсь состоянием ее здоровья, ведь формально мне ничего не известно, и, если я заговорю с ней о болезни, это может навести ее на мысль о том, что мое решение связать свою жизнь с ней было вызвано состраданием. Подобное открытие могло бы жестоко ранить ее. Но с каждым проходящим месяцем я понимаю все яснее, что она обязана была сказать мне правду. По-

чему Каролина от меня ее скрывает? Отчего не доверяет мне? Такое положение вещей начинает выводить меня из себя. Совершенно очевидно, что я не горю к Каролине столь бурной страстью, чтобы жить с ней бок о бок; и все чаще мои мысли заходят в один и тот же тупик: я ни за что не стал бы жить с ней, никогда бы на ней не женился, если бы не ее болезнь.

Она же, против всякого ожидания, не только не умирает, но еще и бросает на меня взгляды полные нежности и сжимает мою руку при виде беременных женщин или мамаш с ребеночком в коляске. Наверное, другому мужчине на моем месте уже давно пришло бы в голову уйти от нее, развестись, но я женился на Каролине, чтобы быть с ней рядом до конца. Все наши споры несколько лет тому назад как раз и сводились к этому вопросу: я настаивал, что уж если свяжу свою жизнь с кем-нибудь, то это будет навсегда, а не для того чтобы разбежаться в разные стороны через некоторое время. Возможно, ее болезнь вдруг осложнится и тогда Каролина угаснет за несколько дней. Но если сказать ей, что нам надо расстаться, потому что я думал, что ее конец близок, а он все не наступает и не наступает, это бы ее сильно опечалило. И тут уж наверняка ее иммунитет бы резко ослаб, болезнь быстро прогрессировала, и она бы умерла. А я вовсе не хочу этого. Я хочу — вернее, хотел — быть с ней рядом до самой ее смерти, а не стать причиной ее конца. Чувство вины не покинуло бы меня тогда до последних дней жизни! Таким вот образом проходит год со дня нашей свадьбы — до этого мы уже отметили годовщину нашей совместной жизни, — Каролина готовит праздничный ужин и, когда мы доедаем торт и допиваем шампанское, облизывает губы и произносит: "Мне надо кое-что тебе сказать". Я закрываю глаза и представляю: сейчас она скажет мне, что беременна, что сама не знает, как это получилось, но у нас будет ребенок, и если дело дойдет до родов, то вскоре после этого я превращусь во вдовца с младенцем на шее. Эти мысли проносятся в моем мозгу, вызывают головокружение, но говорит она мне вовсе не это. На самом деле, Каролина произносит те самые слова, которые я так жаждал услышать. Она говорит, что последние годы были для нее очень тяжелыми, что она об этом мне не рассказывала, чтобы не беспокоить, но на протяжении нескольких лет она была тяжело больна одной страшной болезнью, от которой излечивается только ничтожный процент больных; однако она оказалась в их числе и в конце концов выздоровела. У нее не было сомнений в том, что это случилось благодаря мне — если бы мы не столкнулись тогда на углу, скорее всего, она бы не выжила. "Я обязана тебе жизнью", — говорит Каролина и целует меня.

Альберт Санчес Пиньоль

Баллада об убывающем кашалоте

Перевод Нины Авровой-Раабен

Он слыл самым славным и непревзойденным рыбарем Португалии, но известен был не столько исключительными успехами, сколько ущербностью. Дело было в том, что в этой трезвомыслящей стране считалось, что даже самый мужественный из людей обязан был расплакаться хотя бы раз в жизни в трудную минуту выпавших на его долю испытаний или под влиянием переживаемых страстей. Такое правило существовало, и люди хотели, чтобы все ему подчинялись. Глаза нашего героя, мастера всех морских наук, не увлажнились от волнения ни тогда, когда он поймал черепаху с золотым панцирем, ни даже тогда, когда ему довелось найти раковину со свинцово-серой жемчужиной. Слава о нем распространялась повсюду, за пределы границ, проведенных человеком или природой. и морские обитатели боялись его – и не напрасно. Стаи тунца будили в нем охотничий инстинкт, а не радость удачливого рыболова, и сердце его наполнялось счастьем только во время тех кровавых сражений, которые достойны быть запечатленными в календарях людской памяти. Он с презрением оставлял за бортом гигантских осьминогов, потому что страшные чудовища ка-

© Albert Sánchez Piñol
© Нина Аврова-Раабен. Перевод, 2010
Фото © Luis Miguel Palomares.

зались ему карликами. Одно из преданий гласит, что зубочистками португальцу служили клыки морских львов — но это враки. Когда его корабль бороздил просторы древней Адриатики, сирены затыкали себе уши морскими губками, боясь заслушаться балладой, которую он обычно пел, стоя на корме, — это, естественно, тоже ложь; вместе с тем история казалась весьма правдоподобной. Во время самых страшных бурь смельчак лишь пощипывал себе левый сосок — дань суеверию, с древних времен существовавшему на его родине. От спасательных шлюпок он отказался в тот день, когда обнаружил в открытом море шестерых подростков, которые спрятались в одной из них, чтобы добраться до ближайшего порта бесплатно. По его приказу нарушители были один за другим брошены за борт на съедение акулам, и взгляд его не затуманили слезы, несмотря на то, что все шестеро мальчишек были сиротами и вдобавок негритятами. Он не обращал внимания ни на жертв кораблекрушений, цепляющихся за доски в волнах, ни на поднимавшиеся прямо к небу столбы дыма на крошечных островах. Законы человеческие нашли бы для него оправдание, но нормы морского братства — никогда. Потом случились одновременно две эпидемии: гриппа и кори. Как это часто происходит с моряками, по возвращении в порт бедняга обнаружил, что вся его семья умерла, и похоронили родных без него. Однако он и тут не заплакал, а снова вышел в море. Таков был этот португальский рыбарь, который вызывал одновременно и всеобщее восхищение, и презрение, потому что не плакал ни от радости, ни от грусти, ни от страха, ни от уныния. Непростительной дерзостью считалась также его способность видеть в морских далях только препятствия, которые надо было преодолеть, а не их волшебную красоту. Но однажды, бросив якорь в каком-то порту, рыбарь, вместо того чтобы заняться обычными делами, отправился прямиком в местную церковь. Это видели все, и потому сей факт доподлинно известен. Рыбарь-португалец не исповедовался с детских лет. И вовсе не оттого, что католическая вера ему претила, а потому, что морские просторы влекли его гораздо больше. Он попросил священника принять его, и тот согласился — им двигало скорее удивление, чем желание поскорее исполнить свой пасторский долг. Рыбарь рассказал ему, что в последнее время слышал какой-то голос. Нет-нет, голос доносился не из рая и не из преисподней, в этом у него не было сомнений. Этот голос принадлежал кашалоту. "Почему ты так уверен, что это не дьявол, который прикинулся кашалотом?" — спросил его священник. "Даже сатана не может быть так жесток, падре. Он издевается надо мной, называет ничтожеством, мразью и твердит: попробуй-ка поймай меня. Да-да, именно так: попробуй вылови. И это говорит кашалот, который прячется в море. А море огромно, вы-то его не знаете, потому как проводите свою скучную жизнь в этом

городке на берегу, а я рыбачу, я — самый лучший рыбак Португалии, и знаю, о чем говорю: найти кашалота, который скрывается в морских просторах, было бы чудом. Но все оказалось еще хуже. Оказывается, этот кашалот с каждым днем становится все меньше и меньше. Он сам мне рассказал, что съеживается, по мере того как проходит время. Как можно выловить крошечного кашалота? Это жестоко. А он меня мучает денно и нощно своими идиотскими разговорами. Хохот его похож на ржание жеребца, он рассказывает мне всякие небылицы о кораблекрушениях, каких-то треугольниках, карнавалах, Питиусских островах[1] и о необычных окнах. А еще он говорит об Албании, мухах, Наполеоне и скрипках. Но кашалот никогда не подсказывает мне, где прячется и как его найти, только напоминает, что с каждым часом он убывает. Вот и сейчас негодяй становится все меньше и меньше; наверное, теперь эта тварь уже стала размером с небольшую тумбочку или с амфору".

Священник этот был не самым лучшим духовным наставником, но и не из худших. Он не нарушил тайну исповеди, и никто и никогда не узнал, о чем рассказал ему португальский рыбак. Однако унять его тоску священник не сумел. Ватикану нет дела до говорящих кашалотов.

Рыбак, как всегда, поступил по-своему и отправился на поиски убывающего кашалота. Охватившее безумие влекло его навстречу опасностям; им двигало упрямство, а не отвага. Например, разыскивая кашалота, он дважды попадал в районы морских сражений, о которых никогда не хотел вспоминать, а может быть, и просто ничего не заметил. Хотя, кто знает, возможно, дело в другом: кто не хочет видеть, потом не может вспоминать, и наоборот. Океан кишел тонущими кораблями, гибнущими в волнах моряками, обгорелыми мачтами, но португалец жаловался только на то, что дым мешал ему видеть горизонт. Он не стал спасать зелено-красный флаг[2] из воды, потому что у таких людей нет Родины, есть только цель. Он спросил у истекавших кровью артиллеристов с одного из кораблей: "Вы видели убывающего кашалота?" Бедняги в ответ только попросили о помощи, а португалец, бросив их на произвол судьбы, продолжил свои поиски.

Из-за этого неблагородного поступка, да и прочих низостей, не столь известных, о нем помнят в Севастополе, им восхищаются во Флориде, а в Бразилии, где по-прежнему сильно французское влияние, за его голову назначили цену, потому как там считалось недостойным цивилизованных лю-

1. Питиусские острова — часть архипелага Балеарских островов, к этой группе относятся Ибиса, Форментера и прилегающие к ним мелкие острова. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Национальный флаг Португалии.

дей не отвечать на призывы о помощи несчастных, на которых напали пираты-новички. Подплывая к Тасмании, рыбак увидел бутылку, качающуюся на волнах. В ней не было никакой записки — там сидел джин. Звали его Румпельштильцхен, или Римпельштульцхен, и слава о нем достигла даже республики дельфинов и страны дураков. Джин обещал рыбаку исполнить три желания, если только он вызволит его из бутылки. Все три желания слились в одно:

— Скажи мне, где найти убывающего кашалота, или я тебя выкину за борт.

Но, несмотря на то что джина вот уже двести пятьдесят три года носило по волнам этого и других морей, он посмотрел рыбаку прямо в глаза и рассмеялся квакающим смехом. Рыбак, как того следовало ожидать, выбросил бутылку в море.

Эскимосы с русских берегов не поняли его вопроса об убывающем кашалоте. На берегах африканской реки вдали от берегов океанов он увидел пигмеев. Они помогли ему во всем, кроме его главного дела, и потому рыбак обозвал их дикарями, не задумываясь о том, что пигмеям для оправдания своего существования в тропических лесах никакие кашалоты вообще не нужны — ни большие, ни маленькие. Так он и преследовал убывающего кашалота, слушая ехидный голосок, который раздавался под сводами его черепа, пока, наконец, однажды — как того следовало ожидать — его корабль не наткнулся на риф в самом печальном и опасном из морей.

Здесь, среди этой пустоты, предстояло ему умереть в полном одиночестве, проведя последние минуты жизни под ударами холодных волн. Никто и ничто не сможет спасти его, и даже если у кого-нибудь появилась бы такая возможность, то наверняка он не протянул бы ему руку помощи. Бедняга стал размышлять о своей жизни, которая оказалась на поверку чередой поражений, и перед смертью из груди его вырвался плач.

В первой слезе, скатившейся по его щеке, был убывающий кашалот: не больше половинки рисового зернышка, у́же, чем лунка ногтя.

— О, наконец-то! Гляди-ка, какое оно большое, это море! — сказал кашалот, увидев этот огромный и серый океанский простор.

Рыбак попытался удержать кашалота между ладонями, но тот был маленький, такой маленький, что слезы относили его все дальше и дальше в море.

— Meu Deus, meu deus, meu deus[1], — рыдал португальский рыбак.

1. Боже мой, боже мой, боже мой (*порт.*).

Тереза Солана

Дар

Перевод Александры Гребенниковой

Розе Фло

В то утро он приехал в клинику и увидел карточку с информацией о только что поступившем теле. Имя ни о чём ему не говорило. Эужения Грау Саллент. Двадцать девять лет. Возможная причина смерти: самоубийство, передозировка снотворным, без дополнительных признаков насилия. Записки жертва не оставила. Вскрытие запланировали на завтра. Когда половина сотрудников в отпуске, все остальные трудятся без передышки; было неудивительно, что ответственным патологоанатомом назначили его, хотя работы ему и так хватало. Хорошо еще, что трупов не привозили уже пару дней. Воспользовавшись этим, он отводил часть рабочего дня на разборку накопившихся бумаг. Но хорошего понемногу. Опыт показывал, что по прибытии первого трупа за ним следовали и другие.

Имя женщины, которой предстояло делать вскрытие, напомнило ему о другой Эужении и о кипе отчетов, которые он обещал ей сдать в то самое утро. Эужения, одна из секретарш, работавших в патологоанатомическом отделении, уже несколько недель ожидала кучу просроченных формуляров.

© Teresa Solana Mir, 2010
© Александра Гребенникова. Перевод, 2010
Фото © Luis Miguel Palomares.

Он бросил взгляд на гору папок, которыми был завален стол, и вздохнул. Судебная волокита вгоняла его в тоску, но он решил, что стоит уделить внимание наполовину заполненным документам. Тогда он сдаст Эужении хотя бы часть отчётов. Через пару часов, напевая себе под нос, он направился в ее кабинет со стопкой папок под мышкой.

Другая секретарша, Марта, несколько дней назад уехала в отпуск, и офисе никого не было. Стол, на котором стоял выключенный компьютер Эужении, блестел чистотой, как будто в то утро она не пришла на работу. Это показалось ему необычным: за шесть лет работы в клинической больнице города Барселоны он не мог припомнить случая, чтобы этой девушки когда-либо не было на рабочем месте. Может быть, она тоже в отпуске? Маловероятно — секретарши ездили в отпуск по графику; одна из них не могла уехать, пока другая не вернулась. К тому же вчера вечером она сидела у себя за столом, как всегда молчаливая и сосредоточенная; когда, перед тем как уйти с работы, он заглянул к ней в кабинет, она еле слышно пробормотала "до завтра". Об отпуске и речи не было: наверное, она просто заболела. Он положил отчёты на стол, и, несолоно хлебавши, поплёлся обратно в свою каморку без окон. Если ему дадут спокойно поработать, к обеду все документы будут готовы.

Какого, интересно, Эужения возраста? Того же, что и он? На вид ей лет за тридцать, хотя он никогда ее об этом не спрашивал. Они не особенно часто общались, если не сказать, что не общались вовсе. "Доброе утро", "Добрый день", "Спасибо", "Вот документы", и пара дежурных фраз. С Эужением, девушкой замкнутой и не особенно веселой, общего у них было немного. Кроме того, она казалась ему некрасивой, невероятно некрасивой, примером полного и редко встречающегося в природе уродства, какое возникает в результате сложения небольших, трудно сглаживаемых, недостатков. Генетика оказала девушке медвежью услугу и оставила ей в наследство от предков все неприятные черты. Бедной Эужении не повезло.

Низенькая и коренастая, со слишком длинным туловищем на слишком коротких ногах и великоватой для ее роста грудью, она все время горбилась. С темными волосами сочеталась кожа, смуглая какой-то грубой, пережженной смуглостью; к тому же она была чрезвычайно волосата. После депиляции руки и ноги ее покрывались мелкими красными шрамами, исчезавшими только тогда, когда на их месте снова вырастали волосы. Беда, да и только. Черты лица тоже не отличались особенной привлекательностью. Покрытые пушком щеки, большой горбатый нос, выпученные глаза и жирная кожа в прыщах, которые ей никак не удавалось замазать

густым слоем тонального крема. Одевалась она скромно обычно в темные цвета, но ничего ей не шло. Возможно, ко гда-либо в прошлом у нее и было желание пококетничать, нс уже много лет назад она перестала прихорашиваться и стара лась казаться незаметной.

Эужения была с первого дня ему неприятна. Когда ему до водилось зайти в кабинет, где работали секретарши, чтобь оформить документы, он старался обращаться к Марте, по тому что непропорционально сложенное тело Эужении и ее некрасивое лицо его раздражали. Он ничего не мог с собой поделать.

— А что, Эужения сегодня не работает? — спросил он у од ного из своих коллег.

— Эужения? Да она же у нас, бедная, внизу лежит. Ты что карточку не видел?

— Карточку? Какую карточку? Той женщины, которук доставили утром?

Выходит, Эужения-грубая-шутка-природы, с которой он уже шесть лет вместе работал, покончила жизнь самоубийством и сейчас остывала в холодильной камере. Он надел белый халат и спустился в подвал, где хранились трупы, чтобы в этом удо стовериться. В соответствии с карточкой, Эужения лежала в холодильнике номер 10. Открыв его, он увидел ее непропор циональное тело и знакомое, покрытое прыщами, лицо. Да, это и вправду она, вся бледная, как мрамор, только у лица по чему-то нормальный оттенок. Любопытно. Девушка решила подкраситься, перед тем как покончить с собой. Напудрилась и нарумянила щеки, подвела глаза, накрасила губы... На ней не было ни сережек, ни других украшений, кроме небольшого, на вид старинного, колечка на безымянном пальце правой руки; волосы она забрала лентой синего цвета. Одна вещь привлека ла внимание: приятный запах, исходивший от ее тела. Све жий, но насыщенный аромат цветочных духов, хотя какие это были цветы, он не знал. Он умел различать запах роз и фиа лок, и то с трудом. Но аромат, который источало тело Эуже нии, не казался ни запахом роз, ни фиалок; а может быть, и ка зался, но в сочетании с другими оттенками. В любом случае, запах ему нравился. Он наклонился поближе к ее ногам, живо ту, груди, рукам, шее и волосам. Сомнения не было. Она надуш илась с ног до головы, обрызгала духами каждый уголок, ка ждую складочку своего тела, как будто бы после смерти ей хотелось быть источником свежего аромата.

В соответствии с предварительным заключением, она умерла уже десять-двенадцать часов назад. Если бы не мра-

морная бледность ее тела, от шеи до ног, возникало впечатление, что она спит. Он снова посмотрел на карточку. Двадцать девять лет, а он-то думал, что ей тридцать пять-тридцать шесть. Да, с близкого расстояния было очевидно, что этой девушке не больше тридцати. Любопытно: мертвая, она казалась моложе. В заключении говорилось, что ее нашли дома, в спальне; она лежала в кровати, на спине, обнаженная, но прикрытая простыней. Рядом с ней нашли летнее платье белого цвета, по всей видимости новое, а на ночном столике, три упаковки из-под валиума, стеклянный стакан и бутылку минеральной воды. Она сама написала записку соседке, чтобы та пришла к ней в квартиру рано утром и позвонила по номеру 061, сама позаботилась о том, чтобы оставить дверь неплотно прикрытой, чтобы пожарным не пришлось её взламывать. Все говорило о том, что, перед тем как проглотить таблетки, Эужения все хорошо обдумала. Казалось, она даже выбрала платье, в котором ее должны были похоронить. Такие хладнокровные молодые самоубийцы встречаются не часто.

До этого дня он, конечно же, никогда не производил вскрытий близких ему людей. Ни патологоанатомы, ни хирурги не препарируют родственников и знакомых. Этим всегда занимается кто-нибудь другой. Что касается Эужении, она с двадцати лет работала в клинической больнице и ее там знали все, но они не часто пересекались. Да и вообще он об этой девушке практически ничего не знал. С кем она встречалась (хотя он и подозревал, что она не встречалась ни с кем), с кем дружила, любила ли свою работу. Для него Эужения была всего лишь секретаршей, с которой он вежливо здоровался и прощался и которой время от времени сдавал документы, предназначенные для отправки в суд. За шесть лет совместной работы они ни разу не пили кофе, не разговаривали по душам. Если вдуматься, совсем незнакомый человек.

Несмотря на это, ему было странно думать, что завтра она, обнаженная и беззащитная, будет лежать перед ним на секционном столе. Лучше бы эта работа досталась кому-нибудь другому. Об одном он и вправду помнил: она была очень застенчива и по любому поводу краснела. Стоило ему заглянуть в кабинет, где работали секретарши, как Эужения тут же становилась красной как рак и прятала свое несимпатичное лицо за черными и жесткими как уголь волосами. Бедняга, подумал он с искренней жалостью, на такую страшилу ни один мужчина, наверное, и не смотрел. Ему она определенно не нравилась. Он относился к ней, как к мебели, и старался

не садиться с ней вместе за стол, если случайно встречал ее в столовой. На его памяти он никогда не делал ей комплиментов, даже ни разу ей не улыбнулся, разве что из вежливости. И все из-за того, что была она некрасива, и от этого ему становилось неловко. Сейчас он об этом сожалел.

Он закрыл холодильник и решил больше об этом не думать. Он поднялся по лестнице в свой кабинет, чтобы как ответственный человек наконец-то уделить все внимание давно ждавшим своей очереди документам. Перед тем как к ним приступить, он включил компьютер проверить почту, как обычно он это делал по утрам. И тут он увидел *это*. Сообщение, адресованное ему той, от кого он никак не ждал вестей. Имя отправителя: Эужения Грау. Сердце его так и подскочило.

Сообщение было коротким, не больше пары строчек. Оно начиналось со слов "Уважаемый доктор" и заканчивалось словами "С наилучшими пожеланиями". Вежливо и безучастно, Эужения просила его об одном: самолично произвести над ней вскрытие по прибытии ее тела в клинику. И все. И больше ничего. Он в полном недоумении перечитал этот короткий текст несколько раз, пытаясь отыскать в нем тайный смысл. Эужения не оставила никакой записки о самоубийстве, но по совершенно неясной ему причине, прямо перед тем как покончить с собой, решила надушиться, накраситься и послать ему через Интернет эту невероятную просьбу. Внутри у него все похолодело. Он не знал, что и думать.

Он решил никому ничего не говорить и просидел все оставшееся время у себя в кабинете, делая вид, что работает. Незадолго до двух часов дня, он сослался на головную боль и сказал, что пойдет домой. Голова у него действительно болела. Проходя мимо кабинета секретарш, внезапно остановился, недолго думая, вошел и начал рыться в ящиках стола Эужении. Там они и были. Ключи от ее квартиры с адресом на брелке. Тот же самый адрес, что и в регистрационной карточке. После минутного колебания он сунул ключи в карман и торопливо направился к выходу. Солнце на улице светило так ярко, что он даже зажмурился. Его чуть не сбил мотоциклист. Что на него нашло? Почти не отдавая себе в этом отчета, он вскочил в такси и назвал адрес, найденный вместе с ключами. Сердце его бешено колотилось, ему было трудно дышать. Девушка жила одна, на улице Флоридабланка, неподалеку от клиники. Не прошло и десяти минут, как он уже был на месте.

Квартира Эужении находилась поблизости от рынка святого Антония, в районе, расположенном по левую сторону от

Эйщампле[1], и до сих пор похожим на шумный поселок. Рынок — первый из рынков, построенных за пределами городских стен, после того как в последней трети девятнадцатого века были разрушены крепостные стены города Сант-Антони, — сохранил изумительную железную структуру и дух небольшого городка. Он все еще был центром интенсивной торговой жизни, присущей району, где семья Эужении жила уже около ста лет. Прапрадеды Эужении переехали сюда с кучей детей, утвари и долгов в конце мая 1909 года в поисках удобств, которых и в помине не было в крохотных квартирках Старого города. Они и представить себе не могли, что на этих самых улицах вскоре произойдут события Трагической недели[2], и дым пожаров омрачит небо их новой жизни. Переехали недалеко, от силы двадцать минут пешком, но этого было вполне достаточно для того, чтобы оставить в прошлом скопище прогнивших узких переулков и непрерывную борьбу с грязью и нищетой. В отличие от богатой буржуазии, поселившейся подальше под кровом величественных зданий, возведённых архитекторами справа от улицы Бальмес, семьям поскромнее, как та, к которой принадлежала Эужения, пришлось довольствоваться обычными квартирами, построенными неподалеку от их прежнего места жительства. Сейчас, как и Раваль, это был один из самых густонаселенных районов Барселоны, в котором устроилась большая часть приехавших в город иммигрантов. Стоило только взглянуть на платки на головах мусульманок, или послушать тоскующие голоса мужчин, беседовавших между собой на непонятных языках, столпившись на перекрестках или сидя на скамейках. На запруженных народом разноплеменных улицах квартала, в котором жила Эужения, по старой традиции смешивались надежда и ярость, честные граждане и проходимцы, местные жители и чужеземцы. Его здания и тротуары заполоняли, не обращая друг на друга особого внимания, проститутки и богобоязненные старушки, воры и лавочники в четвертом поколении, доносчики и полицейские в штатском. Машин было много и все пропиталось запахом бензина. Туристы появлялись здесь редко. Они предпочитали пляж или приятную прохладу музейных помещений.

1. Эйщампле, или Эшампле (*кат.* L'Eixample) — Новый город — наиболее населенный район Барселоны, возникший в XIX в. и расположенный между Старым городом (*кат.* Ciutat Vella) и множеством маленьких городов, ранее окружавших Барселону, а в XX в. превратившихся в новые городские районы. (*Прим. перев.*)
2. Трагическая неделя — череда восстаний в Каталонии в июле 1909 г. Поводом послужил декрет о призыве 20 000 каталонцев в испанскую армию для борьбы с племенами рифов в Марокко. (*Здесь и далее – прим. ред.*)

В здании, где проживала Эужения, консьержки не было. В старое время она, наверное, все-таки была, потому что сохранилось специально оборудованное для нее помещение, но соседи, видимо, решили сэкономить и заменить ее присутствие домофоном. Содержать консьержку было дорого, а квартал был скромный, хотя в последние годы цены на квартиры сильно выросли. Ему не доставило труда найти ключ от двери подъезда — на брелке висели всего три ключа: маленький ключик, вероятно от почтового ящика, и два побольше.

На темной и узкой лестнице в этот час пахло вареной капустой. Лето стояло жаркое, и из распахнутых окон раздавались крики матерей, зовущих детвору к столу, и ругань проголодавшихся отцов. Этаж, на котором жила Эужения, считался четвертым, но был на самом деле пятым, лифта в здании не было. Смирившись с отсутствием лифта, он побрел вверх по крутой лестнице. Поднявшись, он открыл дверь и вошел в квартиру девушки, стараясь не шуметь, чтобы не привлекать внимания соседей. Его появление здесь, возможно, и не являлось противозаконным, но было, по крайней мере, не совсем обычным. В присутствии патологоанатома на месте смерти после назначенной судьей транспортировки тела, нет никакой необходимости. Это не входит в его обязанности. Зачем же он сюда явился? Что он пытается найти?

За все время его работы патологоанатомом никогда раньше ему не приходило в голову действовать таким образом. Надо сказать, что до этого дня он производил вскрытия незнакомых ему людей. Может быть, он надеялся понять, по какой причине Эужения покончила с собой? Она была очень некрасивая. Нетрудно вообразить, что она жила в одиночестве, страдала хронической депрессией и чувствовала себя изгоем в том мире, где красота и юность входят в правила игры. Эужения, скорее всего, устала смотреть на себя в зеркало каждое утро и видеть отраженное в нем уродство. Она, наверное, просто сдалась. И так как она уже много лет работала в морге и знала, что самоубийц всегда привозят в клинику, она, видимо, предпочла, чтобы вскрытие произвел врач, с которым она меньше всего общалась. Ничего другого ему в голову не приходило.

Он вошел в светлую квартиру, тщательно прибранную, как и рабочий стол Эужении. Ни пылинки. Площадь небольшая, около шестидесяти метров, но обставлена со вкусом. Немного мебели из хороших сортов дерева, скромный дизайн, отражающий душу хозяйки. На полу — ковры, на окнах — цветы в горшках, на полках — книги. Сотни книг. Це-

лые шкафы. Этого он и вправду не ожидал. Оказывается, Эужения была девушка начитанная. Не какая-нибудь там дурочка.

На кухне тоже прибрано, холодильник совершенно пуст и выключен из розетки. В мусорном ведре чисто. Сама Эужения позаботилась о том, чтобы вынуть все из холодильника и выбросить мусор, чтобы еда не испортилась и не наполнила дом неприятным запахом. Предусмотрительная девушка, ничего не скажешь. С дурным предчувствием он направился в спальню. Занавески были открыты, и комнату освещало солнце. Стакан, бутылку с водой и упаковки валиума, наверное, забрали в лабораторию, потому что их в комнате уже не было, но на ночном столике лежала не очень толстая книга и почтовая открытка. Книга была открыта, и открытка лежала в ней в качестве закладки. Эта открытка показалась ему почему-то знакомой.

Он взял открытку и перевернул ее, чтобы посмотреть имя отправителя. Его так и передернуло. Эту открытку он самолично послал сотрудникам в клинику пару лет назад, когда был в отпуске. Как не помнить. Он три недели путешествовал по Балканам вместе с коллегой из травматологического отделения. Роман долго не продлился. Всем близким ему женщинам хотелось усложнить ему жизнь, и их не устраивало, что он не готов к серьезным отношениям. В некотором волнении он снова поглядел на открытку. Типичная открытка из тех, что туристы шлют друзьям и родным, пейзаж Фракии с древними развалинами на заднем плане. Место ни о чем ему не говорило. Он и выбрал-то эту открытку случайно, как мог бы выбрать любую другую. Долг вежливости — и ничего больше. Он отложил открытку и взял книгу. Это было современное издание "Федра", в переводе. Он попытался порыться в памяти, припомнить то, что его заставляли читать в старших классах. "Федр" — это, кажется, о красоте? Или о красоте говорилось в "Федоне"?[1]

Ему пришлось присесть, потому что голова у него шла кругом. Он весь вспотел. Пот был холодный и неприятный. Любому человеку с медицинским образованием, даже патологоанатому, присуще умение находить взаимосвязь между двумя симптомами. Эужения использовала эту открытку, как закладку в книге, лежавшей на ночном столике в момент ее самоубийства, и послала ему по почте свою невероятную просьбу. Эти два обстоятельства были связаны между собой. С другой стороны, может быть, и книга имела какое-либо значение. Возможно, Эужения выбрала ее, чтобы убить время, пока таблетки не достигнут желаемого эффекта, или же решила покончить жизнь

1. *Один из диалогов Платона.*

самоубийством после прочтения этой книги. Если ему не изменяла память, и в "Федре" говорилось о красоте, книга должна была подтвердить его первоначальную идею. Да, скорее всего, так оно и было. Эужения покончила с собой, поскольку была уродлива и оттого – невероятно несчастна.

Он взял книгу и пошел с ней в столовую. Когда он ее дочитал, было шесть часов вечера. Он был прав. В книге говорилось о том, чего Эужения была лишена. А может быть, и нет: сейчас у него уже не было в этом уверенности. Ведь Платон утверждал, что красота – это нечто независимое от физического мира, нечто превосходящее чувственное восприятие... Эта мысль сбила его с толку. После прочтения книги нельзя было сказать, что философ выносит приговор уродам, скорее он предупреждал, что внешность может быть обманчива. С другой стороны, уродство Сократа вошло в поговорку. Старик-философ был далеко не Адонис. Может быть, в непропорциональном теле Эужении все же таилась красота? Но какая? Красота внутреннего мира, чисто интеллектуального характера, та красота, которую восхвалял Алкивиад в Сократе в диалоге "Пир" и которую Эужения, наверное, взрастила в себе, читая все эти умные книги? Но в таком случае, зачем она покончила с собой?

Когда он на следующее утро приехал в клинику, Эужения уже лежала на секционном столе. Ее тело все еще дышало ароматом цветов. В соответствии с его распоряжениями, с нее сняли кольцо и ленту, которой она забрала волосы. Макияж с лица смыли, на нем не оставалось ни следа краски, и все ее тело отдавало белизной. Губы и ногти приобрели синеватый оттенок, соответствующий передозировке диазепамом, и уже не казалось, что она спит. Она и вправду была чрезвычайно дурна собой. Он не спеша надел перчатки и пластиковый фартук, и вежливо попросил ассистента начать вскрытие задней части черепа, в то время как сам взял скальпель и начал готовиться к извлечению всех остальных органов. Ничего необычного он не ожидал. Весь его опыт говорил о том, что речь шла о самом обыкновенном самоубийстве и что ничего, кроме разложения, вызванного передозировкой успокоительными таблетками, найти они не могли.

Обычно, во время работы в прозекторской, он слушал музыку. "Битлз", "Роллинг Стоунз", Тина Тёрнер, Майкл Джексон, Мадонна... Некоторые врачи предпочитали слушать классическую музыку, но ему были больше по душе ритмичные мелодии, песни, которые хотелось напевать, а не размышлять под их звук. В тот день он сказал, что хочет побыть

в тишине и не настроен слушать шутки и анекдоты. Ему казалось, что некоторая чинность была его долгом перед этой незнакомой и некрасивой девушкой, с которой он проработал шесть лет. Ассистент кивнул головой, пожал плечами и начал сверлить кость.

В ту ночь он плохо спал; ему снился кошмар за кошмаром, все время один и тот же. Он просыпался измученный, весь в поту. Во сне Эужения была в свадебном платье и на ее скулистом и прыщавом лице играла улыбка. Волосы ее были забраны все той же синей лентой, и она протягивала ему руку, приглашая следовать за собой. Он сопротивлялся. По дороге на работу он думал, что, в сущности, в этом сне не было ни малейшего оправдания для неприятного чувства тоски, которое охватило его, когда пора было вставать. Он стоял посреди прозекторской, готовясь заняться внутренностями Эужении, и воспоминание об этом волнующем кошмаре не оставляло его в покое и заставляло пульс биться чаще. Он сделал глубокий вдох, стараясь прийти в себя. Он был специалистом в своем деле и за свою жизнь сделал тысячи вскрытий. Он должен был отогнать эти бессмысленные образы и сконцентрироваться на работе. Разрезая кожу и вскрывая грудную клетку, он внезапно понял свою ошибку. Скальпель упал на пол, и он застыл на несколько мгновений, пока мозг его делал усилия, чтобы смириться с последствиями только что сделанного открытия. Это было слишком ужасно, слишком запутанно. Ассистент тихо наблюдал за происходящим и ограничился тем, что молча подобрал с пола скальпель, но заметил, что лицо врача было таким же белым, как только что расчлененный им труп.

Он все неверно понял. Просьба Эужении не имела ни малейшего отношения ни к скромности, ни к тому, что они вовсе не общались. Скорее наоборот. Эужения покончила с собой для того, чтобы заставить его видеть и трогать ее так, как он бы никогда не стал этого делать, пока она была жива. Эта девушка отдала ему свое тело, зная, что он не откажется принять его оцепенелым и холодным. Она даже украсила себя, как невесту. Она поняла, что только покончив со своим уродливым телом, она сможет приблизиться к мужчине, вежливое молчание которого каждый день было пощечиной ее уродству. Поэтому она и хранила открытку, поэтому послала ему это странное сообщение, облеченное в простые слова. Может быть, она предвидела и то, что он зайдет в ее квартиру? Или это уже выходило за рамки написанного ею сценария?

Он попытался собраться с силами. Один за другим он выкладывал на стол различные органы, пока не опустошил ее всю. Сначала он обследовал мозг. Мозг весил 1270 граммов и

был совершенно симметричен. В нем не было заметно никакой аномалии. Следовало сказать, что среди всех когда-либо виденных им мозгов, этот был наиболее близок к совершенству. На нем не было ни синяков, ни кровотечений, ни малейшего изъяна, и ему была присуща странная красота и гармония. Это заставило его задуматься. За все годы работы патологоанатомом он никогда не видел такого прекрасно сложенного мозга, как этот, только что извлеченный из черепа Эужении. Он представлял собой такое чудесное хитросплетение тканей и волокон, какое на протяжении столетий удалось созерцать лишь немногим счастливцам. Вслед за тем он принялся осматривать все остальные органы. Все они были в идеальном состоянии. Не было и следа повреждений, как будто никаких таблеток Эужения не принимала, как будто ход времени не оставил на них ни малейшего следа. Каждому ее внутреннему органу были присущи такие строгие пропорции, какие практически невозможно встретить в человеческом теле.

В непорочных органах Эужении была заключена такая тонкая и необычная красота, что ему постоянно приходилось сдерживать дыхание. Ее внутренности излучали притягательный свет, и их запах совсем не был ему неприятен. В них не было ни малейших признаков разложения. В некотором смысле казалось, что ему дано созерцать, посредством расчлененного тела Эужении, великий секрет совершенного образа. При этой мысли он снова оцепенел.

Так он стоял долго. В экстазе. В изумлении. Молча. Сколько бы он ни старался, он не мог отвести глаз от этой чистой красоты, о существовании которой он раньше и не догадывался. Увидев его в таком состоянии, ассистент перепугался и предложил проводить его на улицу — подышать свежим воздухом, но он отказался и настоятельно потребовал, чтобы ассистент ушел. По привычке повиноваться распоряжениям докторов, ассистент, не споря, вышел из прозекторской, но патологоанатом был уверен, что тот вскоре вернется в сопровождении одного из коллег. У него почти не было времени. Тело девушки казалось ему не уродливым и непропорциональным, а, напротив, чудом красоты и совершенства. Он взял нить и иглу, и с любовью принялся зашивать опустошенное тело Эужении. Ему хотелось это сделать самому. Окончив работу, он надел ей на палец кольцо и повязал волосы лентой. Синий цвет приносит невестам счастье. И на прощание он прижался губами к холодным губам девушки и поцеловал ее.

Через некоторое время его нашли на полу без сознания. Очнувшись, он сказал, что у него просто закружилась голова.

В течение последующих месяцев всем стало очевидно, что с ним творится что-то неладное. Он почти не спал, не ел, и синие круги, появившиеся у него под глазами, подчеркивали его бледность. Он похудел и поседел. У него не осталось практически ни одного черного волоса. Он постоянно пил кофе и приобрел нервный тик, заставлявший его время от времени подмигивать левым глазом. У него дрожали руки, он заикался. Обеспокоенный его состоянием, заведующий отделением несколько раз просил его взять больничный или отпуск, но он сухо отказывался, уверяя, что чувствует себя нормально. Несмотря на явное и стремительное ухудшение здоровья, несмотря на то что он вдруг постарел и ослаб, он продолжал вовремя приходить на работу, и никто на него не жаловался. Он работал даже больше, чем раньше, как будто не мог наработаться, и ухитрялся постоянно дежурить. Через несколько месяцев он молча присутствовал уже на всех вскрытиях и предлагал свою помощь менее опытным патологоанатомам. Все его избегали, но никто не решался ничего сказать.

Как-то раз, ночью, он остался один. Другой врач ушел домой, почувствовав недомогание. Все остальные сотрудники закончили дежурство и тоже разошлись по домам. Сторож, сидя в своей будке, как всегда, клевал носом под звуки радио, и время от времени поглядывал на мониторы, чтобы проверить, все ли в порядке у входа в здание. Хотя много лет назад, когда этот сторож только начинал работать в старом здании Института патологической анатомии, ему было несколько не по себе, но опыт показал, что проблемы всегда приходят извне. Конечно, в мертвецах не было ничего хорошего, но они хотя бы его не беспокоили.

Вот уже несколько дней трупы поступали один за другим. Самоубийцы, жертвы аварий, наркоманы, тела, изрезанные ножами, неизвестные лица, которых никто не смог опознать... Холодильные камеры подвала были полны трупами, терпеливо ожидавшими своей очереди перед отправкой на кладбище или в аудитории медицинского факультета, и сотрудники начали жаловаться. Если так будет продолжаться, придется работать сверхурочно. Уже никто не знал, что делать с трупами. Их было просто некуда девать.

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Никто не звонил, никаких срочных вызовов. На следующее утро, незадолго до восьми, пришел сменщик. Он любил приходить пораньше и составлять график дежурств в тишине и спокойствии, до того как телефон начнет беспрестанно звонить. Ему не по-

казалось странным, что его коллега отсутствует, поскольку в спокойные ночи дежурным патологоанатомам было скучно и они часто уходили попить кофе с медсестрами. Он мог прикорнуть наверху, в библиотеке, или пойти в кафетерий позавтракать. Пока он рылся по карманам в поисках ключей, ему показалось, что из подвала доносится какой-то странный шум. Казалось, что там кто-то тихо стонет, почти неслышно, как будто плачет втихомолку. Опять, наверное, кто-то забыл выключить радио. Он вздохнул, снял пальто, положил кошелек на стол и спустился по лестнице в подвал, где хранились трупы. Дверь была неплотно прикрыта. Открыв ее, он внезапно отскочил назад. Зрелище, открывшееся его глазам, заставило его похолодеть.

Он попытался закричать, но не мог издать ни звука. В тысячную долю секунды ему показалось, что это всего лишь галлюцинация в сумраке прозекторской, злая шутка заработавшегося мозга, но он тотчас же понял, что зрелище было вполне реальное. Столы и пол — все было завалено разлагающимися трупами, надрезанными там и сям, внутренности были раскиданы по всей прозекторской. Было невозможно сделать шаг и не наступить на присохшие друг к другу ошметки печени, мозгов, почек или сердец. Все углы были украшены кишками, как мрачным серпантином, развешенным к омерзительному празднику, на который собрались расчлененные трупы и головы, отрезанные от тел. Вонь была невыносимой, как будто сам ад широко раскрыл свои ворота. Единственный источник света, имевшийся в прозекторской, едва освещал секционный стол, предназначенный для подготовленных к вскрытию тел, но прозрачная кожа искалеченных трупов впитывала в себя свет и отражала его в зловещей и печальной игре теней. Все еще слышались тихие всхлипывания. Их издавал человек, плакавший лежа на горе вспоротых трупов, в пропитанном кровью халате. Сомнений не было. Это был один из врачей. Казалось, что он что-то держит в руках. Все было залито кровью. Везде. Но мертвые не кровоточат.

Он ее сразу же узнал. Это была одна из медсестер педиатрического отделения, необыкновенно красивая девушка с копной изумительных светлых волос. Было трудно не обратить внимания на эту стройную и прекрасно сложенную девушку, на ее светлые веселые глаза. Еще и двух недель не прошло с тех пор, как она зашла в его кабинет, обеспокоенная состоянием здоровья того, кто в это мгновение рыдал над ее изрезанным и кровоточащим телом. Обнаженная и недвижимая, она лежала на столе, привязанная к нему лейкопластырем и бинтами. Комок ваты у нее во рту, скорее всего, заглушил ее крики, не задушив

ее при этом. Он был уверен в том, что медсестра оказала сопротивление. Ее голубые глаза были широко открыты, но уже не улыбались. На ее окаменелом лице застыло выражение ужаса.

Она была разрезана сверху донизу, ребра были разломаны, и некоторые из внутренних органов извлечены наружу. Он подошел поближе, и ему показалось, что в руках его коллеги что-то ритмично двигалось. И тут его вырвало. Это было сердце девушки. Оно еще билось.

Паталогоанатом даже не заметил чьего-то присутствия. Его потерянный взгляд блуждал за завесой слез. Ослепительная красота, найденная им в теле Эужении, лишила его рассудка. С того дня он искал ее во всех телах, с которыми работал каждый день, с упоением, как околдованный. Он обследовал сердце, печень, мозги, матку, почки – все органы, в которых могла быть заключена эта тайная и ослепительная красота, неожиданно явившаяся из несовершенного тела Эужении и не найденная им больше никогда. В отчаянии он решился отыскать ее в теле прекраснейшей из знакомых ему женщин, но снова потерпел поражение. Сейчас он понял, что уже никогда не сможет снова созерцать воздушное изящество этих гармоничных пропорций, невероятную и невиданную красоту, которую с такой щедростью подарила ему Эужения, вручив свое уже бездыханное тело. И эта уверенность делала охватившее его в эти минуты одиночество необъятным, неисцелимым. Он отправился в путь в долину глубочайшей тьмы, узник трагической и древней мудрости, теперь уже навеки ему не доступной. В путешествие с билетом в один конец.

Солнечная машина, или В тот день я раздал множество поцелуев

Перевод Нины Авровой-Раабен

Мы не знаем, принял ли добрый солдат решение не стрелять в тот же самый миг, когда вытащил из мешка черный шарик.

"Ну и везет же тебе, – сказал один из его приятелей-рядовых. – По крайней мере, какое-то разнообразие, и к тому же еще увольнительную дают на два дня". Черный шарик означал, что тебе предстояло стать членом расстрельной команды.

Много раз обсуждалась возможность того, что герой нашего повествования мог отказаться от такой участи в тот самый момент, когда вытащил злополучный шар. Он не был рекрутом, и, как стало известно впоследствии, ему уже довелось убивать людей, хотя и в более достойных обстоятельствах или, скажем, более нормальных по армейским стандартам. Но трудно догадаться, чем объясняются реакции человека, и тем более с уверенностью утверждать, что его вдохновляет к действию, а что заставляет падать духом. Если бы солдаты, которые вытаскивали шарики, заранее знали, был ли осужденный вражеским солдатом или "своим", тогда, возможно, мы бы могли сделать

© Albert Mas-Griera
© Нина Аврова-Раабен. Перевод, 2010

следующее предположение: Добрый Солдат не хотел казнить своего товарища, даже если тот оказался предателем, вором или насильником. "Свой" убийца в военное время (это всем известно) — человек куда более достойный, чем добродетельный вражеский солдат, захваченный в плен. Однако солдаты в тот момент определенно не знали, кого им предстояло расстрелять, а потому его нежелание исполнять свою роль (на данный момент еще не выраженную словами) никому не удалось убедительно доказать. В качестве аргумента может быть использован его последующий отказ стрелять, грубое неисполнение своих обязанностей. Но даже в этом случае нельзя отрицать возможности того, что он не выполнил приказ без какого-либо предварительного плана и что решение пришло к нему тогда же, когда и действие, которое ему предстояло совершить.

"Ты какой-то хмурый", — может быть, заметили его товарищи после обеда.

А он в ответ, наверное, ответил: все в порядке, просто спать хочется. Однако можно предположить, что никто за все время не смог правильно истолковать его поведение.

Только гораздо позже, ближе к вечеру, просочились кое-какие сведения о приговоренном к смертной казни. Это был резервист, пекарь по профессии, которого военно-полевой суд признал виновным: на протяжении нескольких месяцев он передавал врагу важные сведения, и как раз на днях из-за его донесения погибли двенадцать солдат.

"Вот видишь, теперь не придется испытывать угрызений совести".

Следует признать, что Добрый Солдат стал весьма неразговорчивым с тех пор, как узнал, что ему придется участвовать в расстреле, а потому на протяжении нескольких часов ему пришлось не раз выслушать рассуждения, подобные тем, которые мы только что прочитали. Нет, однако, никаких достоверных сведений о том, что он выглядел озабоченным и встревоженным или произносил какие-то таинственные слова, и (тем более) о том, что Добрый Солдат выражал сомнения — пусть даже и в завуалированной форме — относительно необходимости выполнения задачи, которая ему досталась.

Ночь накануне расстрела пекаря выдалась довольно беспокойной — здесь очевидцы единодушны. На рассвете оказалось, что линия фронта не сдвинулась буквально ни на один миллиметр, но на протяжении предшествующих часов войска при свете луны, то наступая, то отступая, сражались за узкую полоску земли, которая к утру покрылась ковром мертвых тел. Когда рассвело, подразделения санитаров и пленных с обеих сторон, воспользовавшись перемирием, начали собирать трупы и перено-

сить их к могилам, вырытым возле окопов. Доброму Солдату удалось избежать этих мрачных ночных боев, когда штыки пронзают черные тени, именно потому, что членам расстрельной команды разрешалось отдыхать всю ночь. Одни говорят, что слышали, как Добрый Солдат перед сном тихонько напевал какие-то песенки; другие утверждают, что он играл в карты с двумя приятелями из родной деревни. Кто-то сказал — правда, ему немногие поверили, — будто наш герой всю ночь не сомкнул глаз и, в унисон доносившемуся нестройному хору стонов и свисту пуль, несколько часов разряжал свой пистолет в крыс, которые заполняли окопы, еще не заваленные мертвыми телами.

По правде говоря, день выдался таким солнечным, что даже черная от копоти глина и развалины зданий казались прекрасным, удивительным пейзажем. Его не омрачали ни обгорелые остовы машин, ни разбитые в щепы пни, ни пятна среди травы, где земля и останки человеческих тел смешались и превратились в одно неизвестное доныне вещество. Именно эту картину, хотя никаких доказательств у нас нет, и должен был видеть Добрый Солдат, шагая к тому месту, где строилась расстрельная команда, а навстречу ему везли раненых, и армейские священники причащали тех, кому не суждено было дожить до обеда.

Одет он был не слишком опрятно. Очевидцы припоминают, что Добрый Солдат в тот день не побрился, гимнастерку надел кое-как и забыл зашнуровать один из башмаков. Офицер пожурил его, но этим все и ограничилось. Иные рассказывают, что обстановка царила довольно непринужденная, и он даже посмеялся шутке товарища. В последнее время требования к обмундированию значительно смягчились, особенно в окопах на передовой, и немногие офицеры обращали внимание на уставные требования: сказались долгие месяцы войны — живые были одеты ничуть не лучше мертвых. Однако после переклички шеренга из шести человек выстроилась ровно, как по ниточке, подняв винтовки с решительным видом — и в ярком солнечном свете повисло ожидание. Осужденный пекарь появился в сопровождении двух солдат и священника, и на него тут же посыпались оскорбления, подкрепляемые плевками. Этот ничем не приметный мужичок маленького роста, вероятно, многим казался недостойным такого великолепного дня. На грудь ему повесили картонку с нарисованной на ней мишенью, а руки связали за спиной — предатель был сейчас не опаснее полевой ромашки. Нам остается только предположить, что Доброму Солдату эта картина показалась творением (и даже чудом) этого светлого утра; тогда мы сможем хоть как-то объяснить его поведение. Скорее всего, он поднялся утром так же, как все остальные, готовый выполнить свой долг и выстрелить — без особого энтузиазма, но

и без лишних угрызений совести. Возможно в первые минуты, пока казненный еще шевелится, он бы и почувствовал раскаяние, но оно быстро стерлось бы потом при виде летящих птиц или чуть позже, во время полуденного боя. Итак, наверное, дело было в том, что солнечная машина, яркая декорация прекрасного дня превратила человеческую низость в беззащитность. Однако — мы настаиваем — ничто не заставляло нас предвидеть его отказ. Каким бы неопрятным и грязным ни был Добрый Солдат, он встал в шеренгу, не нарушив никаких воинских законов, и винтовка, как говорят, ни на секунду не дрогнула в его руках.

Офицер зачитал приговор. Краткая биография, бытовые детали, совершение предательства. Когда пекаря спросили, не желает ли он сказать последнее слово или передать что-либо своим близким, он только беззвучно опустил голову и даже отверг жест священника, который протянул ему крест. Все присутствующие, оскорбленные таким поведением, снова стали поносить его и не замолчали до тех пор, пока капралы и офицеры не навели порядок. Никого из солдат расстрельной команды эта короткая перепалка, казалось, не задела. Они продолжали стоять в строю, сосредоточенные и серьезные, пока офицер не велел им перейти к месту казни — широкому проходу, похожему на маленькую площадь, где сходились три окопа. Пекаря подвели к стене, сложенной из мешков и досок, с витками колючей проволоки наверху. Расстрельная команда оказалась в четырех метрах от мишени, а за их спинами сгрудились все остальные солдаты, теперь в полном молчании.

"Не завязывайте мне глаза. Пожалуйста".

Это были единственные слова, которые произнес осужденный перед смертью (все свидетели подтверждают сей факт). Офицер, который, вероятно, счел, что предатель должен был выразить свое последнее желание раньше, когда ему предложили говорить, ответил на его просьбу отказом. Двое солдат подошли к осужденному и надели ему на голову мешок от картошки (а не просто завязали глаза) и стянули края дерюги на шее несчастного веревкой.

"Целиться в мишень. Стрелять два раза, один за другим, как только услышите мой приказ".

Все члены расстрельной команды взяли наизготовку, сделав шаг вперед. Добрый Солдат поступил точно так же — никто и никогда не отрицал, что он поднял оружие и был готов попасть в цель.

Все произошло именно в этот момент, за секунду до приказа офицера стрелять.

На глазах у всех, в окружении колючей проволоки, грубых досок, в самом центре палящего солнца Добрый Солдат опустил

винтовку и нацелил ее в землю. Офицер, губы которого уже сложились в слово "Огонь!" не остановился, хотя и увидел выбившуюся из общего строя винтовку, это необъяснимое неповиновение приказу. И Добрый Солдат выстрелил в глину, в то время как остальные пять дул выплюнули десять пуль в человека с мишенью на груди и уложили его наповал: три пули вонзились в доски, две пробили мешок на голове пекаря — все остальные попали почти в самый центр мишени. Одно время велись долгие споры о том, не мог ли Добрый Солдат просто слукавить, а не действовать в открытую. Уж если он в конце концов решил не разделять с товарищами ответственность за смерть осужденного, то прекрасно мог бы не опускать винтовку и не стрелять в землю. Что ему стоило просто выпустить пули в доски или сказать, что у него отказало оружие: патрон заклинило, песок в стволе, глина на курке — возможностей было сколько угодно. Споры эти не привели к сколько-нибудь удовлетворительным результатам. Как ни крути, он выпустил две пули в землю и даже не попытался скрыть этого. Однако правда и то, что он не смог поднять глаза и встретить ледяные, изумленные взгляды товарищей по команде. Тем временем гул удивления и волна всеобщего порицания повисли в воздухе, словно облако газа, — голос офицера, точно лезвие ножа, рассек и вонзился в него, как штык: "Что все это значит?"

Произнесенные слова большого значения не имели, но в тоне звучала угроза. Офицер подошел к Доброму Солдату с видом негодующего охотника, который упустил дичь по чужой вине. Казалось, он первый раз в жизни увидел этого человека и вдруг принял его за врага, за низкую тварь. Новость облетела окопы, и на площадке собралась целая толпа, образовав подобие скульптурной группы, прославлявшей победу. В центре ее виднелось опущенное к земле дуло винтовки в руках у человека, который на все вопросы отвечал молчанием. Казалось, он стоял на дне колодца и его окружала стена отчуждения.

Свидетельства очевидцев дальнейших событий расходятся, но следует предположить, что скандал разразился довольно громкий. Все это время (по приказу офицера Доброго Солдата разоружили и немедленно препроводили к командиру батальона) труп пекаря лежал в грязи и никто не обращал на него внимания. Его убрали гораздо позже, когда, как нам рассказали, за ним приехали его жена и родители.

— Как же это получилось?

Тон майора, если судить по протоколу допроса, сначала был скорее дружелюбным. Он рассчитывал услышать убедительные объяснения, которых не последовало.

— Я не знаю, — ответил Добрый Солдат.

— Вы не выполнили приказ. Вы нанесли оскорбление армии, своей Родине. Это уму не постижимо.

— Я не смог выстрелить, только и всего.

— В мои обязанности не входит растолковывать вам суть дела, солдат. Однако я это сделаю. Преступника судили по закону, и приговор был справедлив. Он сотрудничал с неприятелем, запятнал руки кровью наших солдат.

— Сеньор, мне очень жаль, но я не смог выстрелить.

— Скажите, что у вас заклинило винтовку. Это я могу понять. Или что у вас в глазах помутилось.

— Я выстрелил, но в землю. И со зрением у меня тоже все в порядке.

— Мне кажется, вы нарочно ведете себя вызывающе. Вы сумасшедший. Я даю вам последний шанс. Скажите, что вы не в себе, и не можете объяснить, что произошло.

Секретарь, записывавший этот диалог, кажется, прекрасно отразил на бумаге напряженное молчание, перед тем как Добрый Солдат произнес:

— Сеньор, я все могу объяснить. Дело в том, что я не смог выстрелить.

В этот момент майор глубоко вздохнул, сделал несколько шагов по комнате (заложив руки за спину и наклонив голову, как часто ведут себя люди в подобных ситуациях) и подошел к окну. За ним множество штыков вонзались в тела врагов, перебивали хребты, осколки бомб взметали над лесными полянами и окопами ошметки тел.

— Такие поступки военно-полевой суд карает смертной казнью или пожизненным заключением. Вы недостойны ни своего мундира, ни своего послужного списка. Таким людям не место среди нас, и, если когда-нибудь наступит мир, общество не должно допустить существования подобных граждан... Я никогда не видел подобной глупости и считаю, что ваш поступок заслуживает особого наказания. Мне кажется, мало будет обычного военно-полевого суда, было бы слишком просто, если такая же расстрельная команда, как та, которую вы обесчестили, привела бы приговор в исполнение через несколько дней.

Наступила очередная пауза. На этот раз офицер молча сел, взял официальный бланк, достал дорогую ручку и начал писать:

— Мы поступим следующим образом: завтра вы пойдете на поле боя при свете дня и возьмете с собой кирку, лопату и тачку. Вы отправитесь к траншее, где похоронены шесть офицеров нашей армии, которые погибли вчера, выкопаете их те-

ла — одно за другим — и перевезете сюда, чтобы перезахоронить их, как полагается, на нашем воинском кладбище.

Произнеся эти слова, майор поднимает глаза. Ему хочется встретиться взглядом с Добрым Солдатом, вкусить плоды сказанных им слов. Однако он видит перед собой человека, который с интересом рассматривает копии восточных скульптур над витриной с медалями: наверное, точно так же он выглядел, когда опустил винтовку. Офицер готов задушить негодяя собственными руками, но ему кажется более естественным встать в полный рост и добавить возмущенным тоном.

— Раз вы так любите жизнь, что отказываетесь убивать, то вам пойдет на пользу перевозить тела убитых, которые отдали жизнь за всяких там трусов. А если это дело вам не по нутру, то беспокоиться нечего: вражеские пули сделают свое дело, как только вы вылезете из окопа. Они-то и будут вашим судом и справедливым приговором.

Взгляд солдата задерживается на маленькой скульптуре, стоящей на вершине колонны возле двери. Обнаженная юная девушка с горделивой осанкой смотрит прямо перед собой — невидимый ветер треплет ей волосы; она шагает прямо на своего зрителя, как неумолимое время.

— Вы можете идти, говорит майор и быстро добавляет: — И да простит вас Бог.

Вчерашнее ожидание не идет ни в какое сравнение с напряжением сегодняшнего утра.

Доброму Солдату не довелось увидеть своих друзей, если только таковые у него остались после того, как он опустил ружье. На груди у него не было мишени, но все (от самых бестолковых и до самых проницательных) видели там черный круг. Может быть, теперь, оказавшись в ситуации, которую, впрочем, нельзя было считать непредвиденной (только полный идиот мог вообразить, что он опустит ружье и это сойдет ему с рук), Добрый солдат задумался, насколько достойное зрелище он собой являл. Его фигуру с киркой, лопатой и тачкой окружала огромная толпа, которая излучала сочувствие, укор и ненависть. Наша задача облегчилась бы, располагай мы более надежными свидетельствами. Говорят, что в то утро он ни с кем даже словом не перекинулся, изо всех сил старался избегать взглядов товарищей и, кажется, не прилагал никаких усилий, чтобы избежать оскорблений и дождя маленьких камешков и глины. (Однако другие свидетели — их показания о других деталях оказались достоверными — утверждают, что Добрый Солдат попросил помощи у конвоиров, которые вели его к краю окопа, и что брань и угрозы пугали его.)

На фоне досок и колючей проволоки, поднятых штыков и мешков с песком, на глазах всех собравшихся Добрый Солдат возник над окопом как нечто непредвиденное, как непонятный врагу ход его командиров. Может быть, именно поэтому сначала он шагал в тишине, ожидая выстрелов, которые должна была извергнуть траншея врага. В это время дня никто и никогда не подбирал убитых, однако на поле боя прогуливался человек с тачкой. Речь идет о новой тактике? Они замыслили какой-то дьявольский план? (Нельзя с уверенностью объяснить, почему противник так долго не стрелял; самым вероятным объяснением, скорее всего, будет их удивление и недоверие.) Как бы то ни было Добрый Солдат смог без труда достичь ямы, где были захоронены шесть тел и на глазах у всех стал быстро копать землю. По словам одного из очевидцев, стоявшего предположительно впереди остальных, наш герой насвистывал какой-то мотив, но это неподтвержденный факт. Доподлинно известно, что он не пытался бежать (лучшим снайперам было поручено убить его при первой же попытке к бегству, но им пришлось утешать курки своих винтовок воображаемыми картинами будущих боев). Не стал Добрый Солдат и просить врагов о помощи, ни, тем более, притворяться раненым, когда засвистели первые пули.

Правда, как мы уже сказали раньше, до этого он успел дойти до обозначенного места и начал копать землю около тачки, в то время как в окопах солдаты заключали пари: через сколько минут его убьют.

После долгой тишины (не будем брать в расчет глухой стук откидываемых комков глины и сухих ударов кирки, и даже скрип ржавых колес тачки) из окопов противника раздались отдельные, редкие выстрелы, словно им стоило большого труда поверить в происходящее. Добрый Солдат к этому моменту уже вырыл довольно глубокую яму и собирался погрузить на тачку первый труп. Он завязал рот платком и засучил рукава. Потом нагнулся, задержал дыхание и потянул за первые руки, попавшиеся ему на глаза. Это был офицер, у которого осколками снесло всю левую сторону лица — когда Добрый Солдат приподнял труп, чтобы взвалить его себе на спину, из дыры на голове хлынула грязная жижа, в которой копошились насекомые. Одна пуля вонзилась в правый сапог мертвеца, а вторая, как говорят, чуть не задела ногу нашего героя. Несколько пуль потерялось в воздухе, а остальные выбрали для себя по ошибке в качестве мишени камни или доски.

Из какого-то окопа донеслись аплодисменты, кто-то подхватил их без особого энтузиазма, а потом снова воцарилась

тишина. Тем временем Добрый Солдат погрузил труп на тачку и пустился в обратный путь к указанному месту. Он перешел дощатый мостик над окопом, из которого на него смотрело множество глаз — словно наш Солдат уже был мертвецом и его удивленные зрители — тоже (хотя день выдался ясным и не вызывал мыслей об аде или о небытии и, тем более, о том длинном-длинном черном колодце, каким является, наверное, смерть). Никто, кажется, не сказал ему ни слова, но несколько очевидцев вспоминают скрежет колес на кое-как сколоченных досках и безжизненные руки, свешивавшиеся из тачки над морем штыков и удивленных глаз. По другую сторону окопа, где ряды крестов обозначали место офицерского кладбища, Добрый Солдат оставил свой груз у ног двух пленных солдат, которые под надзором двух часовых хоронили мертвых, достойных имени на кресте. И, не говоря ни слова (но, как вспоминал потом один из этих пленных солдат, подняв глаза к небу с улыбкой), отправился в обратный путь к окопам врага, чтобы продолжить свою работу.

Добрый Солдат повторил свой путь второй раз, а потом — третий. Он грузил на тачку целые тела и их части и даже кое-какие личные вещи, по крайней мере те, которые пощадили пули и глина. Возвращаясь на кладбище в четвертый раз, он случайно (или, как многие утверждают, из желания поерничать) водрузил оторванную голову одного из мертвецов в чудом сохранившемся на ней шлеме на туловище, частью которого она ранее, кажется, являлась. Волна ужаса, крестные знамения, а также хор возмущенных голосов проводили его до кладбища. Однако отнюдь не необычность этой сцены была самым удивительным явлением того утра.

Поражало другое. Начиная со второго выхода Доброго Солдата на поле боя и на протяжении всей операции вражеские пули не переставали свистеть. Сначала выстрелы были единичными, но потом противник разъярился оттого, что ему не удавалось достичь желанной цели, и пули стали вылетать одна за другой, без передышки. Отсутствие хоть какого-нибудь результата подстегивало их. Когда Добрый Солдат из последних сил — в распахнутой на груди рубахе и сбившемся платке на шее — грузил на тачку труп какого-то капитана, на него низвергся густой ливень пуль. Но тачка прибыла в пункт назначения, и захоронение офицеров обезлюдело.

Один из свидетелей описал свои впечатления в дневнике. В продолжение рассказа мы приводим отрывок из него (автор погиб через несколько дней, и остальные страницы сгорели вместе с ним, ставши жертвами той же самой бомбы):

Три пули. Нет. Три очереди с разных точек. Мы всё видим из окопа, прекрасно видим – никто не грезит, никто не желает ему спасения (среди нас нет друзей или знакомых этого человека; возможно, двум-трем солдатам его жалко, но большинство просто ждет, чтобы его убили, хотя бы для развлечения). Пули не находят его, не трогают ни его кожи, ни очков, никаких частей тела. Одна падает на землю раньше времени (пока солдат грузит на тачку первое тело во время последнего захода), отвергая траектории, описанные в учебниках и доказанные мудрецами от физики и от рассудка. Вторая отскакивает от какой-то не видимой никому преграды, хотя поле должно просматриваться прекрасно: на нем нет ни столбов, ни заборов, этого человека ничто не скрывает... Наконец, третья пуля пронзает ноги мертвеца, его руки, найдя лишь уже выбывшую из игры плоть. Позже две ручные гранаты падают неподалеку от медленно шагающего по глине к нашим укреплениям солдата – и ни одна из них не взрывается. Нет, пули не желают его трогать, пожалуй, он и спасется... Те, кто смогли потом поднять головы, видели, как он обнимал мертвое тело, сгружая его с тачки и, казалось, говорил ему какие-то слова. А еще говорят, хотя мы в этом и неуверены, что он целовал мертвецов, опуская их на землю.

Через три дня военный трибунал судил по всем правилам Доброго Солдата, несмотря на протесты некоторых офицеров, которые считали, что он уже сполна расплатился за свою трусость. Его приговорили к трем годам тюрьмы, один из которых он провел на каторжных работах на другом фронте (но во время все той же войны). Потом след его потерялся. Говорят, что майор, приказавший ему выкопать мертвецов, был потом тяжело ранен. Доживая свои последние дни в военном госпитале, он смог послать письмо Доброму Солдату, и тот попросил его прислать ему фигуру девушки, которая стояла в кабинете офицера на вершине колонны.

Мы ничего не знали о судьбе этого человека, пока не появилась серия репортажей об участниках той нескончаемой войны (всем им было уже под девяносто). Один их журналистов разыскал Доброго Солдата в доме для престарелых и смог написать более или менее достоверную историю о том дне, когда ему удалось обмануть тысячи пуль. Потом им заинтересовались телевизионные каналы, один или два писателя (а также международный кинопродюсерский центр), и некоторое время о нем говорил весь мир.

Мария Барбаль

Из сборника "Горячка времени"

Перевод Марины Киеня

Награда

1

На носу у этой девочки были веснушки; они рассыпа
лись и по щекам, точно крошечные капельки кофе
молоком. Медно-рыжие волнистые волосы стянуть
в тугие, высоко заплетенные косички. Похожа на Роми
Шнайдер, думал мальчик. Такой же выпуклый лоб, чуть за
прокинутая назад голова, живые глаза. Как в том фильме, где
актриса играет юную девушку, которая еще не знает, что ее
ждет императорский трон.

Войдя в мастерскую, Ольга вела себя не как другие дети –
за теми только глаз да глаз, бегают всюду, все хватают, пока
не получат взбучку от взрослых. А то застынут в углу, будто
статуи: ждут не дождутся, когда же, наконец, разрешат выйти
на улицу. Нет, эта совсем другая.

© Maria Barbal, 2010
© Марина Киеня. Перевод, 2010

Девочка обычно приходила с матерью; такая скромная с виду сеньора, а у самой глазки блестят, сразу видно — себе на уме. Вечно задаст сапожнику работу потруднее, а то привяжется, начнет торговаться, одно разорение. А девочка прижмется к прилавку и смотрит не отрываясь, как двигаются руки мальчика, освещенные яркой лампой под белым фарфоровым колпаком. Хозяин, бывало, намучается, пытаясь переспорить мамашу.

Между учеником сапожника и девочкой громоздилась куча непарной обуви, которая ждала починки: кожаную подошву прибить, металлическую набойку поставить, пришить ремешок, проколоть в нем еще пару дырочек, подлатать носок, шнурки заменить. Она так благоговейно глядела, как за толстой иглой тянется дратва, будто видела перед собой не башмак, а живое человеческое тело в стерильной тишине операционной. А то смотрела, как молоточек один за другим забивает гвозди в подметку надетого на колодку ботинка. Тут подклеят, там наваксят, подкрасят белой краской легкие летние туфельки, отполируют после ремонта — и стоптанная обувь заблестит, словно только что с витрины. Это потруднее, чем новую тачать. Что бы ни делал ученик сапожника, девочка сосредоточенно наблюдала за ним.

Бывало, что ни сам сапожник, ни мать, такие взрослые и опытные, не знают, как быть, а подмастерье догадается, будто задачку сложную в уме решит. Внимание Ольги льстило ему. Нравилось украдкой смотреть на нее; иногда парнишка отрывал взгляд от работы, и девочка тут же поднимала голову с рыжими косичками, точно ее кто окликнул. Моргала от яркого света лампочки, краснела, услышав слова паренька. И он улыбался.

Наконец мастер с облегчением вздыхал, вежливо прощался, капитулируя перед настырным крохоборством Ольгиной мамаши, и та тянула дочку прочь: "Эй, разиня, пошли!" Тогда подмастерье пристально смотрел на девочку и, вкладывая в свои слова какой-то особый смысл, называл ее именем принцессы из фильма:

— Пока, Сисси!

2

Видимо, этот парнишка был очень красивым, потому что год за годом, встречая его на улице, Ольга неизменно отмечала про себя, до чего же он хорош. Смуглый, высокий, чуть сутулый, но ладный. Иногда мать упоминала подмастерье в разговоре.

— Кстати, ученик сапожника ушел из мастерской.

— А знаешь, он женился.

— У него две дочки растут.

Девочка помнила, что повстречала его однажды, как раз в тот год, когда закончила школу. Он шел под руку с очаровательной молодой женщиной, тоже темноволосой, белокожей, круглолицей. Оба улыбались, а прохожие оглядывались им вслед.

— Привет, Сисси!

И щекам вдруг стало горячо, словно от жара лампы под белым колпаком.

Точно неизвестно, когда бывший подмастерье решил навсегда покинуть мир, пропитанный запахом пропотевшей кожи, краски и пыли. Надоевший, как комок розовой жвачки во рту. Молодой отец семейства не стал растрачивать таланты на старую обувь, он нашел лучшее применение своему деятельному уму: завел собственное дело. Теперь в свете других ламп, под другими абажурами перед ним выстраивались ровные ряды цифр, таких стерильных, таких безликих.

— Ученик сапожника уехал из нашего городка.

Красавица-жена умерла, оставив мужу двух дочек в том же возрасте, в каком была Ольга, когда наблюдала через прилавок за работой юного подмастерья. А он почти не вспоминал о кожаных подметках, о каблуках, сбитых о брусчатку, о ремешках сандалий, измочаленных пальцами времени. Думал только о цифрах.

— А ученик-то сапожника опять женился!

И опять подобрал жену себе под стать. Девочки быстро подросли. Наконец семья вернулась в родной городок.

А Ольга прилежно училась, закончила университет, занималась научными исследованиями в фармацевтической лаборатории, вышла замуж. Иногда она тоже ездила домой навестить родителей. Эти поездки стали чаще, с тех пор как мать, всегда такая энергичная и трудолюбивая, выговорила себе у святого Петра теплое местечко на небесах. Не у кого теперь было спросить об ученике сапожника.

Но однажды они встретились на главной улице, в гостеприимной тени старых платанов. Ольге, конечно, хотелось бы узнать, как же все-таки зовут этого высокого, ладного, интересного мужчину. Но он прошел мимо с легким поклоном и такой знакомой улыбкой: "Привет!" — "Как дела?" Что еще могут сказать при встрече люди, которым и так известно друг о друге все самое главное? Да ничего.

И девочка решила взглянуть на ту мастерскую, куда они с матерью носили чинить обувь. Теперь там, за ярко освещен-

ной витриной, красовались экологически чистые продукты, аккуратно разложенные по полкам. Мимо, скорее мимо!

3

После пяти лет замужества Ольга уехала за границу, участвовала в успешной разработке перспективного лекарства. Именно она сообщила прессе о сделанном открытии. Многие жители городка, а среди них и скучающий бизнесмен (в прошлом ученик сапожника), не раз видели ее фото в газетах. Когда Ольгу показывали по телевизору, он смотрел на серьезное лицо, усыпанное поблекшими веснушками, слушал обстоятельные научные пояснения и думал, что всегда был уверен: эта девчушка далеко пойдет. О нем-то она, конечно, давно забыла.

А время шло.

Однажды осенним днем, когда краски особенно ярки, когда горы синеют на горизонте, а по небу важно плывут ослепительно белые облака, Ольга сидела и смотрела вдаль, лаская взглядом каждую черточку родного пейзажа, как делала всякий раз, приезжая в те места, где родилась. Теперь она вернулась навсегда после долгих лет на чужбине. Брак ее закончился разводом.

Городок сильно изменился, это сразу бросалось в глаза. Не осталось и следа от немощеных переулков и улиц, покрытых брусчаткой, — всюду асфальт. Ну надо же! — подумала Ольга. Не играть мне больше здесь. Здания кругом солидные, высокие, не то что двухэтажный домик под черепичной крышей, с узкими коридорами, где она провела детство и где до сих пор жил ее отец. Перед мысленным взором прошли минувшие дни, минувшие годы, и необъяснимое чувство, точно порыв теплого ветра, всколыхнуло душу.

На улице прохожие сразу узнавали Ольгу, приветливо улыбались. Еще бы, ведь ее показывали по телевизору. И вдруг она увидела знакомое лицо: да это же ученик сапожника, единственный человек, встречи с которым Ольга так ждала. Неважно, что она до сих пор не знает ни его имени, ни где он работает. Надо хоть на минутку остановиться, перекинуться, как обычно, парой добрых слов, сказать, как она скучает по далекому детству.

А он заставил себя отвернуться и пройти мимо. Той наивной девочки больше нет, теперь она знаменитая дама, так запросто с ней не поздороваешься. Сначала Ольга растерялась, но потом постаралась отвлечься. Однако, придя домой, тут же поспешила к зеркалу.

Да, женщина на пороге зрелости; кожа все такая же белая, несколько красивых седых прядей, умело скрытые морщинки, небольшие круги под блестящими глазами цвета обожженной глины, в тон волосам. Изящно очерченные брови. Все эти годы раздумий, наблюдений, научных изысканий наложили на нее свой отпечаток. Неужели она и вправду так изменилась?

Ольга все прекрасно понимала. Без горечи, но и без особой радости окинула она мысленным взором бесконечную череду прошедших дней и, глядя в глаза своему отражению, задала себе два вопроса: он что, в самом деле ее не узнал? Или узнал, но решил, что она его забыла?

Из мэрии пришло письмо с печатями и штампами. Городской совет единогласно решил присвоить одной из улиц ее имя. Город может гордиться, что такая знаменитая исследовательница является его уроженкой, и хочет выразить ей свою признательность. А Ольга сразу подумала о своем давнем знакомом: ну конечно, он непременно явится на торжество.

И вот этот день настал; устроили праздник под открытым небом. Отец был счастлив. Пришли одноклассницы Ольги, элегантно разодетые дамы с крашеными волосами, соседи и родственники наперебой обнимали ее. Ольга выбрала для торжества платье модного покроя, сделала такую же прическу, как у Роми Шнайдер в том фильме, который принес славу молодой актрисе. Вдела в уши серьги с бирюзой. Но где же он? Почему не пришел?

Сколько приятных слов, просто голова кругом! Наконец Ольга устало попрощалась с последними гостями, взяла под руку сгорбленного отца, и они медленно побрели домой. С каждым шагом прошлое отступало все дальше. Прощай, детство, прощай, юность, когда дни казались такими длинными, а ночи — короткими. Да, она многого добилась, но главная мечта не сбылась — кто знает почему. День клонится к вечеру, скоро совсем стемнеет, вот-вот рука времени навсегда захлопнет эту дверь.

Ольга осторожно вела по тротуару старенького отца и вдруг подняла голову: навстречу им шел ученик сапожника, импозантный седовласый мужчина. Надо непременно остановиться, сказать, как она восхищалась его умением, как благодарна была за внимание, которое он дарил той несмышленой девчушке.

Он тоже много думал эти последние дни. Все-таки надо ее поздравить.

Они поравнялись, и не успела Ольга заговорить, как бывший подмастерье наклонился к ней и тихонько произнес:

— А ты все так же похожа на Сисси!

Заботливо поддерживая отца под руку, Ольга шла домой и улыбалась. Все похвалы, услышанные за день, меркли перед этими словами.

Благодаря ему отныне и до скончания дней ее не оставит желание походить на принцессу.

M&M

ДОЖДЬ лил как из ведра, а из раны на моей левой руке хлестала кровь, неосторожным ударом ножа выпущенная из вены. Нечего раздумывать, надо скорее идти к Марио, ведь всем известно, что его жена кого хочешь вылечит. Я стоял на пороге, промокший до нитки, а Мунда, придерживая дверь, невозмутимо смотрела на меня своими небольшими голубыми глазами. Заметив кровь, она посторонилась и впустила меня в дом.

Сразу за дверью была кухня: простой очаг прямо на полу, газовая плита в углу, рядом старое ведро и видавший виды холодильник. Я опустился на стул возле очага, в котором еще теплился огонь. Хозяйка молча промыла порез водой с мылом и накрыла чистой белой тряпицей: на ней тут же выступило алое пятно. Когда Мунда взялась за йод, голова у меня закружилась, я отвернулся и стал смотреть, как в золе догорает полено. Наконец она перевязала руку, и рана скрылась под белоснежным бинтом.

— Ты обедал?

Да нет, не успел: вон какая незадача приключилась, так что отбивные и банка фасоли остались дожидаться меня на кухне.

Хозяйка поставила на угли кастрюлю и принялась накрывать на стол, за которым я расположился, устроив поудобнее больную руку. Теперь Мунда казалась мне совсем другой, не такой, как всегда. Я наблюдал, как она, повернувшись спиной, нагибается, чтобы раздуть жар в очаге, как поднимает закопченную кастрюлю и подает мне тарелку, полную тушеного мяса с картошкой. Пока я сидел в нерешительности, она нарезала хлеб и подвинула ко мне поррон[1] с красным вином.

1. Стеклянный сосуд с двумя горлышками — одно широкое посередине, второе, сужающееся к концу, отходит вбок под углом 45°. Сосуд берется за широкое горлышко, узкое обращено к себе, на вытянутой руке наклоняется. Струя вина, описав плавную траекторию, попадает в рот. (*Прим. перев.*)

В о́круге нас всего-то осталось человек шестьсот, все живут своими домами. С тех пор как умер отец, я числюсь среди бессемейных. А Мунда с Марио уже лет десять как женаты, детей у них нет, но Мунда особо не рвется в компанию хозяюшек, которые ходят друг к другу в гости, сообща варят варенье, пекут бисквиты к Пасхе, чаевничают и обедают вместе. Жену Марио всегда считали нелюдимой. Ни родных, ни друзей у этой пары не водилось.

У меня-то, слава Богу, хватило ума не жениться. Принадлежать телом и душой одной единственной женщине — это же просто смех. Но тут я даже порадовался за Марио: всегда чисто одет, ухожен, вкусно накормлен. Вдруг пришло в голову, что и спится, наверное, рядом с такой женушкой сладко. Мне-то за женской лаской приходится не близко ездить. Любиться с иностранкой, которая лопочет по-своему, а потом еще чуть свет без сил домой возвращаться. Когда Марио собрался жениться на Мунде, я над ним потешался: нашел жену старше себя, да еще из бедной семьи. Однако мой приятель, молчаливый и смирный, пропускал мимо ушей шуточки завсегдатаев бара, сам туда редко наведывался, в карты не играл, в гулянках и кутежах холостяков никогда не участвовал. И теперь я глаз не мог оторвать от женщины, которая меня подлечила и накормила. Такой она мне вдруг показалась искусной, доброй, чистой и статной. А Мунда все молчала.

Ливень припустил с новой силой, и Мунда поставила на стол две чашки кофе. Марио уехал в город, может, хоть там такого дождя нет. Наконец-то она заговорила. После славного обеда, съеденного с большим аппетитом, начало отступать наваждение, которое, было, нашло на меня, пока хозяйка хлопотала, повернувшись ко мне спиной.

— Не угодно ли выпить рюмочку? — спросила она.

— Нет, большое спасибо. Как мне отблагодарить тебя, Мунда?

Она посмотрела на меня, и ее серьезное лицо смягчилось.

— Ну что ты, мы же соседи.

Мунда подошла, приподняла мою больную руку: на белом бинте выступило маленькое красное пятнышко.

— Ничего, потихоньку заживет.

Она стояла совсем близко, и мне подумалось: в молодости, наверное, была кожа да кости, не то что теперь. И здоровая рука как-то сама собой потянулась, обняла ее за талию, спустилась ниже. Опять что-то нашло — сейчас как оттолкнет, а то и затрещину влепит. Но нет, тело Мунды вдруг обмякло, стало податливым. И пока за окном сплошной стеной лил дождь и гремел гром, мы любились, не произнося ни слова.

Выйдя на улицу, я укрылся под навесом заброшенного сарая — с неба все еще сыпала морось — и жадно закурил. Никогда еще сигарета не доставляла мне такого удовольствия, словно жизнь вдруг заиграла новыми красками.

Несколько дней я украдкой следил за домом. Марио выходил редко. У меня все внутри переворачивалось при мысли об их долгих ночах, о неспешных часах сиесты. Сосед появлялся во дворе, задавал корм скотине, потом возвращался. Они вместе ездили на машине за покупками. Ужинали. А я торчал в забегаловке неподалеку и с сосредоточенной яростью то и дело смотрел на часы.

С тех пор как я рубанул себя по левой руке, прошло три томительных дня и три нескончаемых ночи. Наконец я не выдержал: набрал в ведро виноградных улиток и отправился к Марио. Он вышел на порог, улыбнулся.

— Манел, какими судьбами?

Да вот, говорю, твоя супруга так отлично готовит улиток, а мне самому лень. Марио позвал жену, она спустилась по лестнице и, не обращая внимания на расползающихся моллюсков, тут же взялась за мою больную руку. Сняла посеревший бинт и осмотрела рану.

— Здорово ты порезался, — сказал Марио.

В присутствии мужа я чувствовал себя напряженно, точно зверь, посаженный в клетку.

— Лучше больше не бинтовать, — посоветовала Мунда. — Так скорей подсохнет. Потом пристально поглядела мне прямо в глаза и добавила, что порез надо промывать и следить, чтобы снова не открылся. Марио ничуть не удивился, ни о чем не спросил. Кажется, он знал, что я обращался за помощью.

— Ну что, Мунда, дней через десять приготовь их, позовем Манела.

На мужа я бросил быстрый взгляд, а на нее посмотрел пристально, мол, у нас свои секреты. Вместо ответа Мунда заботливо поправила мужу воротник рубашки, торчащий из-под вязаного свитера — точно хлыстом меня огрела.

Десять дней казались мне вечностью. Надо как-то ухитриться и застать ее дома одну, войти, чтобы никто не заметил. Я усилил наблюдение.

Через два дня Марио сел рано утром в машину и куда-то поехал. Я помчался к их дому, постучал в закрытую дверь. Конечно, в любую минуту может вернуться муж, но ждать больше сил нет. Мунда вышла на порог нечесаная, в домашнем хала-

те, застегнутом на одну пуговицу. В ответ на ее удивленный взгляд я поднял порезанную руку. Женщина впустила меня в дом, и не успела закрыться дверь, как я прижал ее к стене и овладел ею молча, почти грубо. Мунда, как и в первый раз, не проронила ни слова. Я спросил, скоро ли вернется Марио, но ответа не получил. Дождался, когда улица опустеет, когда голоса снаружи стихнут, и вышел за порог. Вернулся домой и вдруг заметил, что в кухне шаром покати: и на завтрак-то ничего нет. Я убрал со стола грязные тарелки, сел и опустил голову на руки. Нет, нет, этого мало! Запах кофе, который Марио перед отъездом пил из белой кружки, неотступно преследовал меня.

Тогда я отправился в сад, набрал корзину зелени и снова поспешил к дому соседа. Дверь по-прежнему была закрыта. Я оставил корзину на крыльце. Потом вернулся домой, перемыл всю посуду, до блеска надраил раковину и после обеда возобновил наблюдение. Машины Марио все не было, а корзинка стояла нетронутая на прежнем месте. День выдался тихий, на небе ни облачка, солнце слепило, горы голубели вдали. А вдруг Марио найдет мое подношение? Начнутся расспросы. Нет, рисковать нельзя. Когда стемнело и в окнах зажегся свет, я забрал корзинку. После уборки кухня сияла чистотой, но жизнь моя впервые за много лет вдруг показалась мне совершенно неустроенной.

Я стал похож на назойливую муху, которая вьется вокруг лампочки в уютной кухне Марио. Знал, что сосед делает каждый час, каждую минуту. Когда он уходил, я придумывал всевозможные предлоги, чтобы пробраться к нему в дом и урвать свой кусочек счастья. Звал Мунду уехать, спрашивал, счастлива ли она с мужем, но ни разу не получил ответа. И вот однажды, когда я особенно разошелся — мол, ты что, глухая совсем, я ведь уже и квартирку в городе присмотрел, — женщина вдруг вытолкала меня вон и недели три не пускала на порог. Ох, не сойти бы с ума!

День и ночь я все думал о Марио и, встречая соседа в кафе, с трудом мог выдавить из себя самые обычные вопросы: куда собрался ехать, какую скотину продаешь? А он вел себя дружелюбно, как и раньше, до всей этой истории. Такой молчаливый, вежливый. Однажды сказал, что спрашивал жену про улиток, а она ответила, мол, их еще надо подержать. Нет, Марио совершенно не изменился. Я же был точно в лихорадке. Не ел, не спал, забросил дела. Перестал совершать свои обычные вылазки, ходил сам не свой. А Мунда с мужем жили, как ни в чем не бывало. Сосед, разумеется, понятия не имел о моих визитах, но беда в том, что такая добыча не насыщала

меня. Каждый раз, едва выйдя за дверь соседского дома, я чувствовал себя совершенно несчастным и мог думать только об одном: как бы скорее вернуться.

Ясные дни закончились, приползли туманы. Однажды я возвращался с дальнего выгона, вел на поводу кобылу. Видно было плохо, не дальше пары шагов. В голове, как всегда, крутились неотвязные мысли. Вдруг лошадь беспокойно зафыркала, стала прядать ушами. Метрах в тридцати от меня послышались шаги. Кто же это? Из густого тумана показался человек, который шел выпрямившись, ровным шагом, точно заводная кукла. На плече он нес топор острым лезвием вверх. Если бы кобыла не дергала за повод, я бы подумал, что сплю. Уж не Марио ли это? Надо бы его окликнуть, удостовериться, но слова застряли в горле. Да и сосед, видно, не заметил меня, прошагал себе мимо, точно лунатик.

Не разбирая дороги, кинулся я сквозь туман назад, в деревню. Добежал весь в поту и скорее к дому Мунды. Нужно упросить ее, потребовать! Так больше нельзя. Погода ненастная, на улицах ни души, а хоть бы и увидел кто, плевать. Я все ей скажу, все объясню.

Ну вот, наконец, и дом Марио. Но под навесом заброшенного сарая какой-то мужчина жадно курил сигарету, совсем как я тогда, в первый раз. На его лице блуждала знакомая мне блаженная улыбка.

[199
ИЛ 11/20

Жасинт Вердаге

"Я, Господи, у ног Твоих..."

Перевод и вступление Ксении Дьяконовой

После долгих лет упадка в первой трети XIX века в Каталонии возникает La Renaixença (Возрождение) — мощное культурно-патриотическое движение, направленное на продвижение, поддержку и обновление каталанского языка и литературы. В 1833-м в газете "Эль Вапор" публикуется "Ода Отечеству" Бонавентуры Карласа Арибау, и эти стихи становятся символом Каталонского Возрождения. Появляются каталонские журналы; создается новая художественная литература на современном каталанском языке, стремительно освобождающемся от влияния испанской традиции; многие учреждения, как, например, Барселонский университет и Барселонская литературная академия, поддерживают проекты, выдвинутые деятелями Каталонского Возрождения; и, наконец, восстанавливается традиционный поэтический конкурс под названием "Цветочные игры". Именно благодаря этому конкурсу стал широко известен читателям один из лучших поэтов того времени Жасинт Вердаге.

Вердаге родился в 1845 году в Фольгеролосе, учился в духовной семинарии города Вика и по окончании ее стал священником. В 1877 году он одержал победу на "Цветочных играх". Его эпическая поэма "Атлантида", компенсировавшая недостаток эпоса в каталонской литературе, была го-

© Ксения Дьяконова. Перевод, вступление, 2010

рячо принята публикой, и вскоре после этого он написал еще одну поэму в том же патриотическом жанре, "Каниго". В 80-е годы Вердаге, охваченный глубоким религиозным чувством, опубликовал несколько сборников религиозно-мистической поэзии: "Идилии и мистические песнопения", "Милосердие", "Голос Пастыря" и "Розы на весь год". Его слава и популярность росли и казались незыблемыми до того момента, как в начале 90-х годов Вердаге вступил в конфликт с официальной церковью и был лишен сана. Вердаге, подвергшийся клевете и гонениям со стороны духовенства, ощущал себя мучеником, и этот тяжелый личный опыт отразился в его последних поэтических сборниках "Святой Франциск" и "Цветы с Голгофы", а также в сборнике статей "В защиту самого себя". Хотя в конце концов поэт выиграл дело и получил разрешение вернуться в Церковь, нервное истощение и усталость привели его к смерти в 1902 году в Вальвидрере.

Что же делает Вердаге ключевой фигурой Каталонского Возрождения и одним из главных каталонских поэтов? Во-первых, современность, живость и естественность его языка. В этом смысле новаторство Вердаге можно сравнить едва ли не с пушкинским. Он впервые заговорил с читателем теми простыми словами, которые используются в повседневной речи и выражают самым непосредственным образом человеческие мысли и чувства. Во-вторых, мастерское использование каталонского фольклора и разных форм народного творчества, а также безграничное сочувствие простому народу: вот почему Вердаге с первых книг стал понятен и близок не только интеллектуальной элите, но и широкой публике. И, наконец, та искренность, доброта и безыскусная, детская вера, которыми полны его стихи. Эти качества наряду со смирением и стойкостью и в сочетании с техническим совершенством и мелодичной интонацией стиха, ярче всего проступают в "Цветах с Голгофы". Именно поэтому в данной подборке представлены стихи из этой книги.

Бедность

Она царица всего.

Святой Франциск

Я все утратил: имя и богатство,
и славу с ее горестной ценой.
Но с бедностью меня связало братство,
а гордость насмеялась надо мной.
Все радости пожертвовал я вере
навек, во имя радости иной,
но странно — я не чувствую потери,
и только крылья бьются за спиной.

Ото всего решил я отказаться,
и стало легче бремя бытия;
но, если с чем-то жалко расставаться,
Господь мне говорит: "А как же я?"

Клеветникам

> Я прекрасно знаю, что ты меня ненавидишь; но я так спокоен, что, если бы ты вырвал мне один глаз, я бы посмотрел на тебя другим благосклонно.
>
> Святой Франциск Сальский

Возлюбленные недруги, я вам
пишу не из злопамятства и мести:
вы стали зеркалом моей вины,
вы сделались опорой моей чести;
так вырвете же с корнем сорняки,
растущие в моем духовном поле:
я вместе с вами разожгу огонь,
чтоб их поджечь без жалости и боли.
А если здесь и вырастут цветы,
я бережно отдам их вашей воле.
Вы сделали так много для меня,
что больше ничего уже не надо.
Я на коленях вас благодарю,
и пусть Господь присудит вам награду.

Sum vermis[1]

Non vivificatur, nisi prius moriatur.
1 Cor. 15:36[2].

E carcere ad oethere[3].
Dant vincula pennas[4].

Я, Господи, у ног Твоих: смотри,
я нищ, и болен, и всего лишен,

1. Я червь (*лат.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Не оживет, если не умрет. 1 Кор. 15:36 (*лат.*).
3. Из темницы к небу (*лат.*).
4. Цепи дают свободу (*лат.*).

и в собственном ничтожестве потерян.
Убогий червь безжалостной земли,
еще влачусь я медленно во прахе:
моею колыбелью пыль была,
и станет та же пыль моей могилой.
Я мог бы все отдать Тебе, но Ты
велишь мне быть беспомощным и жалким,
и славу, и признанье отобрав.

Я стану для Тебя сухим листом,
который носит ветер, или каплей
воды, внезапно высушенной солнцем,
иль пугалом, посмешищем для всех,
кем только Ты захочешь. Я ничтожен,
но и на дне ничтожества я Твой.
Распоряжайся мною как угодно:
как дерево бесплодное, возьми
и вырви с корнем из земли глубокой.
Сотри меня, забудь и уничтожь.

А вы, мученья крестные, придите
скорей, вы — моя радость и богатство;
украсьте мои руки и лицо
вы, лавры, собранные на Голгофе.
Сейчас еще вы раните меня,
но завтра я утешусь вашей тенью.
Игла страданья, сердце мне пронзи,
укрой меня от ветра, оскорбленье,
веди меня в трясину, клевета,
и стань моею спутницею, бедность.

Я под ногой прохожего хочу
стать пылью на проселочной дороге.
Хочу, чтоб как объедки после пира
выбрасывают ночью из дворца,
меня из жизни выбросили тоже.
Сотрите в вышине мои следы:
я больше никому не помешаю,
из горечи, позора, нищеты
составив счастье, гордость и богатство.

Теперь я буду собирать наветы
и каверзные слухи словно жемчуг
для моего небесного венца.
Пускай умрет беспомощное тело:

я так устал от тяжести его!
Пускай оно теперь, вблизи могилы,
вернется в прах: sum vermis et non homo.
Не гусеница я, среди листвы
прядущая себе тончайший саван:
я тку его из горя и тоски,
но даже и во тьме моей могилы,
из смерти возвращаясь в жизнь, как Ты,
я бабочкою стану, чтобы вместе
с Тобою улететь на небеса.

В *форме креста*

Все то, что есть вокруг и рядом,
все — очертания креста:
и птицы, реющие в небе,
и черной мачты высота;
густые ветви сосен; встреча
тропы с еще одной тропой;
гребец, склоняющийся к веслам,
и проповедник над толпой;
ребенок, к матери бегущий,
и тот, кто молится, сквозь страх
и горе воздевая руки,
подобно птице в небесах.

Жузеп Карне

"Острова одиночеств"

Перевод и вступление Марии Игнатьевой

Маленькая Каталония (северо-восточный угол иберийского треугольника) лежит на перекрестке дорог — и морских (побережье Средиземного моря), и горных (через каталонские Пиренеи переваливается Европа и легко потом катит в Африку). Здесь живут любознательные, подвижные, смешливые и работящие люди, они дорожат своим языком и национальной идентичностью и при этом — опыт бесконечных вторжений и наплывов гостей, вплоть до сегодняшнего дня! — умеют оценить достоинства чужеземцев. А пожелай кто-нибудь найти идеального каталонца, то на эту роль с полным правом может претендовать Жузеп Карне (1884—1970), автор замечательной лирики, драмы, рассказов, эссеистики, переводов и шедевра эпической поэзии "Нави".

Карне всю жизнь служил каталонской словесности, что не мешало ему писать и по-испански. Он обожал свою страну, но больше половины жизни провел за границей, где и умер (в Бельгии). Подобно Тютчеву, он состоял на дипломатической службе и, как и Тютчев, был дважды женат, и каждый раз на иностранках: после смерти первой жены, чилийки Кармен де Оссы, он женился на бельгийке Эмили Нуле. Сравнения можно продолжить (оба поэта религиозны, оба черпают вдохновение в природе, стихи обоих полны любви к родной стране и звучат в меланхолической тональности), но это мало что прояснит для читателя. Творчество Карне настолько своеобразно, что любые параллели условны. Им написано полтора десятка книг (среди прочих "Картинки и веера", "Бесполезная жертва", "Спокойное сердце", "Луа и фонарь") и более тысячи стихотворений. В литературу он ворвался стреми-

© Hereus de Josep Carner
© Мария Игнатьева. Перевод, вступление, 2010

тельно: в двенадцать лет начинает сотрудничать с различными изданиями, в пятнадцать получает первую из своих многочисленных литературных премий. В восемнадцать Карне заканчивает юридический факультет, а в двадцать — факультет философии и литературы, в двадцать семь поступает на службу в филологический отдел Института каталонских исследований.

Находясь на пике писательской славы, но, видимо, испытывая материальные затруднения, "принц поэтов" (этим титулом и до сих пор принято обозначать место Карне в каталонской поэзии) принимает решение поступить на дипломатическую службу. Он с блеском проходит конкурс, и с 1921-го по 1938 год работает консулом — в Женеве, Коста-Рике, Гавре, Гааге, Мадриде, Бейруте, Брюсселе и Париже. Приход к власти Франко вынуждает Карне эмигрировать в Мексику. Отныне он посвящает себя преподаванию. Вторая половина жизни Карне, несмотря на то что он продолжает много писать и его кандидатура выдвигается в 1962 году на Нобелевскую премию, проходит в относительной литературной безвестности: на родине его чтят как некий памятник, но не воспринимают как часть текущего литературного процесса. Характерно, что, когда возвращение в Каталонию стало возможным, Карне приезжает на родину совсем ненадолго, перед самой смертью. Окончательное возвращение, о котором он мечтал, по различным причинам так и не состоялось.

Только после смерти Карне были всерьез оценены его стихи — их простота и изящество, спокойствие и трезвость их тона. На русском языке несколько стихотворений Карне было опубликовано в антологиях "Огонь и розы" ("Прогресс", 1981, переводы П. Грушко) и "Из каталонской поэзии" ("Художественная литература", 1984, переводы Д. Шнеерсона). Составляя предлагаемую читателю подборку, я руководствовалась исключительно собственным вкусом, так что мой выбор в большой степени случаен. Выражаю сердечную благодарность Михаилу Яснову за деятельную дружескую помощь в работе над переводами. Спасибо и Андрею Чернову за внимательное прочтение и ценные замечания.

Песенка о боа

Уже прохладней стали дни,
а я и не жалею.
Кольцо из меха вьется и
укутывает шею.
Игре пушистой чешуи
завидую и млею.
Под взглядом чудища, одни
мы с дамою моею.
Уже прохладней стали дни,
а я и не жалею.

К *жабе*

О жаба, вечная мишень для брани и пинка.
С брезгливостью к себе ты притворяешь веко.
Луч солнца — поцелуй любви для человека,
а для тебя — укол разящего клинка.

Но нежно ночь накладывает тушь,
в охапку снов беря лесную глушь —
издевка сострадательного черта! —
улыбка и надежда жалких душ;
преображается вся мерзкая когорта.

При свете дня ты ужас вызываешь;
но здесь, прикрыв глаза, полночный менестрель,
прекрасна ты, покуда разливаешь
уверенную трель.

И веет от тебя участливым теплом.
Когда поет душа, что́ мир ей равнодушный?
Ты, как трава, мягка, ты дождику послушна,
Ты — как подсолнух — к солнышку лицом.

Т*яжесть в сумраке ночном*

Тяжесть в сумраке ночном,
мир удушливей загона,
и деревья неуклонно
наступают всем гуртом.

Бесполезным медяком
катится луна со склона.
Небо тихо. Похоронно
смешан холод с забытьем.

Полоумный мир унылый
входит в спящего тайком.
Все мы смотрим сон постылый —

тяжесть в сумраке ночном;
дух у жизни под замком,
проживаемой вполсилы.

* * *

Так поздно, что не до прогулок, —
кивают мне из темноты
знакомого старого сада
и листья, и дни, и цветы.

Как будто потерянный путник,
я робко ступаю во тьме,
и призраки скорбной сирени
вздыхают, себе на уме.

О ночь — острова одиночеств.
И звон колокольный вдали
волной омывает единой
живущих и тех, что ушли.

На оклик оборванной мысли
спешу я к огню камелька,
к потертому старому креслу
и жалобе черновика.

Коль еще суждено...

Проживу, коль еще суждено,
отголосок далекого пенья.

Проживу, как затворник, вдали
от болота и от озлобленья.

Проживу безучастным судьей,
молча слушая ярые пренья,

точно вросшая в землю стена,
точно камень в своем углубленье.

Бельгия

Когда мне суждены чужие земли,
хотел бы я состариться в стране,
где серый свет просеян в желтизне,
где в зелени лугов росинки дремлют
и клены с вязами стволы подъемлют;

жить тихим незаметным существом
средь дружного народа — и не боле,
где сердце рядом с сердцем — с домом дом,
где улицы впадают прямо в поле.
Удержит там дрожащая вода
в каналах необузданное небо,
в ней на себя любуется звезда.

Состариться бы в городе, где вроде
совсем не страшный стражник на посту,
там рад любой и трепету мелодий,
и деревцу японскому в цвету,
где незачем жалеть детей и нищих,
где в интерьере — с трубкой искони
гостеприимство, и беседа, и
пурпурные цветы весь год в жилищах,
и в снежные — подумать только! — дни.
Порой у церкви пестрыми рядами
разбит базар, и там царит успех,
лотки с дарами моря и с плодами
земли и всякой всячиной для всех.

А я б себе прогуливался, глядя
на все зевакой праздным, или ради
любимой меланхолии моей.
Лужайки перед новыми домами,
гнездовья старых парковых теней...
Там повстречаешь умниц самых разных;
там сотня выдающихся зонтов —
увы, не лишних — освящает праздник
открытья памятников и садов.
И неожиданно, в конце проспектов длинных,
там рощи буковые с пятнами озер —
для одиночества, любви и нежных ссор.

От многого вдали, среди сограждан
я мог бы стать любым из них и каждым,
не в тягость никому, я жил бы честь по чести.
А если в старый сад пришли бы вы однажды,
вы убедились бы, что я на прежнем месте,
как тот фонтан в прохладной тишине,
в нем золотые рыбки хороводят.
И дети так бы вам сказали обо мне:
— А, это господин, что каждый день приходит.

Пере Жимферре

Из ранних книг

Перевод и вступление Бориса Дубина

Пере Жимферре (а по-испански — ведь он начинал и прославился именно испаноязычными стихами — Пере Химферрер или даже Педро Химферрер) ворвался в поэзию семнадцатилетним и тут же стал знаменем поколения, вскоре получив Национальную поэтическую премию за книгу, озаглавленную цитатой из Гонгоры "Пылает море" (1966), и еще через несколько лет войдя в прогремевшую тогда антологию "Девять новейших испанских поэтов" (Барселона, 1970). Однако к этому году известный лирик в полном расцвете сил и на гребне успеха, мучительно переживая любовный разрыв, уже оставил испанский язык и затем три с половиной десятка лет публиковал стихи да и почти всю прозу только на каталанском (к испанским стихам, как и к прежней любви, он вернулся в 2006-м, опубликовав объемистый — 150 вещей — поэтический сборник "Любовь без опоры" и книгу стихотворений в прозе "Синяя интерлюдия"). Замечу, что двуязычный поэт — фигура как будто бы исключительная, но вовсе не такая уж редкая в XX веке, больше того, по-своему характерная для него. Есть такие и в Испании (скажем, Хосе Анхель Валенте или Альваро Кункейро).

Составитель антологии "Девять новейших испанских поэтов", влиятельный критик Хосе Мария Кастельет имел в виду авторов не просто молодых (старшим из них уже было по тридцать, хотя большинству — около двадцати пяти, а сам составитель принадлежал к поколению их "отцов"), но и несущих испанской лирике творческое обновление. В испанских литературных

© Visor, Madrid, 1988
© Edicions 62, S. A. Barcelona, 1981
© Борис Дубин. Перевод, вступление 2010

вкусах 60-х годов произошел заметный сдвиг после ангажированной, социально-критической поэзии 50-х, "новейшие" понимали новизну, среди прочего, как наново и сознательно выстроенную линию преемства. Для самого Жимферре в такую личную традицию входили Гонгора и Рубен Дарио, Лотреамон и Бодлер, Рембо и французские сюрреалисты, Висенте Алейксандре и Октавио Пас (с обоими он дружил и переписывался), Томас Стернс Элиот и Уоллес Стивенс. Иными словами, Жимферре наследовал барокко и модернизм, причем в большой мере привнесенными в Испанию из-за рубежа.

На перекрестке таких воздействий сложился основной "жанр" тогдашней лирики Жимферре — стихотворение-видение, нередко сновидение, причем зачастую стирающее и без того зыбкую для поэта и его соратников грань между реальностью и культурой, как бы зависшее и колеблющееся на переходе от одной к другой (читая его испанские и каталанские книги ранних лет, я вспоминал запись Блока в дневнике 1920 года о Мандельштаме: "Его стихи возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в областях искусства..."). Поэзия для Жимферре, как написал в одном из стихотворений он сам, — "это система зеркал". Не случайна и не сводится только лишь к биографическому эпизоду времен юности его "Ода в честь Венеции", вероятно, самого придуманного и хрупкого из городов Европы, как характерно и то, что сами "новейшие" предпочитали называть себя "венецианцами". Опять-таки не случайна страсть Жимферре к кино и прежде всего к волшебной фантастике и любовно преображенному ею старинному быту в фильмах японца Кендзо Мидзогути.

Уже в бегло перечисленных выше ориентирах, кажется, проступает внутренняя, собственно поэтическая драма, которой, как у всякого глубокого лирика, живут стихи Пере Жимферре. Это конфликт между тягой к интимности, непосредственности, спонтанному выплеску и волей к рефлексии, дистанции, объективности. Можно сказать, конфликт между Алейксандре, Пасом, с одной стороны, и Элиотом, Стивенсом — с другой. Я бы и здесь не стал сводить дело к биографическим разрывам и сближениям, но вместе с тем подчеркнул бы предельно важное для поэзии и поэтики Жимферре, едва ли не метафизическое значение любви. Для него (как, кстати, для Паса и Алейксандре) любовь — не тема стихов, но сама материя творчества и состояние мира для творческого воображения поэта. Сошлюсь на признание автора в интервью 2006 года: "Роль поэтического слова отличается от повседневного обмена словами. Это своего рода самостоятельный организм, который создает параллельный мир, форму знания, которая не существует вне стихов. То же самое происходит в живописи. Или в любви, которая тоже создает реальность, до нее не существовавшую".

В настоящую подборку включены стихи, знакомящие читателей с началом поэтического пути Пере Жимферре и дающие представление о значимом для него переломе — переходе с испанского языка на каталанский. Хочу надеяться, что когда-нибудь по-русски появятся и более поздние вещи автора, написанные им на обоих языках, включая эссеистику и другую прозу.

Ода в честь Венеции перед декорацией моря

...фальшивый хрусталь, отраву и
черепа театров[1].

Федерико Гарсиа Лорка

У моря — своя механика, у любви — свои символы.
В спешке взвивается алый занавес,
и раскрытое устье этой безлюдной сцены
наполняется шепотом статуй,
листьев ириса, ятаганов,
вспархивающих и мягко садящихся голубей.
Диспозиция шарфов на шахматных клетках площади.
Зелень у меня на щеке напоминает о прошлом,
и капля свинца пробивает сердце насквозь.
Поднял руку к груди — и часы подтверждают
тот же ход облаков, тот же застывший парус.
Все выше прилив, эквилибристки-розы
над гальванической аркой венецианской ночи
в тот далекий год моей юности,
мрамор Таможни, которую видел Паунд,
и тяжелый гроб, плывущий по узким каналам.
Иди еще дальше, глубже, в самую ночь
по гобелену дожа, где переплетаются тени
стертых временем принцев и нереид.
Как чиста нагота! Как он чист, тот умерший юноша,
в полутьме непомерных залов воспоминанья.
Он там был? Как поверить, что это был я
и тогдашняя боль мне разрывала кожу?
Как все было хрупко тогда, но почему?
И что здесь реально —
хлопья, с которыми вам никак не расстаться
в заснеженном парке,
тот, кто в лицо любви вглядывается сегодня,
или тот, кто тогда в Венеции умер от красоты?
Живые камни —
рассказ о немеркнущих воспоминаньях.
Как рудная жила ведет неуступчивый кровоток

1. "Город в бессоннице (Ноктюрн Бруклинского моста)". Перевод А. Гелескула.

вперед, назад и опять выныривая на поверхность,
так жизнь молчаливо сучит свою пряжу,
и прошлое снова передо мной в этот неверный миг.
Сколько я написал и сколько писал тогда!
Не понимаю,
нужно ли это теперь, нужно ли было прежде.
Только ты,
больше меня уверенный, что я жив, да вы,
кому в моих строчках
слышатся иные миры,
могли бы это прочесть или оценить.
Так ответь мне, ответьте и ласково обманите
мою сегодняшнюю печаль. Ночь,
эта ночь в Венеции —
почти что пять лет назад, и до чего это много! Тот ли
я, каким был тогда, тугой как струна и раненный
чистой красотой тех далеких лет, словно скрипка,
которая разрывается
между двух мелодий в летнюю ночь,
когда мир не в силах вынести собственное желанье
стать самой красотой.
Я плакал, облокотясь на балкон,
как в скверных романтических виршах, а музыка
все плыла и плыла голубыми камфарными клубами.
Кто-то греб вдоль спален,
под сырыми гранитными плитами, —
архангел, плакучая ива, лебедь или огненный конь,
нездешними силами посланный мне во сне.
Я готов заплакать и плакать, и плакать.
Как можно быть такой красотой и печалью разом?
Вода, холодный багрец, дьявольская прозрачность
оставили у меня на коже татуировку света.
Студеная ночь, раскаленная ночь, моя далекая ночь,
живая, словно сегодня! До чего же больно и сладко
чувствовать за собой Венецию,
город, где каждый из нас
был, себе в наказанье, юным,
и гнаться теперь за собой по безлюдным залам
конным ночным дозором,
который истаивает в зеркалах,
унося отраженья, а вместе с ними и явь этих строчек.

Перевод с испанского

Преображение

Зверь умирает на границе привычных мест,
и в этот миг прозревает: как будто снег —
затаенная в елях тишь —
вместе со зверем вслушивается
в смысл деревьев. Зверь словно целый мир,
и его привычки — отраженье природной среды
как бы сквозь стекло, то мутное, то прозрачное,
то непроницаемо
плотное, заледеневшее или надраенное.
Но всё вокруг — его тело
резкий запах, когда он дышит, молчанье,
которое мы чувствуем под рукой,
напряженная дрожь
о которой не говорится, таинства шкуры,
которые не передаются прочим, пар, тепло.
Наверное, зверь принимает смысл жизни,
как этот свет в лесах, исходящих —
а зверь на границе уже испускает дух —
зимним инеем.
Глаза в поволоке едва различают
отдаленную, размытую зелень,
как если бы нам в лицо бросили горстку снега,
и зверю приятно чувствовать этот холод —
так он сквозь сон отвечает
на легкое прикосновенье, одним подрагиваньем,
а мы поглаживаем ему спину, и зверь шевелится,
и кто бы сказал,
что эта теплая масса принадлежит нам
как будто физический мир принадлежит нам.
Когда зверь умирает
у него нет мысли о перемене:
он по-прежнему в мире и остается там. Ему никогда
не почуять чужим этот морозный воздух зимы
и зыбкие снежные хлопья на штриховке елей.
Для него это возвращенье в свои места,
только размытые, к тому
что сжимает сердце, к ностальгии по северному ветру,
ко всему прежнему
к треску сороки в опустевших лесах,
к тишине, старым ружьям охотников,
туманам над топью, осенним ливням,
сухим револьверным щелчкам
между лесом и сеновалом
ножницам, разом всаженным в грудь.

Никогда человеку не подумать о смерти так, как она
видится глазами зверя. Для нас это синяя темнота,
волчьи глаза, вода и всплывающая, как дымка,
дрожащая земляника в ладонях. Это успокоение
того, кто вот-вот умрет,
но и его предсмертная судорога,
когда он, как зверь, ищет тело другого,
когда два тела спеклись в одно,
как прошлое в одном котле,
словно бронзовый колокол или горящий дубняк
с ропотом погребенных и полосатыми робами,
с билом, всю ночь скликающим сов,
и серпом над снопами колосьев и сухой соломой.
Два тела жмутся друг к другу,
чтобы уснуть, и дышат дыханьем другого.
Ближе придвиньтесь, ближе —
зима
вот-вот разорвет все связи между живыми,
без успокоения и надежды, без
отчаяния, без любви и боли, за пределами
памяти и усталости: только
эти два тела, умирающие в сумрачном сплаве
металла и снега, — и златотканый саван.

Апрельская ночь

Как мозг на все еще светлом фоне,
с небесной яркостью
горящего в высоте зодиака: голубой, подбористый,
пустынный купол, прозрачная форма
в укрытии формы. И снова, в который раз,
я ищу эту улицу. А ее нет и не было,
но теперь она существует и левитирует,
выдуманная этим мозгом. Огненная осада,
бой видимого с невидимым: пламя
и уничтожение. Силуэты, застывший,
кристаллизовавшийся камень. Эта ночь,
мука для глаз, мука,
которую слово может лишь обозначить,
но бессильно выразить целиком, словно отблеск
жемчужины в темноте. И сегодня пальцы
пылают с яркостью слов. Что это — солнце?
Ночное лучезарное тело, рассыпая осколки, катит,
оставляя небо внизу, кожу внизу. Руки не в силах
сдержать паденье. Пожар

и победоносность. Улицы поутру
политы, и абсолютное молчанье клаксонов
в мокрых окрестностях открывает взгляду владенья,
где кожа отзывается коже, и узел тел
сплетают и расплетают. Факелы Ориона
смотрят на сплетение пар. Звездная
сцена с темной глубью кулис
над пронзительным блеском. Стоит произнести
слово, и слово оборачивается осязаньем, солнце,
которое у меня руках, становится словом,
осязающим словом. А звезды, осязаемые,
нетронутые, — колесницей, скользящей
в смутном стекле, отражаясь
в твоих сокровищах, сиянье спины и бедер,
застывшим огненным шаром: невидимая сторона
скрывает темные грозы венерина холмика. Блещут
двойные потемки, когда в небесах
движутся барки и весла, и вот я слышу,
как шумит прибой, как плещут грудь и живот,
повторенные ночью. Космическая обитель —
это обитель тела, и белизна не спутает
высокие облака и зеленую пену:
все отдается, все переходит по кругу. Надеясь
заслужить имена, содрогаются порожденья
тьмы, очертанья клещей
из двух переплетшихся тел, коврик неба, кружащий
гороскоп. Что я чувствую? Все сегодня двоится:
слова, существа, потемки.
Но послушай: издалека, со стороны кафе
и ночных фонарей, где уже ни звука,
неожиданным негативом магниевой вспышки
появляюсь я, проступает мое лицо,
и это лицо сегодня
снова мое, как будто в изложнице снова
отлили мои глаза, губы и все остальное
в жарком слиянии с кем-то другим, чей силуэт
обвели угольком, — кем-то, кого я не знаю,
но в чьих владеньях
холод, который дает мне стержень и форму.
Я чувствую, это враг,
многоликий, высокомерный, глаз или скорпион,
у него имя зверя и древняя власть над нами.
Это его возвещает любовь? Когда зубы и ногти
очерчивают голубую границу кожи,
когда руки и ноги цепляются друг за друга,
тогда из самых

глубин вдруг приходит уверенность?
И вот, изогнувшись,
влюбленные падают в бездну,
как огнеупорные формы,
больше ненужные ночи, обжигающей мир.

Империя ночи

Хочешь еще?
Нет. хватит. Вода уже разделилась
надвое, лопнула застежка огня.
Недостижимый жемчуг, резная
белизна спины. эта зарница
снега на животе, на твоем теплеющем теле,
золотóм, словно осень, когда оживают костры,
теле, уже навсегда моем этой ночью двух тел
при свете воспоминанья, стократ
живом, потому что глаза снова и снова
воссоздают этот свет из бронзы и меди,
эту живую оправу твоего алмазного тела.
Штихель огня и снега. Это вода,
ее прозрачная ясность? Душа растворяется,
словно в колодце шахты. Мужчины знают
эти ловушки света, ловушки тела. Музыка —
та же ясность, но она ведь лишает не зренья,
а разума, только кто это знает?
Быть может, стремнина
и нырок в нее с головой. Первые такты звучат
чем-то зыбким, тайным, замершим в ожиданье,
потаенным, словно осенний лист,
но в этой тайне — погибель. Так кто это знает? Кожа
влюбленных, сама заря? Может быть, листья,
зеленые на свету? Заря, оживляющая деревья?
Потому что стоит закрыть глаза,
и передо мной равнина
животворной воды, поле уничтоженья,
созревшие лозы, чье золото
отяжеляет взгляд. И, чуть темнее, живот,
морская империя. И как будто бы струны
скрипки, манок гигантского царства,
начинают тему и разрывают тело,
черный занавес, устье
забытой сцены. Невидимые оркестры.
Это тепло — и разом для наших глаз
жизнь как будто пустая стенная шпалера,

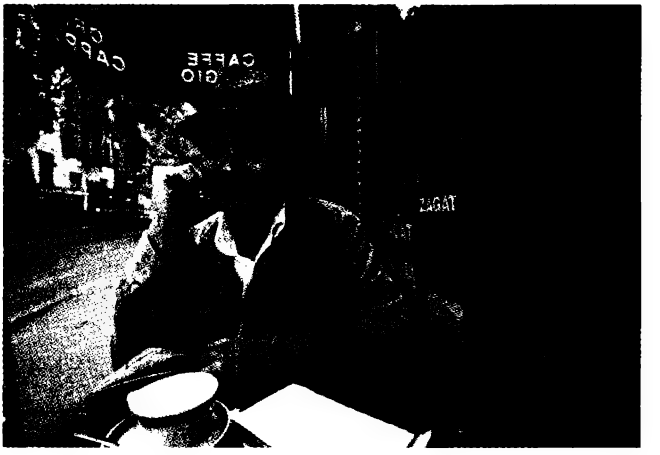
золото мокрой стены, когда тело к телу,
и, словно мощно бьющие воздух соколиные крылья,
бьется сердце, и рвется дыханье, и листья
оживают с таким же шумом: солнце
к солнцу. Апофеоз. Сверкают кареты.
Похоже на декорацию. Этот пурпурный клюв.
Что за страна? Что за огни на перекрестках?
Что за осень или зима разрывает тела?
Струны дрожат, и филигранную ясность
процеживают ресницы. Не надо, хватит.
И остается музыка,
словно тело в лучах полнолунья,
последняя пропасть, бездна бездн, покрытые ряской
воды, смыкающиеся над телом,
когда оно, алмазное, как вода, обращается в тишину.

Заклятие

От величайших воинов лишь тени
в густой тени под старым дубняком.
Потрескивает ирисовый сумрак.
Кнуты, собачий лай, далекий луч.
Вороний грай в слепом жерле колодца.
Ведут заиндевелого коня.
Гроза. Зеленый просверк в черных водах.
Кто я? Не знаю. Грудь как мертвый пруд.
Бриг в золоте и эшафот рассвета.
Лежу, а тело словно тетива.
Зима, уже в разгаре, разрывает
завесу над позорищем морей.
Но кто-то спрятался в густом тумане.
Остановись, помедли, темный лучник.
Окаменел агатовый стрелок.
Стрела отыщет верную дорогу.
Мы вымеряем гроб, за пядью пядь.
Листва и тина стали нам постелью.
Вся в золоте перчатка моряка.
Лагуна, царство снега и шафрана.
Ты не встречал подобной белизны.
Войска вот-вот войдут. Синеет небо,
войска вступают. И зеленый дуб
в пустых глазницах, залитых известкой.

Перевод с каталанского

Мелсион Матеу



"...когда раскупят все мои стихи"

Перевод и вступление Ксении Дьяконовой

Мелсион Матеу, в силу биографических обстоятельств, не так широко известен читателю, как многие другие его коллеги. Возможно, дело в том, что он уже давно живет в Нью-Йорке, где пишет диссертацию, и редко появляется в Барселоне. Тем не менее, те три книги стихов, которые он выпустил на родине, стоят особняком в современной каталонской поэзии.

Его первый сборник, "Очевидная жизнь", был опубликован в 1999 году. В то время молодой автор, окончивший филологический факультет Автономного Барселонского университета и магистратуру Корнельского университета (США) и внимательно изучивший испаноязычную и англоязычную литературу, нащупывал свой стиль и увлекался различными поэтическими экспериментами. Именно поэтому его первая книга состоит из стихов, написанных в новом, смешанном жанре. Казалось бы, на первый взгляд, это вполне традиционные сонеты, и в то же время предпосылкой к каждому из них служит маленькое прозаическое вступление, написанное в изящной, ритмичной манере. Простой, разговорный язык, подвижная интонация, отточенная техника, легкий ироничный стиль — все эти достоинства "Очевидной жизни" были замечены критикой, и в том же году Матеу была присуждена премия имени Октавио Паса.

© Melcion Mateu
© Ксения Дьяконова. Перевод, вступление, 2010

Вторая книга Матеу, "Малыш Никто", изданная в 2002 году, имела меньший успех, но и она примечательна своей тематической и стилистической новизной. Формальным поводом к ее написанию стали любимые автором комиксы Уиндзора Маккея "Little Nemo". Их главный герой — мальчик, которому снятся причудливые, жутковатые сны, и утром он неизбежно падает с кровати. Книга Матеу, с одной, поверхностной, стороны — разговор с этим мальчиком, являющимся alter ego автора; а с другой — размышление о сне, яви и их переплетении. В этих стихах больше всего поражает необычный, но убедительный лирический герой, смелые сюрреалистические образы, виртуозные синтактические конструкции и рифмы, в которых еще сильнее, чем в ранних сочинениях, слышен самобытный голос автора.

И все же только по прочтении "Сада с кенгуру", вышедшего в конце 2005 года, становится окончательно ясно, что Матеу — скорее всего, самая яркая фигура среди молодых каталонских поэтов. "Сад с кенгуру" — книга, где действительность и фантазия неразделимы, и неразделимы каким-то особенным образом. Реальность, быт, воспоминания, приправленные мягким юмором и удивительным поэтическим воображением, все, что свойственно человеку — любовь, тоска, страх смерти, надежда на будущее, мечты о славе, — передано в этих странных стихах как бы невзначай, но в то же время так живо и достоверно, что у читателя создается впечатление, будто автор написал именно о нем. В надежде вызвать у читателей подобное чувство, мы включаем в настоящую подборку несколько примеров из этого сборника, а также два неизданных стихотворения.

Рутина

Живу я так, как учит бедность: в понедельник
поем печенки, а во вторник — чечевицы,
а в среду выпиваю чай с лимоном,
брожу вдоль Борна, где повсюду
то яд, то сперма, то хитин,
читаю Канта иногда в библиотеке —
что может быть возвышенней? — и в парк
иду, где все скамейки меня знают,
и разговариваю сам с собой:
есть у меня любовь, и вместе с ней
мы спим, обнявшись, на одном матрасе.

Но все изменится. Настанет день, когда
не будет счастью моему предела:
моими станут горы, море, небо,
в мой сад ворвутся кенгуру,
волхвы умрут от зависти, и даже
поссорятся наследники мои —
друг друга поразив огнем и ветром, —
когда раскупят все мои стихи.

Остановка

Автобусная остановка — это
та девушка, и желтый плащ ее;
автобусная остановка — это
та женщина, которая встает —
взглянув на расписание, садится
и вновь спокойно смотрит на часы;
и чей-то кашель вдалеке, и мотоцикл,
едва он мимо нас промчится;
и чайки, и тот миг, когда автобус
возникнет, чтобы все это стереть.

Пропасть

Когда мы спим, мы словно два кита:
то рыбы выплывают изо рта,
то водорослям портим мы прическу.

Мы, унесенные волною, на мели,
где слышен запах апельсиновых деревьев
и ракушек,
принадлежим Земле — но нет у нас земли.

Внизу два марокканца дышат клеем,
и дух его доносится до нас:
свет со двора ложится пятнами на стены,

там полицейские, быть может, там сирены,
и воздух полон пепла в этот час;
но наша ночь останется подводной.

Ночь *перед* Хэллоуином

Все святые мертвы.
Всем, кто мертв, в этот вечер есть что сказать.
Я столкнулся с армией, выходившей
из последних вагонов метро,
в то время, как президент Обама
улыбался тыкве во весь экран.
Что мы знаем о ночи?
Что есть гробницы,
где сотрясаются мертвецы.
Что растрепанным ведьмам всего дороже
их лохмы; что стаи летучих мышей
беснуются в праздничной тишине
в честь Обамы (он — и японский город,
и вулкан в Канзасе, и коренной
гаваец); в честь крыс, летящих по небу;
в честь детей, ныряющих в глубь реки
с карманами, полными карамели;
и в честь разбросанных могил
между двух океанов.

Три медсестры выходят из магазина,
едва ли не обнажаясь передо мною,
потому что я в капитана переодет.
В честь Обамы судьи снимают парики.
В честь Обамы грудной младенец закутан флагом.
В честь Обамы бродяга в принца переодет.
В честь Обамы вдовы обряжены в проституток
и седой старик нарядился бразильской дамой,
и один мусульманин молится втихаря
за Обаму, среди пустынного переулка.
Теснящаяся толпа
окружает зданье, где вывески пламенеют.
В честь Обамы еврей лишается крайней плоти
и в прачечной кружится тысяча простыней.
В честь Обамы вампиры бросаются друг на друга,
а еноты везут Санта-Клауса на санях.
В честь Обамы священник сделал татуировку.
Мы не знаем, когда закончится этот праздник,
где царят некрофилы и мертвецы.
Два моряка целуются на платформе —
в честь Обамы,
последнего поезда поздней ночью
или первого на рассвете — им все равно!

Сто имен бога

Бога нет: но иногда Им казался
Чарли Паркер. Конечно, Иисус Христос
напоминал Его отдаленным сходством,
и была Им моя любимая в те минуты,
когда она, засыпая, ложилась так,
что грудь ее словно смотрела в небо.
Бога нет: Он только слово, порой
звучащее на основных языках планеты.
"Слово Божье" не значит ничего,
именно потому, что Он сам — лишь слово,
выражающее проклятье или восторг.
Или, быть может, был Им замерзший мамонт,
след динозавра, треснувшее яйцо?
Бог, вероятно, чем-то похож на воздух,
который мы выдыхаем, когда плывем.
А может, Он — тишина, нас будившая среди ночи,
или свет на дне подводных пещер,
и так далее...
При желанье Он мог бы сделаться даже мной,
и поэтому, только поэтому, так отрадно
никому не принадлежать и никем не быть.

Жузеп Пла
Моя страна

Фрагменты книги

Перевод Марины Киеня

Собственно говоря, все, что я до сих пор написал, так или иначе, прямо или косвенно связано с моей страной. Мне кажется, это хорошо, когда у человека есть корни. Моя космополитическая натура, которой я давно и с большим постоянством следовал и которая не имеет ничего общего с так называемым *единством рода человеческого,* привела меня к необходимости позаботиться о цепких глубоких корнях. Что тут поделаешь? По-моему, подобное стремление вполне естественно.

В этой книге собраны личные наблюдения, сделанные с присущей мне безыскусностью и отражающие основные особенности нашей страны: погоду, климат, кухню, развлечения (праздники), характеры. Это просто сведения — точные и конкретные — о конкретной стране. Таким образом я хочу объяснить — если в принципе возможно кому-то что-то объяснить, — из какого мы сделаны теста. Задача едва бы удалась, вознамерься я воспевать или поучать. Но я лишь предлагаю благосклонному и понимающему читателю скромные заметки, обращенные в завтрашний день, к тем, кто придет после нас и вдруг заинтересуется нашей страной. Будет их много или мало, не берусь сказать, но пусть они знают, какой была эта земля в мое время. Коль скоро будничные и, прямо скажем, совершенно обыденные наблюдения способны увеличить интерес к Каталонии, может статься, они помогут сохранить ту исконность, которую нынче оспаривают, излишне усложняют и, что греха таить, всячески избегают.

Зюйд-вест и Трамонтана
(*Несколько слов о нашем климате*)

Метеорологи возложили на себя довольно любопытную задачу: узнать, можно ли выявить некую закономерность в непре-

© Ediciones Destino
© Марина Киеня. Перевод, 2010

станной смене погодных явлений. Вот что вознамерились совершить эти уважаемые граждане. Однако же до сих пор метеорология находится на эмпирической стадии: простое собрание огромного количества цифр и данных, частностей и наблюдений, под которое пока что не сумели подвести никакой теории. Равно как медицина, психология, наука управления и множество всевозможных псевдонаучных дисциплин, метеорология представляет собой лишь ряд смутных гипотез и ненадежных предсказаний. Вот и приходится разводить руками, пожимать плечами да слушать гадалок.

Некоторые природные явления сопровождают нас с такой неотвязной настойчивостью, что так и подмывает засучить рукава и разобраться в них раз и навсегда, втиснуть в научные рамки. Но как только мы пытаемся сделать это, тут же понимаем, что тычемся наугад, как дети, которые спрятали бубенчик и играют в "холодно-горячо": "Горячо, горячо, не обожгись!"

Так или иначе, за последние годы метеорологи проделали большую работу: в частности, собрали множество статистических данных. И достигли кое-каких важных результатов. Благодаря эмпирической метеорологии, мы можем более-менее спокойно и уверенно передвигаться по свету. Что же до прогнозов, то здесь все зыбко и ненадежно, того и гляди возникнет что-нибудь неожиданное, непредвиденное. Впрочем, тревожные прогнозы, как правило, сбываются. Когда синоптики в определенной ситуации велят самолету или кораблю сменить курс, укрыться от непогоды, неповиновение смерти подобно. Одно из правил для сотрудников Швейцарских Авиалиний гласит: "Метеорология — это не наука о погоде, это наука благоразумия". Замечательно сказано!

Каталония поражает и завораживает своей пестротой и географическим разнообразием, а потому метеорологам здесь есть чем заняться. Задачи их тем сложнее, чем причудливей ландшафт. Если определенные погодные тенденции наблюдаются на всей территории страны, то сомнений они ни у кого не вызывают. Но наряду с этим нельзя сбрасывать со счетов и природные явления местного характера, имеющие огромную важность. Это многообразие превращает наш климат в настоящую головоломку.

В целом же можно сказать, что Каталония подвержена воздействию двух очевидных факторов: влиянию климата европейского и климата африканского. Столкновение, противостояние этих сил происходит в совершенно конкретной области, а именно в Ампурдане. Ампурдан является любопытнейшей метеорологической лабораторией, полем непрекращающейся битвы между двумя воинствами, которые пооче-

редно стремятся захватить страну, полностью или частично. Описывая Ампурдан, Марагаль проявил потрясающую интуицию, назвав этот прекрасный край чертогами ветров.

Я родился в Ампурдане и, обладая неисправимым любопытством, всегда интересовался ожесточенной борьбой двух типов климата за господство над территорией. В метеорологическом отношении Ампурдан — область исключительная, и мы, ее жители, обладаем врожденной чувствительностью к сменам погоды. А иначе и быть не может, поскольку кому как не нам приходится стойко выносить ее постоянные капризы. Северный ветер трамонтана сражается с юго-западным, а мы живем меж двух огней. То один ветер подует, то другой — возможно, поэтому и настроение у нас скачет так часто, и чувства так переменчивы. Особенно мы страшимся скуки и рутины и готовы на все что угодно, лишь бы не заскучать — даже если для этого придется всю жизнь бить баклуши. Жители Ампурдана — дети капризного, непостоянного, непредсказуемого климата.

В некотором смысле наш край — пограничная зона между двумя мирами. Зюйд-вест, царящий на африканских просторах, владеет югом Ампурдана. Трамонтана прилетает из Европы, ей подвластен север и, разумеется, Руссильон. Если верить статистике, то в Барселоне юго-западный ветер дует в два раза чаще, чем западный, в то время как в Кадакесе над всеми прочими ветрами господствует трамонтана. Так что с точки зрения климата земля наша поделена надвое.

Но четкой границы между владениями враждующих ветров, разумеется, нет. Совершенно никакой определенности. То рубеж проходит здесь, то там, передвигается взад-вперед. Иногда севернее Кадакеса, за мысом Креус, веет прохладой, а южнее Кадакеса задувает теплый юго-западный ветер. А бывает, граница смещается к югу, до самого мыса Норфеу, и зюйд-вест отступает к заливу Розес. То же самое может наблюдаться и в других местах, вызывая резкие смены погоды на побережье: к югу и к северу от Меды, к югу и к северу от мыса Бегур, к югу и к северу от мыса Сан-Себасьян, от мыса Са-Фелиу, от Тоссы, от устья Тордеры. Ни один ветер не желает уступать, и оба теряют силу в борьбе: "Сникают", — говорят рыбаки. Между их владениями образуется нейтральная полоса, иногда очень узкая. Окажешься там — и видно, как на юге и на севере мчатся навстречу друг другу мощные потоки воздуха.

Что ж, и мне приходилось наблюдать на родном побережье неумолимое и настойчивое противоборство ветров, которые меряются силой. Вот один осторожно приближается: по морской глади ползет зеленоватое пятно; другой отступает: по морю движется полоса белой пены. Потом диспозиция меняется, и

тот, что недавно отступал, начинает понемногу теснить соперника. Особенно заметны эти постоянные атаки и ретирады на нашем северном взморье. Сколько раз случалось нам смотреть, как южнее мыса Бегур плывет пароход в сторону Марселя, и дым из его труб, точно флюгер, показывает, что дует зюйд-вест. А навстречу ему, только севернее того же мыса, идет другой корабль, и дым его стелется над водой, подхваченный трамонтаной.

Но поскольку страна вытянута с севера на юг, у ее климата свои законы, и, повинуясь им, один из ветров вдруг бросается в наступление.

Равновесие нарушается, и победитель вторгается на чужую территорию. Бывает, что зюйд-вест, зародившийся над Гибралтарским проливом, вырывается далеко за пределы своей сферы влияния на юго-восточном побережье и устремляется к невидимой границе, проносится над Лионским заливом и стихает лишь возле устья Роны. А бывает, разойдется трамонтана, обрушится с яростью на земли, где обычно царит зюйд-вест, промчится над Балеарскими островами, долетит до берегов Северной Африки, до отвесных склонов Атласа. Настоящий разгул космических сил, мощное климатическое явление, ярко выраженное проявление власти. И власть эта может продержаться от нескольких часов до нескольких дней, повинуясь неписаным законам.

В тех краях, где дует юго-западный ветер, обычно влажно, небо там тусклое, а людей мучает головная боль и приступы тоски. В солнечную погоду воздух очень мягкий, а когда день клонится к вечеру, пейзаж окутывает дымка глубокой печали и уныния.

Там, где царит трамонтана, всегда сухо, атмосфера прозрачна и кристально чиста, пейзаж прорисован с удивительной, почти каллиграфической четкостью; жители тех краев бодры и легко возбудимы. Из-за чересчур высокой плотности воздуха и излишней резкости очертаний люди там склонны к чрезмерности во всем.

Зюйд-вест делает атмосферу вязкой, трамонтана же высушивает ее до металлического звона. Зюйд-вест подавляет, вызывает невыносимое чувство угнетенности. Трамонтана, напротив, освобождает, порождает в человеческих душах порывистость и несдержанность. Юго-западный ветер вреден для здоровья, зато северный бодрит и освежает. Юго-западный туманит звезды, северный очищает ночное небо, являя его во всем блеске.

Человек — существо, зависимое от климата. Люди, и в особенности представительницы прекрасного пола, совсем не похожи на бронзовые или мраморные изваяния, которым погода нипочем. Все мы, и мужчины, и женщины, весьма к ней чувствительны.

Так вот, Палафружель возник как небольшой поселок, и только потом, в XIX и XX веках, там появились крупные мануфактуры. Началось все с кустарного производства пробок, которое в первые годы XX столетия усовершенствовали и механизировали, доведя до самого современного уровня.

Изначально жители городка четко подразделялись на два сословия: крестьяне и пробочники. Обе эти группы вполне сносно ладили между собой, хотя нельзя сказать, чтобы отношения между ними были совершенно безоблачными. Сами посудите: разные темпераменты, разное восприятие жизни. Крестьяне по всей стране одинаковы. А вот характер промышленников и рабочих зависит от того, что за продукцию они производят — в данном случае пробки. Товар идет в основном на экспорт, тут неизбежно соперничество с иностранными производителями и, как следствие, у фабрикантов возникают космополитические настроения.

В период расцвета пробочного производства, длившийся многие десятилетия, крестьян в Палафружеле ни в грош не ставили. Всем заправляли промышленники. В жизни городка сельские труженики вроде как и не участвовали. Влачили себе бедную унылую жизнь, неизбежную для крестьянства в годы индустриализации, когда земледельцам платят крайне мало: пусть сами кормятся плодами своих трудов. Существовало между двумя сословиями и значительное количественное отличие, слишком уж ярко выраженное. В 1800 году население Палафружеля составляло 2000 человек, а в 1900 — уже 12000. Благодаря притоку рабочих в период промышленного развития оно возросло в шесть раз. Мнения крестьян никто не слушал.

Но теперь, с появлением новой отрасли промышленности — туризма, — крестьянство, кажется, вновь поднимает голову. Воскресная ярмарка, открытая с Пасхи и до конца сентября, известна далеко за пределами округи. Это очень важно. Палафружель — крупный экономический центр, а в дальнейшем, будем надеяться, возрастет и его роль в других сферах жизни. У нашего края большое туристическое будущее, и ярмарка — многообещающий источник доходов, так что следует всячески способствовать ее процветанию.

Все, или почти все, местные политики либерального толка родом из крестьян Палафружеля. А фабриканты предпочитали обучать своих детей за границей. Вот почему в городе так много людей, которые повидали свет и говорят на иностранных языках. Правда, в последнее время эта тенденция, к сожалению, пошла на спад из-за драматических событий, выпавших

на нашу долю, и неправильных установок руководящих лиц. Промышленность по своей природе космополитична и нуждается в людях, способных защищать интересы страны за рубежом. Нам следует вернуться к простым и действенным принципам недавнего прошлого. Нельзя отворачиваться от Европы и Америки. Закрытие школы иностранных языков в Палафружеле было колоссальной глупостью, которая может иметь самые неприятные и непредсказуемые последствия.

Погожие вечера

Во времена моей юности, когда в Палафружеле еще не было водопровода – он появился несколько позже и оставлял желать много лучшего, – летом у людей имелся обычай поливать улицы. Кажется, сейчас это не очень-то принято.

Ближе к вечеру гуляешь, бывало, по городу, вдыхаешь смесь аромата цветущей акации и запаха жженой пробки и наслаждаешься свежестью только что политых улиц. В этом деле горожане давно набили руку и орудовали лейками с восхитительной сноровкой.

С улицы было слышно, как во дворах скрипят вороты колодцев, гремят полные до краев ведра. Дома стоят нараспашку, и в дальнем конце полутемных коридоров чуть светятся прямоугольники раскрытых в сад дверей. До чего приятно слышать этот скрип! Люди ходят туда-сюда, таская лейки с перламутрово-зеленой, блестящей в летних сумерках водой.

Лейки бывают разные, но лучше всего те, у которых на носике маленькие дырочки: из них бегут тонкие, лихо загнутые струйки. Вечер постепенно угасает, и перед каждым крыльцом появляется мокрый прямоугольник – идеально ровный, ни одной капельки не пролито мимо. На Новой площади поливкой занимались привратники казино: хозяева полагали, что это их прямая обязанность. У девушек дело спорилось еще лучше. Когда юная особа хорошо выполняет работу, она выглядит особенно красивой.

После полива улицы – ничем не примечательные улицы Палафружеля – дышали упоительной свежестью и казались темнее, чем обычно. Наверное, те жители, которые как следует полили мостовую, ужинали с особым аппетитом. Так и представлялось, как белые влажные зубы с хрустом вонзаются в сочный, чуть горьковатый лист салата.

Когда умер Жуаким Пьера, портной с улицы Кавальерс, часть его семейства перебралась в Барселону. Они взяли с собой тетушку Кристинету, женщину добрую, ласковую, хоть и

недалекую. Семья поселилась на улице Арибау, не то в начале, не то в конце: в этом районе все дома похожи друг на друга, не отличишь. Наступило лето, и вот однажды вечером Кристинета вышла из дома с лейкой и как ни в чем не бывало принялась поливать тротуар. Консьержка и соседи страшно удивились:

– Но... что вы делаете, сеньора Кристинета?

– Поливаю вот.

– Но позвольте...

– Ах да, вы совершенно правы, – ответила Кристинета с ангельской улыбкой. – Надо же, вообразила, будто я дома, в Палафружеле.

Ее руки сами потянулись к лейке. Ведь пришло лето, и для Кристинеты, как и для многих других уроженцев маленького городка, поливать улицу перед домом было так же естественно, как вдыхать вечернюю свежесть и аромат цветущей акации.

Об этом случае в Палафружеле до сих пор говорят с улыбкой, как о забавном анахронизме. Забавно, конечно... Но как мило!

Пестрота и однообразие

Мне не раз доводилось читать, что наша кухня отличается особым своеобразием. Ну, наверное, так оно и есть. Вероятно, каталонские блюда действительно своеобразны. По крайней мере люди, которые выросли на них, а потом покинули родные края, очень тоскуют по привычной еде. Я много лет прожил за границей и достаточно наслушался ностальгических разговоров. Все тоскующие говорили, что в разлуке с родиной их особенно тяготит невозможность питаться так, как они привыкли, и тем, к чему привыкли. Даже самый искусный лондонский повар не сможет как следует приготовить темный рис, в Лиссабоне не сыщешь приличной трески с картошкой, хотя рыба в Португалии вообще-то неплохая, а в Италии ничего не понимают в бобах и горохе. Разумеется, у тоски по родине много причин, но отсутствие знакомых блюд – одна из главных. Вот почему я не раз писал, что каталонец – млекопитающее, склонное к ностальгии. Думаю, это чистая правда, ведь в остальном речь идет о нормальных здравомыслящих людях.

Так или иначе, еда наша при всем своеобразии довольно однообразна. Даже, можно сказать, скучна. Десятилетиями, а то и веками, каталонцы по будням ели похлебку или жаркое на обед, а по воскресеньям баловали себя рисом. Сейчас этот обычай соблюдается меньше, поскольку мясо, которое раньше стоило гроши, значительно подорожало. Теперь выбор стал больше, но блюда уже не требуют былой тщательности в

приготовлении. Современные люди все делают на бегу, как попало. Хорошая прислуга повывелась, а женщины разлюбили сковородки и кастрюли.

Родной хлеб настолько нам наскучил, что в XIX веке все рестораны в Барселоне офранцузились, да и сейчас любое уважающее себя заведение предлагает клиентам исключительно французское или интернациональное меню. И все же в этом однообразии имеются свои любопытные черты. Во-первых, региональные, поскольку у нас ни одна область не похожа на другую. Пестрота эта так велика, что едва ли кому-то удастся написать книгу о каталонской кухне, ведь для этого придется делать известные обобщения, а такого в принципе быть не может. В каждом округе свои вкусы и предпочтения. Тут мы перещеголяли все страны. Никакой бумаги не хватит, чтобы описать, как в тех или иных городах и селах готовят те или иные блюда. Иностранцы их пробуют и хвалят, но для местных жителей они уникальны и неповторимы. Так что и я не решусь вступать в этот запутанный лабиринт, просто поделюсь некоторыми общими сведениями.

У разнообразия каталонской кухни имеется и еще одна причина: смена времен года. Каждое диктует свои правила. Есть блюда весенние, блюда осенние, летние и зимние — их готовят по-разному и из разных продуктов, смотря по тому, что найдется на рынке. То есть выбор продуктов ограничен, но отличается ярко выраженной сезонностью. Разумеется, в любой стране кухня в известной степени однообразна, но наша к тому же еще и весьма посредственна, можно сказать, лишена воображения, ведь мы стряпаем из того, что под руку попадется. А как же иначе: Каталония никогда не была настолько богатой, чтобы оторваться от крестьянских традиций и позволить себе изысканные, питательные и вкусные яства на манер французских. Что можем, то и готовим, питаемся, как придется. По крайней мере, территориальные различия в кулинарных предпочтениях несколько скрашивают эту скудность. Да и смена сезонов не дает заскучать.

Весна — время гороха и бобов, великопостной спаржи, жирных сортов рыбы — сардин, анчоусов, макрели. Сардины, жаренные на углях, просто объедение. Весной рыба, выловленная в прибрежной полосе, особенно возле скал, имеет ни с чем не сравнимый вкус. Все, кто хоть сколько-нибудь знаком с Каталонией, это знают. Весной приходит конец однообразной стряпне из белой фасоли — столь распространенного здесь вида бобовых, — которая всю долгую зиму не сходила со стола. Каталонцы потребляют невероятное количество белой фасоли. Ведь может и надоесть, правда? Ну да, наверное. Но едят фа-

соль на завтрак, обед и ужин. Страна наша, за исключением разве что прибрежных областей, — настоящее царство фасоли. Побережье, впрочем, тоже, хотя там ее хоть иногда чередуют с зеленой. Удивительным образом, в местах, удаленных от моря, эта разновидность фасоли не особенно популярна. Там весь год хранят верность белой. Как только становится тепло и поспевают зеленые стручки, в приморских городах и селах за них принимаются всерьез, и не только местные жители, но и многочисленные туристы. Довольны остаются все, даже самые разборчивые гурманы. Белая фасоль скучна, хотя без кожицы она хороша на вкус и питательна. Зеленая фасоль не такая тяжелая, но ею не наешься, да к тому же в неизменном сочетании с вареным картофелем она быстро надоедает. Однако некоторые сорта — просто пальчики оближешь: совсем не волокнистые, с тонкой шкуркой. Такие специально замораживают, чтобы потом приготовить гарнир к мясу.

Летняя кухня продолжает традиции весенней, но добавляется и кое-что новое. Лето — время спелых плодов. Люди оживляются, начинают ездить туда-сюда. Берусь утверждать, хоть и не знаю, все ли со мной согласятся, что в летние месяцы каталонцы вне всякой зависимости от того, сидят ли они дома или путешествуют, отдают предпочтение двум вещам: из морепродуктов лангусту, а из мяса птицы — курице. Не всем это, конечно, по карману, но все же. Лангустов ценят за отсутствие костей, а лучше курицы вообще ничего быть не может. Прочие обитатели морских глубин и усадеб пользуются куда меньшей популярностью. На страницах моей книги читатель найдет много интересного об этих двух продуктах, столь важных для жителей нашей страны. В целом же лето — время визитов и праздничных застолий. По моему скромному разумению, летом многие продукты, и в частности рыба, имеют куда менее изысканный вкус, чем весной. Впрочем, это неважно, ведь лето — праздник жизни.

После Успения день становится заметно короче, в семь уже темнеет, иногда моросит дождик. Приходит пора собирать самые лучшие в мире грибы: маслята. Грибы вообще главная осенняя радость, у нас просто обожают собирать их и есть. Горожане, хоть и имеют почти все крестьянское происхождение, относятся к грибным блюдам как к пережитку прошлого. Впрочем, и грибы, несмотря на свое великое разнообразие, в конце концов приедаются. Есть в осенней кухне элементы куда интереснее, а именно дичь: кролики, зайцы, всевозможная птица. Дрозды, великое множество бекасов. Куропаток следует готовить с луком, иначе они получатся жесткими, сухими и вообще несъедобными. А вот рыбы к осени становится меньше, но та, что все же ловится, просто восхи-

тительна на вкус. Скот за весну и лето отъедается на нежной травке, так что мясо осенью чудо как хорошо. Короче говоря, осень радует нас кулинарным изобилием. Еда тяжелее, чем весной, но зато такая сытная и разнообразная!

Зимой природа замирает, стол скудеет, но именно зимой, а точнее в январе, режут свиней. По этому поводу в домах устраивают веселый праздник, предвкушая, сколько всего удастся наготовить. По-моему, самая лучшая часть туши — окорок, где слои мяса чередуются со слоями сала, затем следует грудинка и прочие свиные прелести. Зима — время простонародной пищи, которую у нас все еще предпочитают всякой другой. Тушеная капуста с жаренной на сале картошкой и ломтиком шпика или грудинки — а если угодно, то и с солеными сардинками — доставляет истинное наслаждение тем, кто родился и вырос в Каталонии. Все-таки чтобы получать удовольствие от таких незамысловатых и даже грубых блюд, надо привыкать к ним сызмальства. Сейчас резать свиней стали реже, событие это уже не привлекает былого интереса и не вызывает прежнего ликования. Ну и качество мяса, соответственно, уже не то.

Главу о каталонской кухне я почти целиком написал в городе Гранульерс, в отеле "Европа"; управляет им мой друг Пако Парельяда, сын незабвенного сеньора Пако, владевшего когда-то рестораном "Семь Дверей" возле барселонской площади Пла-де-Палау. Наступил четверг. В Гранульерс в этот день ярмарка. В гостинице яблоку негде упасть. Она забита крестьянами и торговцами скотом. Обожаю подобное общество.

— Ну и народу у вас, сеньор Пако, — говорю я хозяину ближе к вечеру.

— Да уж, полторы тысячи постояльцев, только успевай поворачиваться.

— А что они все едят?

— Присаживайтесь, сейчас расскажу. Эти добрые люди заказывают рис со свиными ребрышками, куриные потроха или рыбный суп. Знаете же, есть такая рыба, называется морской черт. Не очень-то изысканная, на мой вкус. Так вот, сельский люд обожает суп из морского черта. Ну и жаркое, конечно. Понимаете ли, мы тут любим готовить всякую всячину: бараньи ножки и требуху, телячьи ножки и требуху, свиной пятачок и копытца, пашину и язык, просто телячьи ножки, свиные копытца, запеченные и тушеные. Ну и жаркое, просто жаркое. Всего и не перечислишь. Ведь люди-то не меняются. Такие же, как сто лет назад. Как двести лет назад...

Да, сложна и запутана кулинарная тема! Просто никакой ясности.

Жузеп М. Эспинас

Моя *профессия*

Главы из книги

Перевод Марины Киеня

Предисловие

В детстве я не хотел быть ни врачом, ни пожарным. На самом деле, я никем не хотел быть. Придумывал страны, рисовал их карты, но не мечтал стать географом. Мне и в голову не приходило, что обязательно нужно кем-то становиться.

Лет в девять я сочинил свое первое стихотворение: помнится, говорилось в нем о полете ласточек. А в пятнадцать лет мне удалось написать целую повесть по-испански — на этом языке велось преподавание в школе и была написана вся литература, которую мы изучали. Скверная и примитивная литература. Видимо, я любил сочинять, но литератором себя не представлял.

В старших классах я дружил с Рамоном Фолк-и-Камаразой, который потом тоже стал писателем, и с Льюисом Ортегой; по субботам мы собирались в молочном кафе "Коломе" на проспекте Пассейдж-де-Грасиа и придумывали какую-нибудь тему, а к следующей неделе писали каждый свое и вместе обсуждали.

© Josep M. Espinàs
© Марина Киеня. Перевод, 2010
Фото Sergio Ruiz.

Так что я довольно регулярно сочинял "в стол", но по-прежнему и не помышлял становиться писателем. Пока однажды мне не попалось на глаза объявление, приглашавшее всех желающих принять участие в конкурсе статей на премию Гимера. Я напечатал в трех экземплярах статью, разослал по трем газетам, и в одной из них мое творение опубликовали. Я получил премию.

Но, честно говоря, даже увидев свою фамилию напечатанной типографским шрифтом, я не ощутил уверенности, что стану писателем. Мне просто хотелось писать, а это не одно и то же.

Да, написал я много чего. Теперь уже ясно, что моя профессия в том и заключается, чтобы писать. Неучтенная какая-то профессия: ее попросту нет в списках Национального института занятости, а ведь в них числятся сотни разных специальностей. Помню, несколько лет назад любезная служащая Института долго перебирала бумаги, а потом огорченно заявила, что писательство не считается трудовой деятельностью, но, если я не возражаю, меня можно классифицировать как "технического специалиста первой категории". Ни от родных, ни от друзей, ни от критиков мне не приходилось слышать подобной похвалы.

Было бы нескромно назвать эти записки "Размышления технического специалиста первой категории". Слова "Моя профессия" означают, что я, наконец, действительно осознал себя писателем. И вот решил вкратце изложить свои мысли и соображения относительно писательского труда, взглянуть на него с разных точек зрения, приправив рассуждения некоторой толикой иронии и постаравшись избежать напыщенного многословия — мы, писатели, иногда этим грешим.

В своей книге я высказываю собственное мнение и надеюсь, что читатель не воспримет его как догму. "Моя профессия" — это просто изложение всего передуманного и пережитого.

Жаль, что тот ребенок, не знавший, кем он хочет быть, остался в далеком прошлом.

Оригинальность

Мне кажется, что многим писателям непременно хочется быть оригинальными. Хочется, чтобы их книги или статьи поражали своеобразием, иначе говоря, не были похожи ни на что, опубликованное ранее. Сразу следует сказать, что намеренный поиск самобытности представляется мне заблуждением. Если, конечно, речь идет о литературном произведении, претендующем на цельность и завершенность. Вне всякого со-

мнения, всегда можно создать текст, нарушающий законы жанра, "не такой, как все" в том или ином смысле.

Однако же стремление стать оригинальным писателем — это стремление несколько иного рода и в целом достойно сожаления, ибо изначально обречено на провал. Я, по крайней мере, считаю, что читатели и критики хоть и принимают благосклонно оригинальные тексты, к оригинальным писателям относятся с гораздо меньшим интересом, а то и с раздражением.

Обычно мы называем "оригинальными" людей или произведения, которые не вписываются в обычные рамки, отличаются незаурядностью. Но словарь предлагает нам и другое значение слова "оригинальный": "изначальный", "восходящий к истокам". Мне это представляется особенно существенным. Тот, кто "оригинальничает", как раз старается быть непохожим на предшественников.

Стремление отличаться от других, намеренное изобретательство кажется мне малопродуктивным, оно только тешит самолюбие. Какие плоды способно принести желание непременно выделиться из общего ряда? Ну выделился — и что? Да ничего, сплошные иллюзии, ведь жажду оригинальности, как правило, питает тщеславие. А иногда за ней стоит невежество, недостаток образования. Многие так называемые новаторы просто не знают, что их открытия уже были сделаны другими людьми, в другие эпохи. "Авангардистские" находки повторяются. И оригинальность не так уж оригинальна. Быть первым мало кому удается.

Но вернемся теперь к другому значению слова "оригинальный": "изначальный", "восходящий к истокам". В литературе по-настоящему оригинальным можно считать все, что восходит к истоку, а именно, к личности автора. Произведение состоялось, только если оно полностью соответствует характеру писателя. Возможно, автор и сам является самобытным гением, неповторимым творцом, но такое нечасто встречается. Обычно мы имеем дело просто с хорошими писателями, и произведения их чего-то стоят лишь в том случае, если "восходят" к характеру создателя, отражают его личность.

Достойная литература центрична, ибо в центре ее находится автор, а не эксцентрична.

Характер

Характер либо есть, либо его нет. Мы часто говорим это, имея в виду тех или иных людей, и в словах наших, как правило, звучит положительная или отрицательная оценка. Хо-

роший характер мы хвалим, плохой порицаем. Слова "у него нет характера" всегда произносятся с осуждением.

В литературе обладать характером просто необходимо. Именно он является основой личности автора. В переводе с греческого слово "характер" означает тавро, которое использовали, чтобы клеймить лошадей. Клеймо не сотрешь, а следовательно, писатель что-то значит для людей и истории, только если способен оставить неизгладимый след собственной личности в своем творчестве.

Произведение может брать за душу, быть прекрасным, мудрым, но без характера оно ничто. "Большое несчастье — потерять из-за свойств своего характера то место в обществе, на которое имеешь право по своим дарованиям", — утверждал Шамфор, великий знаток человеческой натуры. Созидательное или разрушительное влияние характера на наши дарования огромно. Какие способности, какие блестящие возможности пропадают втуне из-за слабого, агрессивного или высокомерного характера!

В литературе дело обстоит несколько иначе: не то что бы определенного рода характер портил произведение, нет — без характера произведение просто не существует. Я, разумеется, имею в виду те творения, которые претендуют на долговечность. Без характера у литературы нет будущего. Не знаю, так ли уж велик Достоевский, но то, что это писатель с собственным характером, очевидно, потому он и вошел в историю. Его творчество несет на себе неповторимый отпечаток. Жузеп Пла как прозаик технически несовершенен, но в отсутствии характера его не упрекнешь.

Очевидно, что книга может иметь успех благодаря интересной теме или конструктивной позиции автора. Но во многих произведениях вместо характера мы видим талант рассказчика, интригу, умело построенный текст, претензию на оригинальность. В самом деле, повествовательные интриги могут быть самыми захватывающими, стиль — тщательно отточенным, самобытность — ослепительной (правда, ослепление проходит быстро). Однако интерес ко всему этому улетучивается, а вот характер приковывает к себе внимание надолго.

Итак, характер есть отличительный знак, индивидуальный отпечаток, лежащий на произведении, и появляется он сам собой, без специальных усилий автора. Думаю, тут вы со мной согласитесь. Но спорить по поводу того, в чем этот характер заключается, можно долго и совершенно безрезультатно. Характер художника, писателя или композитора — дар судьбы. Он способен проявляться в изложении

мыслей, в стиле произведения. Это качество врожденное. Можно открыть "студию писательского мастерства", однако "студия литературного характера" была бы чистым надувательством.

Если по счастливой случайности характер дан разумному писателю, он не станет слепо следовать чужим образцам. Ни ради денег, ни ради симпатий критиков, которые, как известно, переменчивы. Надо принимать себя таким, какой ты есть.

Гении парят высоко. Один мыслитель, если не ошибаюсь, Бертран Руссель, сказал совершенно неоспоримую вещь: "Благословенны мои подражатели, ибо и недостатки мои будут их недостатками".

Мастерство

Каждый писатель, хоть раз размышлявший над своим творчеством, неизбежно приходил к выводу, что обладает тем или иным уровнем мастерства. Но, даже зная себе цену, каждый вправе рискнуть и — была не была — потешить себя, рванув в те высоты, где его мастерство кончается. Любой профессиональный литератор прекрасно понимает, о чем я говорю.

За редким исключением, все писатели являются специалистами в отдельной области литературы, подобно тому, как кардиолог разбирается в определенной области медицины. Сознание собственной профессиональной ограниченности в большей степени свойственно тем, кто занимается научной или технической деятельностью, например, генетикам или электрикам, и в меньшей — труженикам пера. Поскольку сочинять может всякий — хочешь, романы или пьесы, хочешь, эссе или стихи, — то возникает ощущение, будто писательство доступно каждому. Гастроэнтеролог знает все о соответствующих его специальности органах, но, если попытается лечить пневмонию, скорее всего, потерпит неудачу. Потому и не лезет в чужую область. А вот у писателей сфера деятельности общая — слова. Уж с ними-то можно проделывать любые операции. Вот только когда берешь в руки скальпель, надо очень хорошо представлять себе, что́ собираешься резать.

Так что даже самый хороший писатель может зайти на территорию, где его мастерство кончается, и потерпеть фиаско.

Случаются, правда, и удивительные исключения. Возможно, покинув свое поле деятельности, кто-то добьется немалого успеха. В отдельных случаях хирург-флеболог может удачно удалить аппендикс. Но, на мой взгляд, не следует без крайней надобности переходить границы. Хотя осознать

пределы своего мастерства нелегко, а уж научиться извлекать пользу из собственной ограниченности и вовсе трудно.

Чтение

У книг, как и у людей, должна быть легкая поступь.

Бывает, встретит тебя на улице знакомый или даже друг, обрадуется и заведет разговор. Пойдет рядом, возьмет под руку – приходится замедлить шаг. Постой-ка, это очень важно. Пытаешься продолжить путь, но приятель не отпускает: нет-нет, ты послушай! Довольно неудобное положение, ведь через каждые два-три метра надо останавливаться, смотреть собеседнику в лицо.

Определенно, у книги должна быть не только становая жила, но и легкая поступь.

Но легкая не значит развязная. Легкая походка непросто дается. Надо хорошо владеть собственным телом. Как и собственным мастерством. Читатель должен плавно скользить от страницы к странице, а не ползти по ухабам. Если сам текст дышит, то и читатель не запыхается.

Легкость вообще свойство ценное. С легкостью вскочить в автобус. Смотреть, как легко порхают руки фокусника. В писательском творчестве легкость не всегда приветствуется. Легко написанное произведение вполне может быть скверным. А тяжело написанное – хорошим. Просто тяжелый стиль заставляет думать, что автору открыто нечто важное, не доступное другим, а на самом деле он писал, любуясь собой, или, хуже того, не до конца овладел искусством выражать свои мысли.

Оставим в стороне великих мастеров сложного стиля, которые достойны уважения, как и всякие великие мастера. Проблема в том, что любой гений жаждет признания, не желает оставаться непонятым, но, чтобы постичь гениальность, надо самому быть чуть-чуть гением, а такое не каждому дано.

Я лично уверен, и тут уж ничего не поделаешь, что читать надо, не спотыкаясь на каждой строчке. На нашем пути и так довольно камней.

Целительные строки?

"Книги еще никого не излечили", – говорил Сенека.

И я подумал, что пишу, не задаваясь целью помочь читателю преодолеть жизненные трудности и уж тем более не пытаясь переделать мир, как того хотелось бы некоторым философам.

Мне и в голову никогда не приходили, и из-под каретки моей печатной машинки не выходили строки, способные обратить неверующих.

Или утешить отчаявшихся.

Или успокоить взвинченных.

Или излечить слепых критиков и ослепить зрячих читателей.

Или подарить забытье бессонным.

Или растолкать вялых.

Или наставить растерянных.

Или исправить свои собственные многочисленные и не подлежащие сомнению недостатки.

Но, вопреки словам Сенеки, я уверен, что есть книги, способные сделать жизнь чуть-чуть лучше или чуть-чуть хуже. Я говорю "чуть-чуть", поскольку убежден, что преобразующая сила литературы весьма преувеличена. И преувеличивают ее из профессиональной гордыни сами писатели. Говорят, над входом в библиотеку одного египетского правителя была надпись: "Здесь врачуют души".

Осмелюсь предположить, что люди ходят в библиотеку не затем, чтобы избавиться от каких-то телесных или душевных недугов. Им просто нравится читать, нужна информация, надо выполнить домашнее задание; бывает, на улице или дома слишком холодно, а в библиотеке топят. И летом включают кондиционер.

Но раз уж с цитаты начал, цитатой и закончу:

"Pro captu lectoris habent sua fata libelli". Эта поэтическая строка принадлежит одному древнеримскому ученому II века; обычно ее подают в укороченном виде: "Habent sua fata libelli". Почти две тысячи лет назад люди прекрасно понимали: "Книги имеют свою судьбу, смотря по тому, как их принимает читатель".

Воля автора мало что значит. Он хочет взбодрить читателя, а сам утомляет. Хочет развлечь его — а сам нагоняет скуку. Хочет одарить ценными мыслями — а сам не понимает, какими. Хочет утешить — и только раздражает.

А иногда он ничего не хочет, просто пишет. И, возможно, найдутся люди, которые просто захотят его почитать.

Слух

По-моему, у хорошего писателя непременно должен быть хороший слух. Вообще-то, это качество необходимо скорее певцам и музыкантам, при чем же здесь писатели? Но разве сло-

во не звучит, когда мы его читаем? Да и у каждой фразы есть собственный ритм, внутренняя мелодия.

В поэзии мелодичность особенно важна. "Спящий виноградник, камни и агавы", — пишет Сагарра. У этой строки, несомненно, есть своя тональность. Четыре ударных звука "а", плавный "и". В стихах почти всегда присутствует некая мысль, но стихами их делает именно музыкальная гармония: "Земную жизнь пройдя до половины..." Что может быть важнее для человека, чем неудержимый бег времени? Но Данте говорит о нем легко, без громоздких терминов и объяснений.

В прозе мелодия свободнее, ритм разнообразнее, чем в поэзии, однако и то и другое желательно для прозаических произведений, и в том и в другом автор должен полагаться на собственное чутье.

Разумеется, существует и поэзия иного рода. Она меньше зависит от формы, в ней не слышно дыхания музыки. И в памяти она почему-то не остается.

Самоотверженность

Честно говоря, меня немного раздражают писатели, которые считают себя "самоотверженными". Самоотверженный человек добровольно приносит себя в жертву во имя альтруистической цели.

Во франкистской Испании каталанский язык всячески преследовали, а потому в Каталонии распространилось убеждение, будто писать по-каталански — это акт самоотречения.

Я лично начал сочинять как раз в тот непростой период, и могу вас заверить, что никогда не чувствовал себя самоотверженным писателем. В отличие от многих ровесников и собратьев по перу. Они рассуждали следующим образом: вот я пишу на запрещенном языке, хотя владею и другим, официальным; это мой сознательный выбор, так что приходится поступиться возможностями, тиражами, признанием читателей и вниманием критиков.

Утешительные соображения, ничего не скажешь. Приношу жертву ради высокой цели: посвятить все силы сохранению родного языка.

Нет, вы не подумайте, я подобную позицию уважаю. Ведь были и такие, кто предпочел испанский с той же легкостью — подождите, не возмущайтесь раньше времени, — с какой их сотоварищи сделали выбор в пользу каталанского. Вполне естественно, что некоторые молодые писатели — к слову сказать, убежденные противники Франко — использовали язык,

открывавший доступ к аудитории. Их самоотверженными никто не считал.

Но положа руку на сердце, скажу, что ни Риба, ни Педролу, ни Эсприу, ни Сарсанедес, ни Фолк-и-Камараза, ни Мария Аурелия Капмань, ни я сам никогда не строили из себя литераторов, пишущих по-каталански из самоотречения. Мы не соответствовали двум параметрам, отличающим самоотверженных людей: во-первых, жертва приносится добровольно и, во-вторых, преследует альтруистическую цель.

Альтруистом можно было бы считать англичанина, избравшего каталанский, но мы-то защищали свой собственный язык. Писатель ведь не чиновник, который может положить бумаги в эту папку, а может — в ту. Не было здесь никакого альтруизма (бескорыстной заботы о благе других), была простая последовательность и верность судьбе. Писать во спасение литературы — такое может выдумать лишь напыщенный писака.

Они что же, имели в виду, что хотели бы писать на другом языке, но смирились с суровой необходимостью и предпочли каталанский? Что действовали из соображений патриотизма? Давайте уж начистоту: на самом деле, никто ничем не жертвовал, создавая произведения на каталанском. Оставим эти рассуждения честолюбцам. Как будто устроили ярмарку языков, а писатель прохаживается по ней и думает: мне лучше в тир пойти, или игрушки мячиком посбивать?

Нет уж. Нынешние писатели — образцовые эгоцентрики (впрочем, все писатели таковы), и заботит их исключительно собственная литературная продукция. Что вполне естественно.

Любители и профессионалы

У нас, в Каталонии, любителей всегда уважали. Им даже приписывали моральные достоинства, в которых отказывали профессионалам. Такое вот нелестное и тенденциозное противопоставление: любитель, мол, это писатель или художник с бескорыстной душой, а профессионал только о деньгах и думает. Идеализм против материализма. Честность против лукавства. Свобода творчества против служения корыстным интересам.

Каталония — маленькая страна, где полно любителей, что само по себе достойно одобрения и восхищения. Любитель — это человек, готовый посвятить часы досуга занятию, которое приносит ему глубокое удовлетворение. Кто увлекается

живописью, кто мастерит поделки, кто изучает историю, кто стряпает, кто играет на пианино или на гитаре. Иметь увлечение полезно: помогает снять напряжение, внести разнообразие в трудовые будни и скрасить долгие часы вынужденного бездействия после выхода на пенсию.

Но разве профессионалы не могут увлекаться собственной работой? Искренне любить свое дело? Разве не способны они питать пристрастие к тому, чем занимаются, видеть в этом способ самореализации? Любители уделяют хобби часть времени, не отказываясь от спасительной рутины, профессионалы же отдаются работе целиком, со всеми вытекающими последствиями.

Меня, например, не покидает мысль, что мое увлечение сочинительством было так велико, что ни адвокатская практика, ни перспектива получать стабильную зарплату не смогли в свое время его перевесить. Я очень любил писать, а потому отбросил все колебания и превратил хобби в профессию.

Профессия — это не единственное занятие, это занятие основное. По-моему, писателям (мне, по крайней мере) полезно посвящать часть времени посторонним делам. Ведь они могут оказаться весьма прибыльными, и тогда нужда не будет омрачать творческий процесс. Ибо профессионал отличается от любителя не столько уровнем доходов, сколько требовательным отношением к себе. Если зарабатываешь чем-то, кроме пера, меньше рискуешь впасть в зависимость от материальных обстоятельств.

Вообще, хорошо, когда профессионал делает что-то еще, помимо основной работы. Это спасает его от чрезмерной замкнутости, открывает широкие горизонты, а возможно, и помогает получить жизненный опыт, весьма полезный для будущих произведений.

Но в последнее время у нас наблюдается любопытная тенденция: любой человек, обладающий мало-мальскими способностями к сочинительству, непременно стремится пополнить ряды профессиональных писателей. Добродетели любителя нынче не в цене. А вот принадлежность к профессионалам воспринимается как знак качества. Хотя в произведениях порой особого качества не заметно. Ну и пусть, зато можно говорить о публикациях, завести литературного агента, выбрать издателя пощедрей. Я понимаю, все это очень заманчиво. "Раз мне много платят, значит, я чего-то стою". Но профессионализм заключается в другом. Профессионалами не рождаются, ими становятся. А для этого терпеливо учатся. И далеко не всегда достигают цели.

Мысли

Стоящие книги должны вызывать у читателя — пробуждать в нем — либо мысли, либо чувства. А иногда и то и другое — или это уж слишком? Вдруг подобное сочетание испортит книгу? Ведь в литературе многое зависит от умения уважать границы, соблюдать равновесие.

К произведениям, где мысли — главное, у меня только одно пожелание: чтобы мысли были понятными. Не обязательно гениальными, не обязательно бесспорными, такое нечасто встречается. Но уж если писателю в голову пришла какая-то не слишком заурядная идея, логично было бы выразить ее с максимальной ясностью.

Допустим, читатель чувствует, что произведение содержит некую мысль, но не может понять, какую именно. Я не говорю сейчас о научной или специальной литературе, просто иногда мысль настолько расплывчата, настолько туманна, что возникает ощущение, будто автор и для себя не сумел ее точно сформулировать. Не следует огорчаться и винить себя в недостатке сообразительности.

Наши размышления обретают четкую форму, только если для них находятся нужные слова. Мысль и слово неразделимы. Путаные слова происходят от путаных мыслей. Возможно, писатель не додумал их до конца или только воображал, что думает, а сам не думал. Четкие мысли всегда облекаются в точные слова: "Сейчас я пишу эту страницу".

Подумал — и сказал. И не потребовалось никакого особого усилия. Слова для того и нужны, чтобы ясно мыслить. Если кто-то говорит: "Я хочу сказать то-то и се-то, но не могу подобрать слов", не верьте! Раз слова не находятся, значит, человек не знает, что хочет сказать. Когда крестьянин думает, что скоро подует северный ветер, он так и говорит: "Скоро подует северный ветер". А вот когда уважаемый лектор или известный политик призывает нас "мыслить в рамках взаимосвязи экономических и социальных параметров", нет никакой уверенности, что за этими словесами стоят какие-то мысли.

"Ну так на языке и вертится", — иногда слышу я. И всегда отвечаю: "Не на языке вертится, а в голове".

Разумеется, мысли и чувства прекрасно совместимы в пределах одного произведения, но роли им отводятся разные. Мысли автор вкладывает сознательно, а уж читатель толкует их по своему усмотрению. Эмоции же предпочтительно маскировать, не выражать открыто. Так что книга может *содержать* идеи и (или) *вызывать* чувства.

Писатель должен быть достаточно сдержанным и искусным, чтобы не навязывать читателю тех или иных чувств.

Чувства

Паскаль говорил, что в состоянии представить себе человека без рук и без ног, но человека без мыслей вообразить невозможно.

Вот и я полагаю, что произведение может быть рафинированным или массовым, претенциозным или скромным, но, если оно лишено чувств, считать его литературным нельзя.

Да, знаю, я только что произнес два взаимоисключающих слова: "считать" и "чувства". "Считать" означает расценивать, судить. Но ведь о книге не только судят, ее еще и любят. Совершенно независимо от суждений критиков, мы можем искренне полюбить книгу. Только читатель холодный, склонный исключительно к рассудочным оценкам — то есть плохой читатель — ни разу не влюблялся в книгу. Чтобы пробудить любовь, необязательно быть совершенным. Мы не всегда понимаем, чем нас пленила женщина, страна, книга или картина. "Пленила" — что за слово! Но иначе не скажешь. То, что мы любим, завладевает нашим сердцем.

Мы, читатели неискушенные, не принадлежащие к числу знатоков или литературных критиков, знаем, что можно прочесть множество замечательных, нетленных произведений, но запомнить лишь одно — то, которое нас взволновало. "Эмоция" — слово, затертое до дыр. Происходит оно от латинского "motio", "движение".

Настоящее произведение никого не оставит равнодушным. Прочитаешь его — и в душе что-то шевельнется. Протянется ниточка между автором и читателем: ухватившись за нее, мы пойдем рядом с писателем от страницы к странице, потом остановимся ненадолго и прислушаемся к зародившемуся чувству. Не думаю, что энциклопедия права́, когда утверждает, будто эмоции непременно вызывают в нас более или менее заметный органический сдвиг. Едва ли вздох от полноты чувств можно считать органическим сдвигом. Например, едет человек в автобусе и читает книгу; чувства переполняют его, но никто даже и головы не повернет, ничего не заметит. Существуют эмоции глубоко скрытые, личные, не находящие выражения ни в жестах, ни в словах.

Иногда люди задаются вопросом, почему та или иная книга, прилично написанная, но ничем не примечательная, встречает такой широкий отклик у публики. На то может быть множество причин, но, скорее всего, автор просто сумел затронуть чувства людей. На такое способны и актеры, и фотохудожники, и даже некоторые политики.

В настоящее время – раньше подобного не бывало – все больше входит в моду эмоциональная стерильность. Отчужденность как литературный прием. Его не раз использовали в самых замечательных произведениях. И все же только чувства способны открыть читателю путь к полному единению с книгой.

Говорит книга

У книги есть свой голос. Негоже писателю вещать от ее имени. Книга сама заговорит с тем, кто захочет ее прочесть. Как может автор брать на себя роль посредника! Он написал ее – и довольно, не к чему лезть в толкователи.

И не старайтесь делать из книги то, чем она не является. Не пытайтесь открыть читателю глаза, не заставляйте его видеть несуществующее нечто, угодное вам – это некрасиво.

Создал произведение – и молчи. Раз люди прочли его по-своему, будет дурным тоном убеждать их, будто следовало читать иначе. У читателей тоже есть очки, у каждого свои.

Зачем сопровождать литературное произведение инструкциями? Читатель имеет полное право перекраивать его, собирать и разбирать, использовать по собственному усмотрению.

Писать нелегко. И ни один автор не может быть уверен, что в конечном счете у него получилось именно то, что он хотел. Но что написано, то написано, постфактум дела не поправишь. Постфактум могут высказываться лишь критики да публика. Не считая, разумеется, свою точку зрения непреложной, ведь на белом свете сколько людей, столько и мнений.

Жуан Даниэль Безсонофф

Из *книги* "Карманная *страна*"

Перевод Александры Гребенниковой

Лливия де Конфлент

Если Жан-Даниэль Безсонофф родился в Перпиньяне 15 сентября 1963 года, то Жуан Даниэль Безсонофф-и-Монталат родился в Каталонском летнем университете городка Прада де Конфлент 15 августа 1985 года. Я как сейчас помню комнату в общежитии лицея Ренувье у серого и каменистого горного склона. Я жил там вместе с двумя валенсийцами: одного звали Энрик Таррега, а другого Рамонет, двумя барселонцами — по имени Микель Анжел Видал и Микель Рока-и-Прадес, и Антони Дураном, пожилым мужчиной из города Гранольерс.

Рамонет, большой любитель каталонского телеканала TV3, целыми днями мне о нем рассказывал. Ему казалось, что телевидение принесет спасение каталанскому языку во всех тех краях, до которых доберутся его волны. Стоило Рамонету встретить на улице конфлентского крестьянина, он тут же спрашивал:

© Joan Daniel Bezsonoff, 2009
© Joan Daniel Bezsonoff, 2010
© Александра Гребенникова. Перевод, 2010
Фото Florenci Salesas.

– Как тут у вас насчет TV3?

Старик с улыбкой отвечал:

– Я что-то не пойму, о чем вы...

Третий канал каталонского телевидения, сыгравший такую значительную роль в утверждении позиций каталанского языка в испанском регионе Каталония, был гораздо менее важен для каталонцев, живущих к северу от горного массива Альбера. Когда каталонское телевидение пришло в наши дома, смотреть его могли немногие, по вине великого французского писателя генерала Де Голля. Он потребовал, чтобы во Франции была независимая система цветного телевидения. Так что Франция, страны Восточной Европы и бывшие африканские колонии используют систему передачи и приема цветовой информации Секам, а не Пал, как прочие страны мира. Очень немногим из моих знакомых было доступно TV3.

Большинство местных жителей стали смотреть каталонское телевидение, когда по нему начали повторять трансляции матчей с участием команды Перпиньяна по регби. TV3 – это канал испанского телевидения на каталанском языке, который работает согласно мадридскому, а не европейскому распорядку дня. Обилие рекламных пауз, и постоянные ссылки на испанскую действительность, и то, что некоторые участники программ говорят по-испански, непривлекательно для потенциальных зрителей, живущих в Северной Каталонии и Алгере. Не все каталонцы – подданные короля Испании. Какое рыбаку из Кольюра или булочнику из Прада дело до поезда, который не прибыл вовремя в Альбасете, или до газового баллона, который взорвался в Бургосе? Почему каждый раз, когда я смотрю выпуск новостей по TV3, в нем есть упоминание о взорвавшемся в Бургосе газовом баллоне?

Из *книги "Французское воспитание"*

Перевод Александры Гребенниковой

Пролог

Я всегда с недоверием относился к истории литературы. Биография автора для меня совершенно не важна. Я в этом уверен с пятнадцати лет. Представьте себе строку:

"Клара, милая, я люблю тебя".

Хороший студент скажет: "Для того чтобы выразить силу своей любви, поэт поставил имя возлюбленной на первое место..."

Если же поэт вдруг напишет "Я люблю тебя, Клара, милая", студент заметит: "Для того чтобы выразить силу своей любви, поэт уделил имени возлюбленной центральное место..."

Представим себе, в конце концов, что поэт решил написать "Милая, люблю тебя, Клара". Хотите знать, что на это ответит хороший студент? С подобной точки зрения, любые комментарии по поводу моей книги излишни.

Жузеп Мариа Муньос долго настаивал, чтобы я написал эту книгу. Кому интересно мое существование? Я не воевал, как оба моих деда. У меня нет детей. Мою жизнь легко спутать с историей написанных мной книг. Упрямый, терпеливый, непереубедимый Муньос помог мне понять, что автобиография моих размышлений может напомнить людям, что есть и такие каталонцы, дед которых не участвовал в гражданской войне в Испании и которым "формирование национального сознания" знакомо только по песне Жуана Мануэля Серрата[1].

Четверть века спустя после смерти Генералиссимуса[2] в школах Женералитата[3] у детей Каталонского автономного сообщества нет ни одного предмета, посвященного нашим каталонским землям, оставшимся "за пределами испанского королевства". Единственное упоминание о них можно встретить в разделе диалектологии, в учебниках по каталанскому языку. Что уж говорить об учебниках, по которым учатся дети, живущие на Балеарских островах и в Валенсии?

Многие мои друзья — писатели. Один валенсийский журнал уже заказал им статьи о моем творчестве. Но я не могу попросить их написать к этой книге пролог... "Французское воспитание" — не автобиография, хотя я и говорю постоянно о себе. Не кажется мне она и этнографическим эссе, в котором я пытаюсь описать традиции, ароматы, красоту исчезнувшей страны. Благодаря профессии моего отца, да и моей собственной, я прожил семь жизней, как русские коты[4]. В детстве я катался на лыжах в Альпах, бегал по берегам Рейна, соби-

1. Жуан Мануэль Серрат (р. 1943) — выдающийся испанский музыкант. (*Прим. ред.*)
2. Речь идет о генерале Франко (1892–1975), диктаторе Испании (1939–1969). (*Прим. ред.*)
3. Женералитат — институционная система, в рамках которой организовано политическое самоуправление Каталонии. (*Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, – прим. перев.*)
4. Вероятно, автор подразумевает поговорку: "У кошки девять жизней", но неправильно ее цитирует и считает ее русской. (*Прим. ред.*)

рал ракушки на пляжах Ла-Манша и выучил язык, чудом сохранившийся на побережьях Прованса. В те допотопные времена без Интернета, мобильных телефонов, ксерокопий и кредитных карточек поезда шли пятнадцать часов от Перпиньяна до Парижа, и нужно было ждать в очереди три или четыре года, чтобы тебе поставили домашний телефон. Певцы умели петь. Произношение французских актеров было безупречным. Кино пробуждало мечты. Жандармы просили у вас документы голосом Фернанделя. Фары машин светились желтыми огнями, а названия улиц были написаны белыми буквами на синих табличках. Коровы ели траву. Железнодорожники объявляли о прибытии поездов с местным акцентом. Дети верили в существование Деда Мороза. Почтальоны разносили письма два раза в день. Все покупали продукты в магазинах в центре города, а не в супермаркетах, которых вообще не было. Никто не поджигал машины в ночь под Новый год. Мышонок оставлял монетку под подушкой у малыша, когда у того выпадал первый молочный зуб. Президент Республики издавал антологии поэзии, и все каталонцы умели говорить на своем родном языке.

Кастильский язык

Когда я был маленьким, я думал, что испанцы говорят по-каталански, и только испанцы "из глубины Испании" — по-кастильски. Испанский язык по-каталански называется кастильским, и мы произносили слово "кастильский", как и многие другие слова в нашем диалекте, выделяя звук "и". В Нилсе, где я жил, почти все говорили по-каталански, а испанского языка никто, кроме моего дяди, моей матери и Антонио Марины, родом из Мурсии, не знал. Дед учил испанский в институте (тогда он назывался *Высшей школой*), но говорил на нем с очень заметным каталанским акцентом. Он часто читал мне наизусть испанскую басню "Канарейка и мальчик", авторство которой мне не удалось установить. Если кто-то из читателей знает, кто ее автор, пусть пишет мне в редакцию.

Канарейка отвечала.

Письма своей бабушке в Матаро он писал на испанском языке, то есть на нилском его варианте. Он звал ее ни на "ты", ни на "вы", а употреблял архаическую форму "vos"[1].

1. Речь идет о форме, часто используемой как "вы" по-каталански. Примерным эквивалентом употребления "vos" в современном испанском языке (в Испании) было бы "Ваше Сиятельство".

– Любезнейшая бабушка, в знак моего высочайшего почтения...

В сентябре 1977 года я начал учить испанский язык. Моей учительнице – сеньорите Фреу – было двадцать четыре года, и глаза у нее были круглые, черные и всегда смеялись. Она была просто прелесть. Я сразу полюбил испанский, эту смесь каталанского и португальского языков, в скрещении с арабским.

– ¿De qué color es el cielo? – ¿La casa es azul? – No, señorita, la casa es blanca. – La clase de matemáticas es un auténtico suplicio. – Mi mamá me acompaña cuando voy al cine...[1]

Какой простой язык! Я все понимал, кроме обращения на "вы", потому что в Руссильоне спрягали глаголы совсем по-другому, да и вообще часто обращались друг к другу на "ты". Я нередко говорил с сеньоритой Фреу о Каталонии. Она дала мне послушать пластинку Раймона с песней "Гора стареет". Эта песня мне ни чуточки не понравилась.

После двух лет изучения испанского, я уже мог поддержать разговор с сезонными работниками у дедушки на винограднике и понимал слова испанских песен Луиса Мариано, таких как, например, "Гранада" или "Трактирщица в порту".

Моей второй учительницей испанского языка была сеньора Делорм. Блондинка сурового вида с низким голосом. Ей сразу стала очевидна моя страсть к ее предмету, и она дала мне почитать две книги: "Немые народы, одинокие голоса"[2] и, самое главное, "Ничто" – великий роман Кармен Лафорет. Огромное богатство языка представляло для меня некоторую сложность, но я полюбил печаль этой книги и описания ночной Барселоны. В то время меня не удивляло, что я умел читать по-испански, но никогда не читал по-каталански. Язык деда с бабушкой был для меня деревенской, устной речью, такой же драгоценностью, как старинная мебель. Сеньора Делорм заставляла нас работать не покладая рук. Прочитав текст Мигеля де Унамуно, мы должны были написать сочинение на тему: "Я не хочу слышать о людях, говорящих на книжном языке. Предпочитаю книги, говорящие по-человечески"[3]. Мы учили стихи Федерико Гарсиа Лорки, Мачадо, Мигеля Эрнандеса и даже прочитали первую главу "Дон Кихота". На устном выпускном экзамене я рассказал

1. "*– Какого цвета небо? – Это синий дом? – Нет, сеньорита, этот дом белый. – Урок математики – сплошная мука. – Когда я иду в кино, мама идет со мной*" (*исп.*).

2. Точное название книги мексиканского автора Виктора Альба, которую имеет в виду автор: "Латинская Америка: одинокие голоса, немой народ" ("América latina: voces sin pueblo, pueblo sin voces").

3. "Cuando me hablan de un hombre que habla como un libro, yo digo que prefiero los libros que hablan como hombres" (*исп.*) – известная фраза испанского философа, прозаика, поэта, драматурга, ректора Саламанского университета Мигеля де Унамуно (1864–1936).

отрывок из "Уаси-пунго" Хорхе Икаса[1]. Мне поставили отличную оценку (18 баллов из 20), и экзаменатор сказал:

— *Te felicito...*[2]

С того момента я начал много читать по-испански. Я покупал книги в книжной лавке "Сорбонна" в Ницце или в испанских книжных магазинах Парижа, на улице Мосье Ле Пренс (на которой родился Шарль Азнавур) или на улице Сены. Там продавали гамбургеры, жареную картошку и кока-колу... Я был в восторге от "Регентши" Кларина, от "О героях и могилах" Эрнесто Сабато, от "Любви во время чумы" Габриэля Гарсиа Маркеса.

Ален Марти, мой преподаватель испанского языка в лицее Массена в Ницце, походил на Джерри Льюиса[3]. На Джерри Льюиса, хорошо одетого и не кривлявшегося. Он постоянно ходил между столом и железным шкафом, который стоял у двери и был забит классической испанской литературой. Когда ему хотелось, он говорил на изумительном испанском языке. Он говорил, что для него вся сущность испанского языка — "lo castizo"[4] — заключается в романе "Треугольная шляпа" Педро Антонио де Аларкона. Из всех своих учителей я никого так не обожал. С ним мы окунулись в испанское Средневековье, золотой век: "Стансы на смерть отца" Хорхе Манрике — старинные испанские романсы. Их изумительные строки — "Mañanita de San Juan, / mañanita de primor, / cuando damas y galanes / van a oír misa mayor"[5]. Мне передавалось вдохновение профессора Марти, когда он объяснял нам значение "Ласарильо с Тормеса": "Попросту говоря, был он настоящим орлом в своем ремесле"[6]. Лучшие минуты месяца наступали тогда, когда сеньор Марти правил наши переводы с французского на испанский язык. Предлагаемая им версия всегда отличалась изяществом и точностью выражений.

К тому времени я уже знал испанский язык в совершенстве, но говорил на нем с ярко выраженным французским акцентом. Я решил провести лето в Саламанке, чтобы научиться

1. Хорхе Икас (1906—1978) — эквадорский писатель; "Уаси-пунго" (1934) — его первый роман. (*Прим. ред.*)
2. *Поздравляю...* (*исп.*)
3. Джерри Льюис (1926) — американский актер, комик, режиссер и писатель. (*Прим. ред.*)
4. "Исконный, коренной, чистый, правильный" (о языке) (*исп.*).
5. В дословном переводе "Утром в день Ивана Купалы, / безупречным ранним утром, / когда дамы и кавалеры идут к мессе". Особая прелесть этих стихов заключается в том, как они звучат по-испански.
6. Здесь автор приводит, практически дословно, фразу из Главы VII "Истории жизни пройдохи по имени Дон Паблос, примера бродяг и зерцала мошенников" Франсиско де Кеведо. — Л.: Худож. лит., 1980. Перевод К. Державина, под редакцией И. Лихачева.

разговаривать как следует. Целью моего первого разговора с таксистами в аэропорту Барахас было договориться о цене поездки в Саламанку. Я их почти не понимал. От них пахло дешевым одеколоном, у которого был такой же приятный запах, как у лосьонов Артура, дедушкиного брадобрея из города Фигереса. Я даже засомневался, не по-португальски ли они говорят... Я понимал одно слово из четырех. В конце концов, я очутился на главной площади Саламанки. Мне было известно, что в Испании обедают совсем не в то время, в какое принято обедать в Европе. Поэтому я осведомился:

– *Por favor señor ¿cuándo se come aquí?*

– *Coño, cuando se tiene hambre...*[1]

В тот день мне открылась бездна, зияющая между литературным и разговорным испанским языком. Я выучил некоторые необходимые слова и выражения, как например "deja de joder; no me jodas; mamón"[2] и так далее. Испанцы использовали слова "joder" и "coño"[3] в каждой фразе. Это походило на английское ругательство Goddam, описанное Фигаро: "Дьявольщина! До чего же хорош английский язык! Знать его надо чуть-чуть, а добиться можно всего. Кто умеет говорить goddam, тот в Англии не пропадет. Вам желательно отведать хорошей жирной курочки? Зайдите в любую харчевню, сделайте слуге вот этак (показывает, как вращают вертел), god-dam, и вам приносят кусок солонины без хлеба"[4]. Жители Саламанки часто спрашивали меня, откуда я родом. Старик покультурней остальных с ученым видом прочитал мне нотацию:

— Так... Раз ты из Перпиньяна, значит, каталонец. Раз каталонец, значит, испанец, не отрекайся от родины, мать твою...

Каталанский язык

> Никому не приходит в голову разрушать соборы. Наш язык ценнее всякого собора. Почему же столько людей пытаются его расшатать...
>
> Жуан Бодон

Когда я был маленьким, я чувствовал себя французом и каталонцем, каталонцем и французом, как и все дети моего поколе-

1. — *Простите, сеньор, в какое время дня здесь обедают? — Когда пожрать охота...* (*исп.*)
2. Ненормативная лексика: "отъебись; ёб твою мать; мудак".
3. Ненормативная лексика: "ебать" и "пизда".
4. Бомарше "Безумный день или женитьба Фигаро". Перевод Н. Любимова.

ния, родившиеся в Руссильоне у родителей-каталонцев. В моем случае, смесь была чуть-чуть посложнее. Если бы, как в Испании, у меня было две фамилии[1], все было бы гораздо проще. Фамилия Монталат, очень распространенная в Ампурдане, служила бы противовесом фамилии Безсонофф. Представьте себе, каково быть каталонцем по фамилии Безсонофф, с двумя "ф". Русским эмигрантам казалось, что двойная "ф" дает фамилии более французскую окраску, чем "в", которую используют сейчас все. Если бы мой дед Михаил Трофимович эмигрировал на несколько лет позже, меня бы звали Бессонов.

Мой отец — каталонец со стороны матери, Жанны Бо-и-Пужол. Моя мать — чистая каталонка: Монталат-и-Бриал.

В то время Руссильон был еще каталонской землей, а не придатком провинции Лангедок. Город уже перешел на французский язык, и лавочники, как, например, господин Бонмезон с Театральной улицы, говорили на каталанском языке, достойном водевиля. Бабушка и дед обращались к моей матери по-каталански, а та отвечала им по-французски. Non mais! Со мной они разговаривали чаще всего по-французски, вставляя, время от времени, каталонские слова и выражения... Я иногда говорил фразу-другую на нашем языке, как, например: " В этой деревне вкусно кормят" или "Достань бутылку, пить хочу".

Бабушка с дедом смеялись, довольные и несколько обеспокоенные тем, что им достался такой странный внук... Когда мои родители развелись в конце 1969 года, я несколько месяцев прожил в Нилсе. К концу этого периода я уже с легкостью понимал диалект каталанского языка, на котором говорят в Руссильоне, Вальеспире и Конфленте. Я понимал и дядю Жака из Сальягозы, но он употреблял необычные слова... Стремление к истине заставляет меня признать, что изучение испанского языка помогло мне понимать каталонцев, живущих по ту сторону границы, так же хорошо, как и живущих к северу от горного массива Альбера. Когда я выучил в школе выражение "lo siento", я понял, что оно означает не "я это слышу", а "простите". Я стал понимать фразы, не имевшие для моего деда или бабушки никакого смысла. Такое предложение, как, например: "Он купил билет в кассе, сел в кресло и дал чаевые служащей кинотеатра, которая знала фильм наизусть еще до его начала" — звучит совсем по-разному в устах испанских и французских каталонцев. В пятнадцать лет я

1. В Каталонии, особенно в испанской ее части, к фамилии отца ребенка в документах присоединяется фамилия матери. Обе фамилии обычно соединяются союзом "и". Если бы Жан-Даниэль Безсонофф родился в испанской Каталонии, его бы звали Жуан Даниэль Безсонофф-и-Монталат, потому что фамилия его матери была Монталат.

уже знал, что практически все слова, которые вошли в язык после подписания Пиренейского трактата[1], на территории Франции были заимствованы из французского и окситанского языков, а на территории Испании — из испанского. Мы можем быть этим недовольны, но это так. Совпадают только "бутерброд" и "выходные", чудом спасшиеся из костра истории. До семидесятых годов каталанский был языком моей родины. Языком любви, смерти, политики, игры, боли и радости. На нем говорили дома, в магазинах, на улицах, в автобусе, с посторонними.

Годы проходят. Каталонцы умирают. Приезжают люди с севера Франции, из Африки, из России. Зачем сенегальцы и русские станут учить язык, которого стыдятся говорящие на нем в кругу своих, в кругу родственников и друзей? Последние из каталонцев читают каждый день французскую газету "Индепендант", смотрят по телевизору матчи руссильонской команды по регби и один за другим исчезают, как звуки и слова нашего родного языка. Их внуки учат каталанский язык на уроках — каталанский язык школьных учебников и телевизионных образовательных программ — и говорят на нем с акцентом Лангедока. Им не знакомы каталонские названия деревень, рек и гор. И они в этом не виноваты. С жалобами и предложениями обращайтесь к выпустившей из них кровь французской республике, и к испанской армии, которой не удалось отвоевать эти потерянные земли...

Языки Франции

> Знакомый нам окситанский язык не может быть "спасен". Лингвистические атласы будут закончены как раз к тому моменту, когда они превратятся в мемориалы, которые мы сможем посетить, чтобы полюбоваться покоящимся в них мертвым телом.
>
> Роберт Лафонт

Когда я был маленьким, я думал, что французы говорят на двух языках: по-французски и по-каталански. Когда мы переехали в Брайзах, я обнаружил, что во Франции, на другом бе-

1. Пиренейский трактат (1659) — мирный договор между Францией и Испанией, завершивший войну между ними, начавшуюся в 1635 г. как часть Тридцатилетней войны (1618–1648) и продолжавшуюся после Вестфальского мира в 1648 г. По условиям договора Испания уступала Франции графство Руссильон и все каталонские деревни к северу от Пиренеев. (*Прим. ред.*)

регу Рейна, французы изъяснялись по-французски и по-немецки. Немецкий язык, в эльзасском его варианте, был моим вторым "региональным" языком. В двенадцать лет я приехал в Канны и узнал о существовании окситанского. Как многие города Южной Франции, Канны забыли свой язык в семидесятых годах. За двадцать лет я слышал провансальский язык — таково местное и традиционное название наречия Лангедока — всего несколько раз. Я шел по проспекту Монте-Карло, окутанный запахом мимоз горного массива Таннерон, когда, на террассе кафетерия, находившегося на углу улицы Трубадуров, я вдруг услышал, как на провансальском языке говорили старик и мужчина лет сорока пяти. Это был нежный, сладкий, возможно, немного приторный язык. Они перешли на французский, когда к ним подошла жена сорокапятилетнего: "Je te présente ma femme"[1].

В то же время я пел со своими родителями в хоре Театра Оперетты Каннов. Мы выступали на сценах всего Лазурного Берега с классическими фрагментами из французских и венских оперетт, начиная от Иоганна Штрауса-сына и кончая Францем Легаром, захватив по дороге Андре Мессаже. Мы пели в старом здании Дворца фестивалей Каннов, в театрах Жуан-ле-Пена, Ментона, Грасса и даже Дина. Я все еще помню арии Вероники, Фифи, Графа Люксембургского. На барабане играл Морис, родом из Грасса. Он любил поговорить по-провансальски с *Месье* Полем. Директорша, госпожа Луиза Пале-Мартинон, как-то сказала моей матери, что театральным компаниям маленьких городков просто необходим дурачок, приносящий удачу. В Ницце буржуазия продолжает говорить на провансальском языке, называя его "ниццким". Считая, что наречие Лангедока дало им особенный статус в обществе, они продолжают говорить на нем в узком кругу. Ниццкий диалект, более консервативный, чем провансальский, в котором исчез звук "т" на конце причастий прошедшего времени, для каталонца достаточно прост. Я говорил по-каталански с жителями Ниццы, и они с легкостью меня понимали. В начале девятнадцатого века молодежь читала "Рене" Шатобриана. Для меня было величайшим удовольствием читать "Окситанский язык" Пейре Бека. Эта книга переведена на каталанский.

Одним из лучших моментов недели был просмотр передач местного телевидения на провансальском языке. Микела Брамерия и Жуан-Франсеск Гегано давали окситанскому языку

1. "Познакомься, это моя жена" (*франц.*).

талантливое и естественное оформление. Они перевели "Приключения Тинтина"[1] на язык Фредерика Мистраля. Чтобы улучшить мои познания, я недавно прочитал "Семь стеклянных шаров" в переводе на русский. В университете я ходил на уроки окситанского языка. Профессор Пьер Вулан открывал нам неизведанные области национальной литературы, а профессор Адольф Виани помогал распознавать тонкости театра Франсиса Гака. В самом разгаре несчастной любви мне пришел на выручку товарищ по несчастью из девятнадцатого века, когда я прочел книгу стихов Теодора Обанеля "Полуоткрытый гранат": "За нею, безутешный, я бежал / И тщетно повторял родное имя".

К сожалению, я никогда не был в областях Бретани, оставшихся верными своему языку, но как-то раз услышал разговор между двумя морскими офицерами в столовой Военной школы в Париже. Какой же это был язык? Венгерский? Финский? Эсперанто? Албанский, может быть...

Я спросил у одного из них по-французски: "Прошу прощения, я каталонец и интересуюсь изучением языков. Скажите, пожалуйста, на каком языке вы говорите?" Оказалось, на бретонском.

Первые шаги в баскском языке я сделал с помощью карманного издания "Хочу все знать" и диска, записанного Луисом Мариано в конце шестидесятых годов. Это не лучший его диск, но на нем он поет "Биарриц", замечательную песню. Слушая трели Луиса Мариано, я догадался, что "Agur Donibane" означало "Прощай, Сан-Жан де Люс", поскольку Доностия — баскское название Сан-Себастьяна.

1. "Приключения Тинтина" — серия популярных бельгийских комиксов. Были переведены на 50 языков и экранизированы. (*Прим. ред.*)

Щавьер Терос

F*estum* C*atalanorum*[1]

Перевод Надежды Беленькой
Под редакцией Нины Авровой-Раабен

I. К*аталонская душа*

Если существует душа русская, то, наверное, есть и каталонская, хотя бы потому, что мы, каталонцы, должно быть, дольше других народов раздумываем о том, какой же у нас на самом деле национальный характер. Размышления по поводу того, как и почему мы стали такими, какими являемся сейчас, не дают спать нашей маленькой стране, которая лишена возможности быть государством. Несмотря на все наши усилия, единственной национальной чертой, которую нам удалось четко определить, стало сочетание двух крайностей: *здравого смысла* и *одержимости* (ответственности и безумия), о котором мы так любим упоминать. Именно из-за этого наши праздники выглядят несколько странно. Традиционные каталонские торжества — это смесь трезвеннических обычаев образцовых граждан и едва сдерживаемого безумия. Мы сдержанны и серьезны по призванию, и празднества в нашей стране никогда не выходят за пределы того, что принято считать хорошим тоном. Несмотря на то что нас отличает язвительность и саркастич-

© Xavier Theros, 2010
© Надежда Беленькая. Перевод, 2010
1. Каталонские праздники (*лат.*).

ность и мы очень любим к месту и не к месту в разговоре затрагивать тему испражнений, каталонцам не нравится представать перед другими в смешном свете. Эту нашу черту необходимо учитывать для понимания всего того, о чем я расскажу ниже.

II. О *благотворных свойствах воды*

Широко известно, что возрождение народных праздников совпало с движением за восстановление национальной культуры и литературы, которое называлось "Ренайщенса", когда фольклористы и писатели заговорили о праздниках как о наследии, которое необходимо сохранять.

Тогда же родилась и еще одна типичная особенность каталонской культуры: страсть к созданию разнообразных сообществ (вероятно, этим и объясняется внушительное количество неправительственных организаций на территории нашей страны). У нас есть ассоциации любительского театра и народных танцев, краеведческие клубы — сообщества на любой вкус. Самые показательные примеры в этой области — возникновение хоров Клаве и ансамблей танцоров.

Ансельм Клаве был барселонским токарем, который жил в середине XIX века, страдал близорукостью и исполнял в тавернах песни собственного сочинения. Основной социальной проблемой в то время было пристрастие к алкоголю, распространенное среди представителей рабочего класса, которые собирались вместе, чтобы пьянствовать. Клаве — приверженец умеренных социалистических идеалов — объединял рабочих, чтобы отвлечь их от выпивки, и заставлял разучивать песни, воспевающие нашу землю и ее прошлое. С тех пор сдержанные взаимоотношения с алкоголем, вплоть до своеобразного культурного табу, стали еще одной характерной национальной чертой. Каталонцы не любят пить в общественных местах. Наши праздники, как правило, не сопровождаются возлияниями посреди улицы. Этот поведенческий обычай — возможно, не лишенный некоторого лицемерия — объясняет важную особенность каталонского характера. В семье не пьют; застать члена семьи за пьянством считается своего рода позором; если же во время вечеринки кто-то из членов семьи выпил лишнего, родственники объяснят его состояние расстройством пищеварения или случайной дурнотой. По этой причине в Каталонии трудно найти вино или более крепкий спиртной напиток, который бы являлся непременным атрибутом какого-либо праздника. А в тех редких случаях, когда это происходит, — например, во время праздника Патум в Берге, участники которого употребляют смесь муската и анисовой водки, — многие местные жители,

а также городские власти из года в год выражают по этому поводу свое недовольство. В результате тех, кто употребляет алкоголь для достижения вожделенной эйфории, с каждым годом становится все меньше. И это несмотря на то, что пословица "Кровь играет от вина, от воды мокредь одна" по-прежнему жива.

родило бы какой-нибудь народный танец, типичный именно для своей области. Отметим также, что танцы возле источников воды связаны с проявлением истинно каталонского духа. Каталонские селения традиционно располагались на местах, где много воды, наши крестьяне всегда восхваляли ручьи, источники

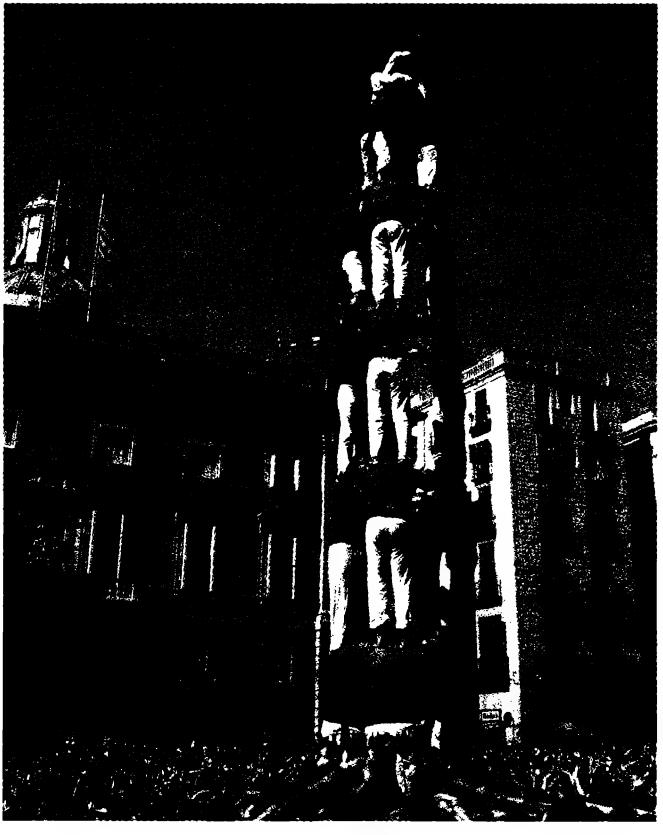
В отличие от хоров ансамбли народных танцев вышли из каталонской провинции, а именно из округа Озона, где молодежь собиралась вместе, чтобы потанцевать возле источника. Постепенно эти танцевальные коллективы стали возрождать старинные танцы. "Если нам не дают разговаривать по-каталански, будем танцевать по-каталански", — утверждали члены первых таких сообществ. В наше время трудно найти селение, которое не имело бы своего народного ансамбля и не воз-

и чудесные свойства воды в целом. Рассуждать и спорить о свойствах воды из того или иного ключа — очень по-каталонски, во времена наших дедов этот обычай порождал яркую полемику. Сказано же в пословице: "Вода открывает глаза".

III. *Запреты и сопротивление*

Сразу после окончания Гражданской войны (1936–1939) для каталонской культуры на-

ступили тяжелые времена. Диктатура генерала Франко запретила язык и любые проявления национальной самобытности, не укладывающиеся в рамки, установленные победителями. В разгар войны был запрещен карнавал, а с начала 1939 года подверглись гонениям танцы и местные праздники. Как только диктатор умер — это случилось в 1975 году, — возрожденные праздники стали символом свобод, восторжествовавших в стране. В первые годы новой демократической монархии каталонское общество стало отстаивать свои политические и национальные права, а одновременно с ними народные обычаи. Однако многие из праздников так долго не проводились, что в большинстве случаев утратили свое значение и содержание. С другой стороны, во всей стране стали популярны обычаи, которые изначально были присущи только одному определенному округу. Самый яркий пример — Ассоциации кастельерс — групп гимнастов, строящих живые пирамиды. Раньше эта традиция существовала только в провинции Таррагона, однако с приходом демократии повсюду появились такие группы, которые теперь соревнуются между собой: устраивается что-то вроде чемпионатов игрового и спортивного характера — кто построит самую высокую и хитроумную башню.



В таких ассоциациях часто принимают участие целые семьи. Участники представления сооружают многоэтажную живую башню, становясь друг другу на плечи (самые высокие из них состоят из девяти и даже десяти этажей, а их высота достигает 13 метров). На каждом уровне располагается определенное число участников, и чем выше этаж, тем моложе гимнасты. Башня считается завершенной, когда самый младший участник — его называют анчанета — влезает на самый верх башни и поднимает руку. (Это сопряжено с определенным риском, поэтому в последние годы на голову ребенка обязательно надевают защитный шлем). Живые башни воздвигаются в дни праздников на центральной площади, звуки гральей (сельских гобоев) призывают всех желающих строить основание башни. Затем, пока участники группы карабкаются друг другу на плечи, сооружая этаж за этажом, наступает тишина, поскольку и публика, и гимнасты боятся, что башня развалится. По традиции, побеждает та команда, чья башня была выстроена по всем правилам, имела большее число этажей и была последовательно разобрана. Как и в случае сарданы, которая считается символом единения и братства, Ассоциации кастельерс являются воплощением совместной деятельности: участники крепко держатся друг за друга, становясь живым символом каталонского характера, чертами которого являются склонность к совместной деятельности и гражданственность.

IV. *Зимние праздники*

Как и в большей части современного мира, вершиной годового праздничного цикла является Рождество, зимний праздник, которому нет равных. По традиции в Каталонии праздники начинаются 13 декабря, в День святой Лусии. На специальных базарах начинают продавать фигурки и декорации для рождественских вертепов, представляющих собой подобие диорамы, изображающей сцену рождения Христа, а также рождественские елки и различные украшения. Обычай устанавливать дома рождественский вертеп родился на севере Италии и сейчас распространен на Иберийском полуострове. Лишь один персонаж этой традиционной сцены является исключительно каталонским изобретением. Эта фигурка изображает человека, который сидит на корточках, чаще всего с курительной трубкой во рту и со спущенными штанами, и преспокойно справляет нужду, бесстыдно обнажив перед зрителем свой зад. Таким "засранцем" может быть кто угодно: пастух, земледелец, президент страны, Папа Римский или звезда футбола. Подобное разнообразие вдохновляет множество коллекционеров, которые в день открытия рождественских базаров отправляются на поиски новых фигурок.

Традиция вертепов породила еще один современный обычай, который называют "живым вертепом". Глиняные фигурки заменяют люди, местные жители, которые час за часом проводят в неподвижности, изображая Деву Марию, Иосифа, жестоких солдат Ирода. Другое народное зрелище – театральная пьеса "Пастушки" – смешная и наивная история для детей, в которой пастухи обманывают дьявола. По мере приближения Рождества дети получают лакомства и маленькие подарки, которые извергает волшебное полено – тио. Дети просят его "покакать" и стучат по накрытому одеялом бревну палкой, а потом достают из-под одеяла подарки. Этот ритуал повторяется несколько раз в предрождественские дни, и сласти, которые получают дети, представляют собой некое подобие задатка, предвещающего более крупные рождественские подарки, которые принесет ребятишкам этот примитивный рог изобилия. Совершенно очевидно, что, как и в случае с фигуркой "засранца" в вертепе, истоки этого обычая уходят в древние культы плодородия. Увлечение подобными играми с дерьмом превращает каталонцев в народ, которому удалось сохранить архаичное чувство юмора, присущее Средневековью, когда крестьяне воспринимали дерьмо как дар божий. Даже сейчас одна из самых популярных каталонских пословиц гласит: "От дерьма в горах не пахнет, даже если палкой тронешь". Настоящая ода природе и деревенской жизни! Нет сомнений, что волшебное бревно – обычай исключительно сельский и прибыл в Барселону всего несколько десятилетий тому назад.

В конце года – 31 декабря – появляется Носач (персонаж, у которого столько носов, сколько дней в году), а когда в полночь бьют часы, люди съедают 12 виноградин – по одной с каждым ударом колокола. По традиции в эту ночь надевают нижнее белье красного цвета, поскольку это хорошая примета, которая сулит удачу в новом году.

Есть зимой и другие, менее известные праздники. Одним из них является День святого Антония – покровителя ослов и прочих домашних животных. Отмечается он 17 января и считается самым холодным днем в году.

V. *Весенние праздники*

Безусловно, главное весеннее событие для всего западного мира – это Пасха. Но в отличие от соседней Испании, каталонская Святая неделя не отличается ни многолюдными процессиями, ни роскошью скульптурных композиций, изображающих Страсти Господни. После исчезновения в 60-е годы мрачной процессии, участники которой несли на плечах помост со скульптурной композицией "Распятие", в Барселоне исчезли последние следы местных кающихся грешников в островерхих ка-

пюшонах. Сейчас процессии кающихся малочисленны и не привлекают интереса публики. Исключение, пожалуй, составляют лишь процессии в Льейде и Жироне: в обоих случаях участники этих процессий переодеваются римскими легионерами. В то же время, под воздействием эмигрантов из Андалусии, во многих местах, особенно на окраинах Барселоны, устраиваются шествия, подобные тем, что проводятся в Севилье и Малаге. Однако именно на территории Каталонии сохранилась средневековая Пляска Смерти. Эта традиция практически исчезла в Европе, но живёт в городке Вержес в провинции Жирона. Группа танцоров в костюмах скелетов шествует по улицам под печальный ритм барабанного боя под флагом, надпись на котором гласит: "Nemini Parco" ("Смерть никого не пощадит"). В эти же дни в городах Эсперрагера, Сервера и Олеса можно увидеть Страсти Господни, народное театральное представление, которое воспроизводит последние часы жизни Христа. В этих представлениях принимают участие все желающие.

Каталонская Святая неделя начинается в воскресенье, предшествующее пасхальному и посвященное прибытию Христа в Иерусалим. В этот день крестные дарят своим крестникам пальмовую ветку: девочкам — причудливо заплетенную, а мальчикам — прямую. Ветви украшают гирляндами из сладостей. В последнее время к сухим пальмовым веткам добавляют ветки лавра и оливы, которые в этот день кропят в церкви святой водой. Еще в этот день традиционно одеваются в новое, потому что, согласно пословице, "В цветоносное воскресенье, кто в старом, тот бездельник". После церковной службы дети стучат пальмовыми ветвями о каменные плиты. Затем, уже дома, пальмовую ветвь привязывают к перилам балкона, чтобы оградить дом от бед, и сохраняют там до следующего карнавала, когда прошлогодние ветви сжигают. Многие пожилые люди следуют исчезающей ныне традиции и утром в Святой четверг обходят как минимум девять церквей, чтобы прочитать в каждой из них пять молитв в память о пяти ранах Христа.

В отличие от наших испанских соседей, у которых главным днём Страстной недели является пятница, в Каталонии высшая точка пасхальной недели — это Понедельник Славы. В этот день на улицы выходят группы певцов в сопровождении барабанщиков и маленького духового ансамбля. Они ходят от дома к дому, распевая песни и собирая съестные припасы, чтобы затем устроить общую трапезу. Крестные дарят крестникам торт, украшенный шоколадным пасхальным яйцом. Во многих городах по улицам движутся процессии стрелков с мушкетонами, которые стреляют в воздух. Отличительной чертой этого дня являются книж-

ные ярмарки. По традиции мужчинам дарят книгу, а женщинам розу; однако с течением времени эта традиция несколько видоизменилась, и сейчас можно встретить мужчину с розой в руках и женщину с книгой, а то и с тем и с другим вместе.

Одно из последних весенних торжеств — праздник Тела Христова. Он празднуется через шестьдесят дней после Святой недели, которая по лунному еврейскому календарю не имеет точной даты. В этот праздник появляются два основных действующих лица всей каталонской праздничной культуры: великаны и большеголовые. Великаны представляют собой громадные трех- или даже четырехметровые фигуры, изготовленные из ткани, дерева и картона, внутри прячется человек, который заставляет фигуру идти или танцевать.

Большеголовые представляют собой огромную голову, которую взрослые и дети надевают на манер маски. Великаны изображают собой королей или персонажей, связанных с той или иной областью или районом, а большеголовые — это забавные существа из народного фольклора: старушки, крестьяне, демоны или священники. В других местах принято украшать улицы цветочными коврами, или помещать яйцо на бьющую вверх струю фонтана так, чтобы оно плясало в ней и не падало.

Наиболее многолюдно и ярко проходит праздник Тела Христова в городе Берге. Он называется Патум и находится под защитой ЮНЕСКО. Во время этого праздика пляшут "огнедышащие твари" — гигантские фантастические существа, сродни великанам, имеющие форму драконов. Нельзя забывать, что в каталонской мифологии дракон занимает совершенно особое место, и с давних пор это чудовище превратилось в обязательного участника многих праздников. В Каталонии "зарегистрировано" около семидесяти драконов. Все эти существа изрыгают огонь и следуют по улицам в сопровождении многочисленных Дьяволов — как правило, это юноши и девушки, одетые в костюмы из мешковины и вооруженные большими петардами или бенгальскими огнями, от которых во все стороны разлетаются искры.

VI. *Летние и осенние праздники*

Если зимние праздники связаны с плодородием, а весенние – с восстановлением сил после зимних холодов, летние праздники связаны с древними языческими обычаями солнцепоклонничества. Первый летний праздник – это Сант-Жоан, 23 июня. В ночь накануне праздника летнего солнцестояния устраиваются шумные народные гуляния и вечеринки, во время которых принято есть открытые пироги со шкварками, кедровыми орешками или тыквенным мармеладом, а также запускать петарды. Это очень яркий и шумный праздник, полный веселья и огня. В прежние времена принято было разжигать большие костры, куда бросали старую мебель и рухлядь, накопившуюся в продолжение года. Такие костры служили символом очищения и обновления, однако сейчас этот обычай почти утрачен. Это была волшебная ночь колдунов и колдовства, было принято собирать в полях травы, которые именно в эту ночь приобретали лечебные и чудесные свойства. Как говорится в пословице, травы с Сант-Жуана лечат весь год.

Также летом по всей стране празднуются дни городов – патрональные праздники, посвященные самому почитаемому святому, покровителю города. Для многих населенных пунктов это главный праздник в течение всего года. Обычно этот день приходится на середину августа, и такое положение в календаре способствует тому, что эти праздники более известны туристам и используются для демонстрации местного фольклора. В это время устраиваются ярмарки, спортивные состязания, танцуют сарданы, проводят театральные представления и концерты: выступления народных музыкальных коллективов, хоров Клаве, ансамблей народных танцев и кастельерс. Кроме того, организуются шествия с участием огнедышащих чудовищ, великанов и большеголовых. Также в эти летние дни во всех областях, говорящих по-каталански, включая Валенсию и Балеарские острова, устраиваются фейерверки – яркие зрелища с использованием пиротехники; многие города борются за право проведения таких праздников.

Другая особенность дней города – это определенные танцы под аккомпанемент барабанов и деревенских свирелей, однако в разных местах они именуются по-разному. Примерами таких танцев могут служить "Танец цыганок", который танцуют, сплетая и расплетая цветные ленты, привязанные к шесту, "Танец с обручами" (очень похожий на предыдущий, только его танцуют дети) и "Танец с палками" – его когда-то исполняли солдаты. И сейчас танцоры держат в обеих руках короткие трости и ловко манипулируют ими, так что

зритель видит сочетание фехтовального поединка с народным танцем.

Следующий годовой праздничный цикл – осенний: осенью отмечаются праздники, связанные с умиранием природы в период зимних холодов. Осенний цикл начинается Днем святого Мигеля (29 сентября), который совпадает с днем осеннего равноденствия. Именно в этот день начинают продавать каштаны и на улицах можно увидеть традиционных торговок каштанами, которые продают свой товар в маленьких деревянных киосках, которых с каждым годом становится все меньше. Большой осенний праздник – День Всех Святых, который отмечается 1 ноября. Традиционно в этот день люди ходят на кладбище и приводят в порядок могилы близких. Также в этот день принято устраивать трапезу, унаследованную от древних римлян, во время которой поминают умерших и едят жареные каштаны и батат. Другим традиционным блюдом являются панельетс – испеченные в духовке маленькие пирожные из марципана, покрытые кедровыми орешками. В этот день традиция позволяет некоторое послабление в отношении алкоголя – в Ночь Всех Святых принято пить сладкое вино: мускат или наливку, приготовленную из грецких орехов.

VII. *Современные праздники*

В общем и целом праздники в Каталонии обязаны своим существованием исследователям периода Ренайщенсы, а также всплеску энтузиазма 70-х годов прошлого века после смерти генерала Франко.

В настоящее время народные обычаи преобразуются под воздействием процесса глобализации. С одной стороны, существует центростремительная сила, которая способствует исчезновению культурных различий. Сейчас в Каталонии все реже ведутся споры о том, кто приносит подарки на Рождество – привычные для всей Испании Волхвы или каталонский тио; во многих семьях их уже давно раздает Санта-Клаус в красном тулупе с рекламы кока-колы, который разъезжает на санях. В последние годы к нам пришли и другие "заморские" праздники, например, американский Хэллоуин, который теперь празднуют почти во всех каталонских школах и который того и гляди вытеснит День Всех Святых.

Однако эра глобализации стала также мощным стимулом возрождения местных обычаев, что означает центробежный процесс, поэтому в последние годы появилось много новых праздников. Иногда они возникают на основе воспоминаний об утраченном празднике, а порой – просто на пустом месте. Это происходит обычно по инициативе группы местных жителей, которые нашли в подобном мероприятии способ рассказать об особенностях своей родины.

В то же самое время можно наблюдать взаимообмен между исконно каталонской культурой и культурой эмигрантов со всего света, прибывших в страну за последние десятилетия. Возможно, эти новые каталонцы преобразуют на свой вкус праздники будущего, сохранив те, которые им созвучны и близки, и уничтожив чужеродные; возможно они добавят в наш календарь какой-нибудь экзотический праздник или создадут что-то новое в результате смешения различных культур. Как известно, в нашем мире нет ничего более постоянного, чем перемены.

Фотографии предоставлены культурной ассоциацией "Бальетс де Каталунья", которая с 1953 года занимается пропагандой культурного наследия Каталонии, Валенсии, Балеарских островов и каталонских регионов Франции – народных танцев.

Алексей Мокроусов

Потаенная столица модерна

Барселона – материалы к биографии

"В столице Каталонии Барселоне, с ее необычным средневековым собором, полуразрушенным, полудостроенным, нас поразили непрерывная жизнь и нескончаемый транспортный поток на улицах. Главная улица Рамблас никогда не затихала: кафе работали круглосуточно, всюду были толпы людей, которых зазывали лоточники, предлагая свои товары: конфеты, цветы, лотерейные билеты, – при этом каждый кричал в полную силу. Посреди всей этой толкучки стоял прекрасный оперный театр "Лисео", где нам предстояло дать шесть спектаклей"[1]. Так вспоминал первую встречу с городом у подножия Монтжуика русский режиссер Сергей Григорьев. В его описании Барселона очень напоминает Париж – главную метрополию той эпохи. То же многолюдье, та же разноголосица улицы, то же торжество архитектуры, с которой – а не со слова и не с музыки – в итоге начинается новая жизнь культуры.

Барселонский модерн обязан своим рождением решительному сносу средневековых кварталов, начавшемуся в 1858 году. Плановое строительство нового, геометрически выверенного города (в конце века в центре Барселоны возводили по 160 зданий каждый год) рифмовалось с перестройкой Парижа бароном Османом. Каталонцы выглядят первопроходцами нового урбанизма, определившего "золотой век" в истории Барселоны (с 1880-го по 1910 год). Надо сказать, что "золотым" он назван в основном из-за строительных кредитов, которыми увлеклись многие. Лозунгом буржуазии эпохи "золотой лихорадки" стало триединство "treball, virtut i progress" – "работа, прилежание и прогресс". А от названий журналов той поры "веет революцией, свободой и либерализмом"[1]: "Объективность", "Правда", "Конституция", "Процветание", "Ремесленник".

Каталонская история требует придыхания. Что ни имя, то вздох энциклопедии, что ни здание, то перебивка дыхания у знатока.

И все-таки даже Барселоне на рубеже веков без Парижа было никуда. Город на Сене вос-

© Алексей Мокроусов, 2010

1. Сергей Григорьев. Балет Дягилева, 1909 – 1929. – М., 1993. с. 109–110.

1. Heidi Johanna Roch. Santiago Rusinol (1861–1931). – Peter Lang, 1983. – S. 25.

принимался столицей мира, в которую отовсюду стекались художники. Не только Пикассо, работавший в Барселоне, но и многие коренные каталонцы проходили здесь свои университеты. Гауди следовал эстетике Виоле ле Дюка, эксплуатируя и доводя до совершенства возможности готики. Картины первых каталонских модернистов Сантьяго Русиньоля (1861–1931) и Рамона Казаса-и-Карбо (1866–1932) полны парижских мотивов, будь то зимние виды Монмартра, его кладбища и пустынные улочки, строительство Сакре-Кёра, жизнь богемы, вид на крыши из комнаты баска Игнасио Зулоаги, друга Русиньоля... Были и еще друзья, Леон Доде и Эрик Сати. Русиньольский портрет последнего – едва ли не лучший в иконографии композитора. Но парижскому сюжету оказалось не под силу сломить каталонский дух: линии остаются четко прочерчены, а в воздухе словно разлита истома Средиземноморья.

Совместная "парижская" выставка Русиньоля и Казаса в "Сала Парес" ("Sala Pares") породила брожение в публике и критике, творческий дуэт сочли едва ли не бандой эксцентриков. Это не остановило просветительский пыл: Русиньоль написал (помимо занятий живописью, он сочинял еще романы и пьесы), а Казас иллюстрировал цикл статей о Париже, созданный по заказу газеты "Ла Вангардиа". В 1894 году, когда художники окончательно вернулись из Парижа, статьи издали отдельной книжкой под названием "С мельницы". В эти же годы начинается пора выставок нового искусства в Ситжесе, городке неподалеку от Барселоны, где Русиньоль купил себе в 1892 году рыбацкий домик и перестроил его в роскошную виллу "Железное гнездо" ("Cau Ferrat"), которую сам же украсил аллегориями в готическом стиле. Сейчас там музей художника с работами Зулоаги, Пикассо, Регойоса. Последняя, пятая по счету, выставка прошла в 1899 году и подвела в каком-то смысле итог первому прорыву модерна в Каталонию.

Однако художник в Каталонии оказался не равен художнику во Франции. Дистанция между артистом и обществом была огромна. Когда в 1905 году Франсеск Серра начал выпускать серию почтовых карточек "Художник в ателье", Жоан Бруль сказал ему: "Было бы лучше, если бы ты фотографировал тореро или танцовщиц, потому что мы никого не интересуем". Да и приехавший с Канарских островов в Барселону художник Нестор Мартин не нашел себе места в самом авангардистском городе Испании. Интересы денди, поклонника итальянского Ренессанса, не встретили отклика в артистической среде. Слишком многие ее представители были отмечены "стигматами социального деклассирования"[1].

1. Barcelona 1900. Sous la dir. de Teresa M. Sala. Van-Gogh Museum. Amsterdam. 2007. – P. 124.

Смогло ли радикально повлиять на ситуацию богемное кафе "Четыре кота" ("Els quatre Gats")? Кафе, расположившееся в неоготическом доме постройки Пуйча-и-Кадафалка, просуществовало с июня 1897-го до июня 1903 года и стало символом барселонского модерна, главным местом встречи и излечения "всех, кто страдает от болезней века". В названии – не только скрытые аллюзии бегства, но и отсылка к Парижу с его Le chat noire, и указание на четырех отцов-основателей кафе, Русиньоля, Казаса, Пере Ромеу и критика и журналиста Микеля Утрилло – он, автор идеи, отвечал за китайский театр теней, открытый в "Котах". Как и в монмартрском кафе, спектакли чередовались с поэтическими вечерами, а выставки, отмеченные пристрастием к ар нуво (в Каталонии его называли модернизмом), выглядели радикальными для каталонской арт-сцены. Главным в оформлении зала был огромный двойной портрет кисти Казаса–Ромеу, и сами художники крутят колеса велосипеда-тандема. Отличный образ коллективного путешествия в бессмертие.

Зимой 1899 года здесь впервые появился Пикассо, а 1 февраля 1900-го двадцатилетний живописец открыл в кафе первую персональную выставку. Особого успеха она не имела, Пикассо смог продать лишь самую маленькую по размерам работу. Но главное было – новые имена. По такому принципу отбирались иностранные авторы. Так, в ноябре 1898 года в кафе прошла персональная выставка Дарио де Регойоса, многие годы прожившего в Бельгии и подпавшего там под влияние постимпрессионистов, еще плохо известных в Испании. Вне конвенции работали и местные художники. В конце 1898 года Изидре Ноннель открыл экспозицию, посвященную маргиналам – солдатам, вернувшимся с полей испано-американской войны. Это была выставка не о потерянных колониальных амбициях Испании, но о барселонских улицах. Точно так же и ноннелевская серия цыганок на выставке 1902 года далека от пестрого фольклора, она показывает полных жизни людей. Подобно Горькому, Ноннель видит такими и обитателей заброшенного пляжа Пекин. О влиянии художника на современников говорит и то обстоятельство, что многие критики связывают закат каталонского модерна именно со смертью Ноннеля в 1911 году.

Демократизм не исключает утонченности. В "Четырех котах" возникла Вагнеровская ассоциация. Для консервативного в музыкальном отношении города, где царила итальянская опера, а под ее сенью развивалась и национальная музыка, этот жест был подобен взрыву бомбы. Взрывы, впрочем, гремели и настоящие: едва ли не первой в истории публичных искусств Барселонская опера стала объек-

том теракта. На открытии сезона, 7 ноября 1893 года, анархист Сантьяго Сальвадор во время исполнения "Вильгельма Телля" бросил в публику две бомбы. Более 20 зрителей погибли, было множество раненых.

Литературное кафе выглядело идеальным прибежищем для богемы. Лишенное светскости, парадной театральности, оно позволяло встречаться единомышленникам. Интеллектуальная атмосфера кафе породила и печатный продукт: на свет появились 15 выпусков газеты "Четыре кота". В ней публиковались статьи о современном искусстве и литературе, эссе и отрывки из новых романов. Газета закрылась из-за финансовых трудностей — как и само кафе, удачное во всех отношениях, кроме денежных. Кажется, Пере Ромеу, который вел дела "Четырех котов", не особенно из-за этого расстраивался. Просветительские функции кафе вскоре подхватила галерея Дальмау, где перед войной прошли экспозиции импрессионистов, фовистов и кубистов. А во время войны сам Амбруаз Воллар привез в каталонскую столицу выставку современного французского искусства.

Тем не менее, конец блестящей эпохи, начатой Всемирной выставкой 1888 года, был не за горами. К середине 1900-х социальное брожение настигло и Барселону, она, пишет биограф Пикассо, производила "впечатление жалкого и унылого города, где все вот-вот рухнет... в Барселоне умирают двадцать четыре человека из тысячи, что больше, чем в Лондоне, Париже или Токио, и даже чем в Марселе или Венеции; в рабочих кварталах то и дело вспыхивают эпидемии тифа, оспы или холеры"[1]. Роковой датой можно считать "кровавую неделю" в конце июля 1909 года, вызванную войной в Марокко и всеобщей забастовкой в Каталонии. Трагические итоги — более сотни человек убито и 80 религиозных зданий разрушено — словно подвели черту под мечтаниями рубежа веков, показав, насколько в физически разных измерениях живут искусство и реальность. Наступала пора искаженного зрения и мутирующих идеалов. Сюрреализм, образ мысли и образ жизни, стучался в окна Европы. Барселона стала едва ли не первой приоткрывшейся ему форточкой.

Во время Первой мировой войны авангард массово эмигрировал в Каталонию. Здесь обосновались не только основатель кубизма Альбер Глез и будущая любимица дягилевских сезонов поэтичная Мари Лорансен (ее муж был немцем, на время войны они укрылись в Каталонии), но и многие последователи дадаизма, в том числе главный его русский представитель Сергей Шаршун. В Каталонии он познакомился со своими будущими французскими однопартийцами, печатался, в част-

1. Карлос Рохас. Мифический и магический мир Пикассо. — М., 1999. — С. 50.

ности, в журнале "391", издававшемся в Барселоне Франсисом Пикабиа. Редактором в нем был Отто Ллойд, женатый на русской художнице Ольге Сахаровой и называвший себя племянником Оскара Уайльда. Был женат на русской и другой барселонский изгнанник, поэт Макс Гот (Максимилиен Готье), ставший впоследствии знаменитым арт-критиком. А после войны расцвел каталонский сюрреализм, причем теоретическое его обоснование – в журналах "Террамар" (1919–1920), "Монитор" (1921–1922) и "Л'Амик де лес артс" (1926–1929) – в чем-то даже опережало практику. Дали был лишь одним из многих авторов движения, и, судя по всему, только искусство самопиара, не очень распространенное в художественной среде той эпохи, позволило ему выделиться на фоне таких ярких художников как Анжель Планельс, Жуан Масанет и скульптор Леандре Кристофол.

Тем важнее выглядели гастроли в Барселоне "Русских балетов" Дягилева, работавшего, как известно, с сюрреалистами. Впервые Дягилев выступил здесь в 1917 году, когда труппа пережидала войну в Испании. Успех был огромен, театр полон, аплодисменты оглушительны. В Барселону труппа возвращалась не раз. В парижских дягилевских архивах сохранился план гастролей в Барселоне за 1923 год: здесь и неувядаемые "Весна Священная", "Половецкие пляски" из оперы "Князь Игорь", "Петрушка" и балеты последнего времени – поставленные Мясиным "Русские сказки" на музыку Лядова и "Женщины в хорошем настроении" Скарлатти. Несмотря на свое испанофильство, Дягилев, видимо, не очень верил в развитость публики по ту сторону Пиренеев. После скандала на парижской премьере "Парада" он не собирался показывать революционный балет Сати–Пикассо–Кокто в ходе испанских гастролей. По просьбе короля Альфонса XIII, он все же включил "Парад" в программу и был удивлен тем, что публика, в отличие от монарха, не проявила энтузиазма. Зритель здесь был другой. Рецензенты спокойно, если не сказать прохладно, восприняли "Ромео и Джульетту" в аскетичной постановке Брониславы Нижинской и с декорациями в виде занавесов, выполненных Максом Эрнстом и Жоаном Миро (именно из-за этого сотрудничества с "буржуазным" Дягилевым французские сюрреалисты во главе с Андре Бретоном устроили скандал на парижской премьере "Ромео"). Как бы то ни было, после "Ромео" начались переговоры Дягилева с Дали об оформлении "Кармен". Проект так и не осуществился, но возможность стать знаменитым благодаря "Русским балетам" вдохновила каталонца. Вместе с ним о сотрудничестве с Дягилевым мечтал и Гарсиа Лорка. 13 августа 1921 года поэт писал своему другу, музыкальному критику Адольфо Салазару, что мечтает о балете у Дягилева на сюжет своей пье-

сы о Доне Кристобале и Донье Росите, основанной на андалусском фольклоре. Балет не возник, но "Треуголка" и "Петрушка" повлияли на Лорку, его "Чудесную башмачницу"[1].

Дягилевцы были не единственными русскими, поразившими Барселону. В начале 20-х здесь образовалась полноценная русская опера, о которой много писали в прессе. Так, берлинский эмигрантский журнал "Театр и жизнь" сообщал в седьмом номере за 1921 год:

> Русский оперный сезон в Барселоне принес настоящий триумф русскому искусству. Сезон был открыт "Борисом Годуновым" Мусоргского в четырехтысячном театре "Zielo". Первые два спектакля, как нам телеграфируют, прошли с аншлагами с огромным успехом. <...> Оркестром дирижировал С. А. Кусевицкий.
>
> Это было не только первое выступление русских певцов в Испании, но и первая постановка произведений русских композиторов. Все исполнители встретили восторженные отзывы печати, отмечающей обстоятельными статьями это событие в музыкальной жизни Испании.

В итоге "Годунова" вместо четырех спектаклей играли шесть раз. Несмотря на избалованность местной публики (или благодаря этому), барселонские гастроли Шаляпина в 1927 году сопровождались оглушительным успехом.

Непрекращающийся диалог с Парижем, столицей мира рубежа веков, экспансия русской музыки и русского балета на барселонскую сцену 1920-х — классические примеры открытости миру, которую демонстрировал модернизм/ар нуво/югендштиль по всему свету. "Бульон культуры" был для всего движения условием существования. Но, в отличие от других стран, модернистский проект в Каталонии не завершился. Он не может быть завершен, пока не достроен собор Гауди.

1. В. Е. Багно. Эскизы Александра Бенуа в Национальном театральном музее Альмагро. // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009 Т.6 — с. 400.

“Барса” – это больше, чем клуб

Интервью с Альбертом Санчесом Пиньолем.

Запись и перевод беседы Нины Авровой-Раабен

“Больше, чем клуб” — так звучит лозунг Барселонского футбольного клуба “Барса”. Когда команда выигрывает очередной турнир, люди празднуют эту победу на улицах Барселоны. И многие из тех, кто кричит “Виска эль Барса!” (“Да здравствует Барса!”), не похожи на заядлых болельщиков, разбирающихся в лигах, кубках и прочих реалиях футбольного мира. Здесь увидишь и детей, и домохозяек, и молодых, и старых... Мы решили поговорить об этом феномене с болельщиком “Барсы”, каталонским писателем Альбертом Санчесом Пиньолем.

Нина Аврова-Раабен. В 2009 году за успехами Барселонского футбольного клуба следили даже люди, далекие от футбола. Чем вы можете это объяснить?

Альберт Санчес Пиньоль. 2009 год называют годом шести кубков, но на самом деле наград у клуба было даже больше. Исключительность ситуации состоит в том, что сравнительно молодой клуб завоевал их под руководством тренера-дебютанта.

Н. А.-Р. Пеп Гуардиола, кажется, сам раньше был игроком “Барсы”?

А. С. П. Действительно, Гуардиола играл в “Барсе”, но в качестве тренера он никогда раньше не работал с командами первого дивизиона. Важно отметить и то, что большинство игроков в этой команде – воспитанники футбольной школы Барселонского клуба, которую часто называют футбольным прииском.

Н. А.-Р. Там учатся молодые таланты и из других стран?

А. С. П. Да, в том числе ее закончил и знаменитый теперь на весь мир Лео Месси.

Успехи команды в 2009 году заставили весь мир говорить о ней, но этот выдающийся результат – плод всей истории футбольного клуба, девизом которого всегда были слова: “Больше, чем клуб”. Вот об этом я и хочу рассказать.

Н. А.-Р. Но начиналось все как исключительно спортивный проект?

А. С. П. Только спортивный и при этом любительский, вообще все команды той эпохи были любительскими. Особенно-

стью же "Барсы" являлось то, что он был создан в Барселоне иностранцем, уроженцем Швейцарии, который понял и принял каталонскую культуру. Да и большинство игроков той первой команды были иностранцами, проживавшими в Барселоне. В XIX веке футбол только начинался, и в эту игру в основном играли в странах англосаксонской культуры.

Н. А.-Р. Имя создателя клуба, Жуана Гампера, имеет каталонскую форму "Жуан". Почему?

А. С. П. Он из семьи швейцарских предпринимателей, обосновавшихся в Барселоне, и, будучи сторонником идей каталанизма, изменил форму своего имени. Но иностранное происхождение "Барсы" – одного из самых ярких каталонских явлений – неудивительно. Барселона была городом-портом, и это определяло очень многое в ее жизни. Город был открыт всем новым веяниям. Например, первая в Испании железная дорога была построена именно здесь. Почему? Сказалась близость Европы и наличие крупного порта. Надо отметить, что Барселона с давних времен часто становилась родным городом для многих иностранцев.

Н. А.-Р. На лекции одного историка я слышала, что в начале XVIII века в Барселоне на одного каталонца приходилось гораздо больше иностранцев, чем сейчас. Это кажется невероятным.

А. С. П. Столь обсуждаемая сегодня проблема иммиграции имеет исторические корни, потому что Каталония представляет собой "Средиземноморский коридор", как и Палестина по другую сторону моря. По этим землям постоянно перемещались люди, и некоторые – кому трудно жилось на родине – здесь оседали. В XVIII веке это были в основном французы, потому что юг Франции в то время был очень беден, почти нищ.

Таким образом веками создавался своеобразный склад общества, особый национальный характер, когда отстаивается не чистота происхождения, не этнический тип, а свой культурный контекст. Именно это определяет национальную идентичность каталонцев.

Иностранцы, принимавшие нашу культуру, всегда пользовались уважением в обществе. Известен, например, случай, когда местная администрация в начале XVIII века не дала центральным властям выслать из страны голландского торговца, проживавшего в Барселоне, доказав его полную интегрированность.

Когда мы говорим об истоках "Барсы", нам тоже надо учитывать исторический контекст. Сознание общества в то время определяла религия, в данном случае – католическая, а Жуан Гампер был протестантом.

Н. А.-Р. И ему пришлось принять католичество?

А. С. П. Нет, он не перешел в католицизм, и это всегда создавало ему определенные трудности в отношениях с властями. Поначалу клуб критиковали за то, что в команде были одни иностранцы, в большинстве своем протестанты. Многие этого не знают, но традиция совершать паломничество на гору Монтсеррат и посвящать свои победы Смуглой Богоматери уходит своими корнями в этот период.

Н. А.-Р. То есть протестанты поклоняются Богоматери?

А. С. П. Да, потому что под давлением местных властей команда должна была подчеркивать свое уважение к местным католическим святыням, хотя большинство населения протестантизм игроков любимой команды совершенно не волновал.

Жуан Гампер — фигура достаточно трагическая. К сожалению, об этом человеке сохранилось немного информации. Поначалу созданная им команда была просто сообществом друзей, но позднее, когда был принят Устав и оформлены все документы, Гампер возглавил клуб, став его президентом. Но проект этот на первых порах имел чисто спортивный характер.

Н. А.-Р. Когда ситуация меняется?

А. С. П. В 20-е годы прошлого века лозунг "Больше, чем клуб" наполняется новым содержанием, потому что "Барса" начинает объединять вокруг себя не только любителей футбола. Дело в том, что во время диктатуры Примо де Риверы все проявления каталанизма преследовались, и общество находит для себя такой своеобразный выход. Именно общество формирует облик "Барсы". Вот исторический факт того времени: клуб играет с командой английских моряков с кораблей, зашедших в порт Барселоны. Когда раздается испанский гимн, публика встречает его свистом, но разражается аплодисментами при звуках английского гимна, воспринимая его как символ демократии.

Н. А.-Р. Но "Барса" — не единственный клуб в Барселоне?

А. С. П. Нет, был создан еще один клуб — королевский спортивный клуб "Эспаньол" — в качестве оппозиции "красным республиканцам" "Барсы". Само название было выбрано в целях защиты "испанской идеи", как противовес "каталонским националистам". Инициаторами его создания стали испанские офицеры, служившие на территории Каталонии.

Несмотря на поддержку со стороны официальных властей, "Эспаньол" всегда был клубом меньшинства. С социологической точки зрения позиция этого клуба весьма любопытна — он является оппозицией оппозиции.

Н. А.-Р. Но только в Каталонии?

А. С. П. Конечно, потому что в Испании символом власти является мадридский "Реал", всегда отличавшийся высо-

комерием и заносчивостью. Для каталонцев этот клуб олицетворяет собой образ "идеального злодея". Эту команду поддерживают центральные власти, тогда как "Барса" является народной командой.

Н. А.-Р. Поэтому матчи между этими командами всегда вызывают такой интерес?

А. С. П. Да, их даже часто называют "дерби", потому что эти две команды — ярые противники. Хотя "дерби" изначально — это матч между двумя командами из одного города. Раньше таким матчем была игра "Барса" — "Эспаньол", но сейчас последний построил новый стадион за пределами Барселоны, и теперь матч между ними уже не является "дерби" в полном смысле этого слова.

Н. А.-Р. Когда это противостояние на футбольном поле стало решительно непримиримым?

А. С. П. Безусловно, это случилось в годы франкизма. Если диктатуру Примо де Риверы иногда называли "мягкой", то сорок лет правления генерала Франко были тяжелым и жестоким периодом. Одной из целей мятежа тридцать шестого года являлось "уничтожение сепаратизма". В связи с этим после окончания Гражданской войны была запрещена вся национальная каталонская символика. Единственным островком спасения оказался стадион. И, естественно, "Барса" становится отдушиной для чувств народа, которого лишили права считаться таковым. Долгие годы цвета "Барсы" воспринимались как национальные, хотя сине-красные полосы являются цветами одного из кантонов Швейцарии, родины Гампера. На гербе "Барсы" сохранился крест Святого Георгия, которого каталонцы считают своим покровителем, но флаг Каталонии (четыре красные полосы на желтом поле) был с герба удален.

Центральные власти прекрасно понимали, что представляет собой клуб, и даже попытались сделать президентом клуба своего человека — франкиста.

Н. А.-Р. Но ведь это частный клуб. Разве можно было вмешиваться в его внутренние дела?

А. С. П. Это были сороковые годы, самый жестокий период диктатуры. Президента назначили как представителя официальной государственной власти, так направляют полицейских в неспокойные районы. Я не помню, как звали этого человека, но он был вынужден оставить свой пост, потому что постепенно стал сочувствовать тем, кого должен был контролировать.

В эти годы окончательно складывается противостояние между "Реалом" и "Барсой". Разница в характере этих команд проявляется не только на футбольном поле и полностью соответствует особенностям исторического развития Каталонии и центральной части Испании. В Каталонии мотором общества на протяжении последних веков была буржуазия,

породившая пролетариат, рабочий класс, а ментальность Мадрида в основе своей связана с аристократией. Отсюда свойственная мадридским футболистам претенциозность, капризность, звездная болезнь. Барселонские футболисты разделяют ценности, принятые в каталонском обществе: упорный труд всей команды, нелюбовь к показухе, сдержанность и скромность.

И болельщики у команд тоже разные. Как бы плохо ни играл "Реал", для своих болельщиков он всегда — самая лучшая в мире команда. А болельщики "Барсы" скорее пессимисты, всегда ожидают худшего. (Наверное, сказывается мироощущение нации.) Пеп Гуардиола говорит, что, когда назначают пенальти в пользу Барселоны, все болельщики думают: "Ой, сейчас промажет!"

"Реал" всегда пользовался привилегиями столичной команды и долго являлся представителем испанского футбола на международном уровне.

Н. А.-Р. А что изменилось после победы демократии в Испании? Почему и сейчас "Барса" — "больше чем клуб"?

А. С. П. По логике вещей, по окончании периода диктатуры клуб должен был превратиться в чисто спортивное общество. Поэт Жуан Броса как-то сказал: "Если 'Барса' станет просто спортивным клубом, это будет означать, что в Каталонии все встало на свои места". Поскольку этого еще не произошло, следует сделать вывод о том, что ситуация далека от идеальной.

Каталония не может иметь собственной национальной сборной, национальная сборная — это сборная Испании. Вопрос, как и в случае с Великобританией, чисто политический.

Именно поэтому можно сказать, что матч "Реал" — "Барса" является символическим воплощением политического противостояния между Каталонией и Испанией. И это отнюдь не плохо. Мне кажется, что пережив Вторую мировую войну, Европа переводит свои конфликты в символическое русло. И футбол с его атрибутами прекрасно для этого подходит: майки с национальными гербами, гимны, флаги. В то же время некоторые эксцессы, сопровождающие футбольные матчи, не идут ни в какое сравнение с насилием на полях настоящих сражений. И люди приходят на стадион именно для того, чтобы выразить свои эмоции.

Н. А.-Р. Что происходит с "Барсой" в последние годы?

А. С. П. На протяжении периода демократии и экономического расцвета клуб значительно вырос. Очень важно отметить, что была создана школа футбола "Ла масья"[1]. Это действительно хутор, который клуб купил и превратил в футбольную школу и тренировочную базу. Оттуда вышли такие

1. "La masia" — хутор (*катал.*). (*Прим. перев.*)

игроки, как Иньеста, Пуйоль, Пике и Месси. Последний, кстати сказать, диаметральная противоположность другой звезде – Криштиану Роналду, который любит покрасоваться на обложках глянцевых журналов. Месси же немногословен, скромен и не любит выставлять себя напоказ.

Н. А.-Р. Бывший президент клуба, Жуан Лапорта, собирается выдвинуть свою кандидатуру на выборах в парламент. С чем это связано?

А. С. П. Это связано с тем, о чем мы говорили раньше. Переход из клуба в политику возможен именно потому, что "Барса" – "больше, чем клуб", как, впрочем, и мадридский "Реал", и многие другие известные команды. Случай Жуана Лапорты исключителен тем, что он, еще будучи президентом клуба, открыто высказывал свои политические взгляды.

Н. А.-Р. Можно ли говорить о политической программе клуба?

А. С. П. Конечно нет. Было бы неверно думать, что все болельщики разделяют какие-то единые политические взгляды, можно говорить лишь о некоем общем духе каталанизма. "Барса" имеет такую притягательную силу именно благодаря своей способности объединять самых разных людей. С 1974 года гимн "Барсы", слова которого написали Жузеп Мария Эспинас и Жауме Пикас, звучит так:

Неважно, откуда мы,
С севера или с Юга,
Сейчас мы все, как один...

В этом гимне воспеваются ценности, которые исповедует Барселонский клуб, и в первую очередь дух гостеприимства по отношению ко всем, кто пожелает стать частью каталонского общества.

Н. А.-Р. В строках гимна звучит идея единства. Но жизнь показывает, что каталонцам трудно прийти к единому мнению.

А. С. П. К сожалению, да. Говорят же, что на трех каталонцев – три мнения. В сфере политики это связано с тем, что у нас отсутствуют глубокие традиции самоуправления. Однако когда играет Барса, все действительно хотят одного – чтобы команда выиграла.

Библиография

Каталонская литература на страницах "ИЛ"

1978

Эсприу Сальвадор — *Стихи.* Перевод Сергея Гончаренко. Вступление Н. Матяш [10]

1981

Из каталонской поэзии. Жозеп Карнэ, Жозеп-Висенс Фойш, Жоан Салват-Папасейт, Пере Куарт, Пере Жимферре. Перевод Павла Грушко и М. Самаева. Предисловие И. Тертерян [4]

Родореда Мерсе — *Площадь Диамант.* Роман. Перевод Э. Брагинской. Послесловие Хуана Кобо [11]

1985

Брок Алек — *Размышления о каталонской литературе последних десятилетий* [6]

1986

Рассказы каталонских писателей. Сальвадор Эсприу, Пере Калдерс, Мерсе Родореда, Мария Аурелия Кампань, Жауме Фустер. Перевод М. Киеня, П. Скобцева, Н. Матяш. Вступление Н. Матяш [2]

1987

Эсприу Сальвадор — *"Страстная неделя".* Стихи. Вступление и перевод Сергея Гончаренко [7]

2002

Эсприу Сальвадор — *Стихи из цикла "Книга Синеры".* Перевод и вступление Натальи Ванханен [2]

Родореда Мерсе — *Рассказы.* Перевод Н. Беленькой [3]

Жуан Понс
Joan Pons
[р. 1960]. Прозаик. Лауреат премий Франсеск д'Албранка [1990], имени Жуана Рамиса Рамиса [1992], премии Каталонской энциклопедии [1998], имени Жуакима Руйра [2000], премии за лучший роман *Сьютат д'Альзира* [2009] и др.

Автор сборника рассказов *Не верьте тому, что говорят обо мне* [*No cregui el que diuen de mi*, 1991], романов *Потерпевшие кораблекрушение* [*Nàufrags*, 1993], *Лабиринт жирафов* [*El laberint de les girafes*, 1999; признан одним из лучших произведений каталонской литературы XX в.], *Одинокие* [*Homes sols*, 2001], *Песок на подошвах* [*Sorra a les sabates*, 2005], *Ледяной дом* [*La casa de gel*, 2010] и др.
Роман публикуется по изданию *Barba-rossa* [La Magrana, 2006].

Жуан Казас Фустер
Joan Casas Fuster
[р. 1950]. Драматург, поэт, прозаик и переводчик с французского, итальянского, португальского, греческого и русского языков на каталанский. Лауреат премий имени Виктора Катала в области малой прозы [1979], Пальма Жуана Альковера [1987], Игнази Иглесиаса [1990], Джованни Понтеро [2003], Жорди Доменека [2005], Ровира Вирджили [2009] и др.

Автор сборников рассказов *Пыль на крыше* [*Pols de terrat*, 1980], *Вне дома* [*Fora de casa*, 2008], *По пояс в земле* [*Amb la terra a la cintura*, 2010], поэтических книг *Три тетради* [*Tres quaderns*, 1986], *С нежностью* [*Amb efecte*, 1987; совместно с Фелиу Формоза], *Ещё три тетради* [*Tres quaderns més*, 1995], *Острова* [*Illes*, 2006], пьес *Раздетые* [*Nus*, 1991], *В ресторане* [*Al restaurant*, 1993], *Прощальная песнь тела* [*Nocturn corporal*, 1994] и др. На русском языке его произведения публиковались в сборнике *Барселонские премьеры* [Искусство, 1994] и в журнале *Современная драматургия* [2004, № 3]. По пьесе *Раздетые* в России снят фильм [Режиссер К. Серебренников].
Текст публикуется по изданию *L'últim dia de la creació* [Arola, 2001].

Ким Мунзо
Quim Monzó
[р. 1952]. Прозаик, журналист, переводчик. Лауреат премии Пруденси Бертрана [1976], Эль Тэмпс [1989], Национальной литературной премии [2000], премии имени Марии Анжельс Англада [2008], премии литературной критики журнала *Серра д'Ор* [1981, 1986, 1994, 1997] и др.

Автор романов *Вой серости на грани водостока* [*L'udol del griso al caire de les clavegueres*, 1976], *Бензин* [*Benzina*, 1983], *Масштаб трагедии* [*La magnitud de la tragedia*, 1989], сборников рассказов *Уф, сказал он* [*Uf, va dir ell*, 1978], *Остров Маянс* [*L'illa de Maians*, 1985; рус. перев. 2004], *Гвадалахара* [*Guadalajara*, 1996] и др., сборников эссе *День господень* [*El dia del senyor*, 1984], *Турецкий чемодан* [*La maleta turca*, 1990], *Всё – ложь* [*Tot és mentida*, 2000], *Четырнадцать городов, считая Бруклин* [*Catorze ciutats comptant-hi Brooklyn*, 2004] и др. На русском языке вышел сборник *Самый обычный день. 86 рассказов* [М.: Иностранка, 2010].
Публикуемый рассказ *L'amor és etern* взят из сборника *Тысяча идиотов* [*Mil cretins*. Quaderns crema, 2007].

Альберт Санчес Пиньоль
Albert Sánchez Piñol
[р. 1965]. Антрополог, прозаик. Лауреат премии *Охо критико* [2003] и премии литературной критики журнала *Ceppa д'Ор* [2006].

Автор романов *Холодная кожа* [*La pell freda*, 2002; переведен на 35 языков; рус. перев. 2006], *Пандора в Конго* [*Pandora al Congo*, 2005; рус перев 2007], сборников рассказов *Тринадцать грустных перепутий* [*Tretze tristos tràngols*, 2008], сборника эссе о диктаторах Африки *Шуты и чудовища* [*Pallasos i monstres*, 2000] и др.
Рассказ *La balada del catxalot minvant* взят из сборника *Золотые века* [*Les edats d'or*. Proa, 2001].

Тереза Солана
Teresa Solana
Прозаик, переводчик. Лауреат премии *Бригада 21* за лучший роман детективного жанра [2007].

Автор романов *Небезупречное преступление* [*Un crim imperfecte*, 2006] и *Прямиком в рай* [*Drecera al paradís*, 2007], сборника рассказов *Семь жутких и кровавых случаев и одна история любви* [*Set casos de sang i fetge i una història d'amor*, 2010], многих статей о проблемах перевода.
Рассказ *L'ofrena* взят из сборника *Семь жутких и кровавых случаев и одна история любви* [*Set casos de sang i fetge i una història d'amor*. Edicions 62, 2010].

Альберт Мас-Гриера
Albert Mas-Griera
[р. 1954]. Прозаик и переводчик. Лауреат премии *Эль лектор де Одиссея* [1999].

Автор романа *Написано на звёздах* [*Escrit als estels*, 1987], сборников рассказов *Слепая воздушная гимнастка и метатель карликов* [*La trapezista cega i el llançador de nans*, 1987], *Город ангелов* [*La ciutat dels angels*, 1999] и др.
Рассказ *La màquina del sol, o Aquell dia vaig fer petons a molta gent* взят из сборника *Хвост учителя* [*La cua del mestre*. La Campana, 2007].

Мария Барбаль
María Barbal
Прозаик и драматург. Лауреат премий имени Жуакима Руйра [1984], премии Литературной критики журнала *Ceppa д'Ор* [1993], Национальной литературной премии [1993], Пруденси Бертрана [2005] и др. Обладатель креста Святого Георгия [2001], высшей награды Каталонии.

Автор романов *Камень из груды* [*Pedra de tartera*, 1985], *Мед и яды* [*Mel i* metzines, 1990], *Камфора* [*Càmfora*, 1992], *Улица Боливия* [*Carrer Bolivia*, 1999], *Прекрасный возраст* [*Bella edad*, 2003] и *Эмма* [*Emma*, 2008], сборников рассказов *Смерть Терезы* [*La mort de Teresa*, 1986], *Солнечные очки* [*Ulleres de Sol*, 1994], пьесы *Вертолет* [*L'helicòpter*, 2000] и др.
Рассказы *El premi* и *M&M* взяты из сборника *Горячка времени* [*La pressa del temps*. Columna edicions, S. A, 2010].

Жасинт Вердаге
Jacint Verdaguer
[1845–1902]. Поэт, прозаик, журналист. Трижды получал первую премию на литературном конкурсе *Цветочные игры* [*Jocs Florals*].

Автор поэм *Атлантида* [*L'Atlàntida*, 1876] и *Канигу* [*Canigó*, 1886], сборников стихотворений *Идиллии и мистические песнопения* [*Idil·lis i cants místics*, 1879], *Родина* [*Pàtria*, 1888], *Монтсеррат* [*Montserrat*, 1880] и др., прозаических произведений *Прогулки и путешествия* [*Excursions i viatges*, 1887], *Дневник паломника в Святую землю* [*Dietari d'un pelegrí a Terra Santa*, 1889], сборника статей *В защиту самого себя* [*En defensa pròpia*, 1895] и др. На

русском языке публиковались отрывки из поэмы *Атлантида* [1910] и стихи в сборнике *Из каталонской поэзии* [Л.: Худож. лит., 1984].
Стихи *Sum vermis, A mos bescantadors, Pobresa, En creu* взяты из сборника *Цветы с Голгофы* [*Flors del Calvari*, 1986].

Жузеп Карне
Josep Carner
[1884–1970]. Поэт, журналист, драматург и переводчик.

Автор поэтических сборников *Книга поэтов* [*Llibre dels poetes*, 1904], *Слово в дуновении ветра* [*La paraula en el vent*, 1914], *Прекрасная земля, прекрасные люди* [*Bella terra, bella gent*, 1918], *Бесполезный дар* [*La inútil ofrena*, 1924], *Весна в городке* [*La primavera al poblet*, 1935], *Три воскресенья* [*Tres diumenges*, 1946], *Деревья* [*Arbres*, 1953], *Бестиарий* [*Bestiari*, 1964] и др.
Стихи *Cançó del boa, A l'hora foscant, Angoixa de l'alta nit, Si em vaga, Bèlgica* взяты из сборника *Поэзия* [*Poesia. Text de l'edició de 1957 revisat i establert per Jaume Coll.* Barcelona: Quaderns Crema, 1992].

Пере Жимферре
Pere Gimferrer
[р. 1945]. Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Член Испанской Королевской академии [1985]. Лауреат премий *Летра д'Ор* [1978], Национальной литературной премии [1997], имени Теренси Мойца [2007] и др. Обладатель креста Святого Георгия [1988].

Автор стихотворных книг *Послание Петрарха* [*Mensaje del Petrarca*, 1963], *Пустынное пространство* [*L'espai desert*, 1977], *Ураган* [*El vendaval*, 1988], *Маскарад* [*Mascarada*, 1996], *Алмаз в воде* [*El diamant dins l'aigua*, 2001] и др., сборников эссе *Ежедневник* [*Dietari*, 1981] и *Второй ежедневник* [*Segon dietari*, 1982], биографического романа *Фортунь* [*Fortuny*, 1983] и др. На русском языке стихи Жимферре печатались в сборниках *Молодые поэты Испании* [М., 1975], *Огонь и розы* [М., 1981], *Тень другого моря* [СПб., 2000], публиковались в *ИЛ* [1981, № 4].
Стихотворение *Oda a Venecia ante el mar de los teatros* взято из сборника *Стихи, 1962–1969* [*Poemas, 1962–1969*. Madrid: Visor, 1988], стихотворения *Transfiguracio, Nit de abril, Nocturn imperi, Conjuro* – из сборника *Mirall, espai, aparicions: poesia 1970–1980* [Barcelona: Edicions 62, 1981].

Мелсион Матеу
Melcion Mateu
[р. 1971]. Поэт, журналист и переводчик. Лауреат премии имени Октавио Паса [1988].

Автор сборника сонетов *Очевидная жизнь* [*Vida evident*, 1999], поэтического сборника *Малыш Никто* [*Ningú, petit*, 2002] и др., многих статей о культуре. Стихотворения *Rutina, Parada* и *Fossa* взяты из сборника *Сад с кенгуру* [*Jardí amb cangurs*. Edicions 62, 2005], *La nit de Halloween* и *100 noms de Déu* публикуются по рукописи.

Жузеп Пла
Joseph Pla
[1897–1981]. Журналист, эссеист и прозаик. Лауреат премии имени Жуанота Мартуреля [1951], *Летра д'Ор* [1957] и др.

Автор многих хроник, эссе, путевых заметок и дневников, романов *Узкая улица* [*El carrer estret*, 1951], *Весенний ноктюрн* [*Nocturn de Primavera*, 1953] и *Наследство* [*L'herència*, 1972], книг очерков о родной стране *Крестьяне* [*Els pagesos*, 1952], *Крестьянин и его мир* [*El pagès i el seu món*, 1953], *Часы* [*Les hores*, 1953].
Фрагменты книги *El meu país* публикуются по изданию *Полное собрание сочинений, т. VII, XXII* [*Obra completa, t. VII, XXII*. Destino, 1972].

Жузеп М. Эспинас
Josep M. Espinàs
[р. 1927]. Писатель, эссеист, бард. Лауреат премии Виктора Катала [1958], *Национальной премии культуры* [1995] и др. Обладатель Креста Святого Георгия [1983], высшей награды Каталонии. Его достижения в области авторской песни отмечены премией *Диск Катала* [1963] и Почетной медалью каталонского парламента [2007].

Автор сборников рассказов *Варьете* [*Variétés*, 1959] и *Зонтик в углу* [*Un racó de paraigua*, 1997], романов *Словно ножи или языки пламени* [*Com ganivets o flames*, 1954], *Ловушка* [*La trampa*, 1956], *Последняя лестничная площадка* [*L'últim replà*, 1962], семнадцати книг путевых заметок, где описаны достопримечательности различных уголков Испании и Каталонии, мемуаров *Мальчик с площади Бальот* [*El nen de la plaça Ballot*, 1988], *Особые отношения* [*Relacions Particulars*, 2007] и др.
Главы из книги *Моя профессия* публикуются по изданию *El meu ofici* [La campana, 2008].

Жуан Даниэль Безсонофф
Joan Daniel Bezsonoff
[р. 1963]. Писатель и журналист. Лауреат премий *Омниум Каталунья Норд* [2001], имени Жуста Мануэля Касеро [2003], *Саламбо* [2005], *Летра д'Ор* [2010] и др.

Автор романов *Бульвары Сайгона* [*Les Rambles de Saigon*, 1996], *Восстание горбунов* [*La revolta dels geperuts*, 1998], *Бумажные женщины* [*Les dones de paper*, 2001], *Амнезия Господа* [*Les amnèsies de Déu*, 2005], *Царские таксисты* [*Els taxistes del tsar*, 2007] и др.
Фрагменты книги *Французское воспитание* публикуются по изданию *Una educació francesa* [L'avenç, 2009], *Карманная страна* — по изданию *Un país de butxaca* [Empúries, 2010].

Щавьер Терос
Xavier Theros
[р. 1963]. Поэт, антрополог, эссеист и переводчик. Сотрудник газеты *Эль Паис*. Лауреат премий имени Себастья Гуаска [1997] и имени Жозепа Марии Уэртас [2010].

Автор поэтических сборников *Воровать еще грустнее* [*Más triste es robar*, 1997], *Все мы правы* [*Todos tenemos la razón*, 2003], диска *Народная городская полипоэзия* [*Polipoesia Urbana de Pueblo*, 1995], исследования о средневековом юморе *Шутка, ерничество и прочие развлечения* [*Burla, escarnio y otras diversiones*, 2004] и др.
Статья *Festum catalanorum* написана специально для этого номера.

Алексей Мокроусов
[р. 1965]. Критик.

Автор многих статей о литературе и изобразительном искусстве. Автор рубрики *Книжный шкаф* в журнале *Огонек* [1991—1996]. Его статьи напечатаны в газетах *Независимая* и *Общая*, *Коммерсантъ-daily*, журналах *Книжное дело*, *Домовой*, *Современная драматургия* и др. Неоднократно публиковался в *ИЛ*.

Екатерина Элиазаровна Гущина
Переводчик с каталанского, кандидат филологических наук.

Автор ряда статей в области каталонской литературы XX века. В ее переводе выходили романы Б. Бонета *Море* [в соавторстве с М. Абрамовой, 2002] и Б. Бускетс *Свитер* [2008], стихи М. Марти-и-Пола, эссе А. Калвета, рассказы К. Мунзо. Автор научного комментария к роману Ж. Мартуреля *Тирант Белый* [2005].

Нина Аврова-Раабен
Переводчик с испанского и каталанского языков. Преподаватель русского языка. Живет в Барселоне.

В ее переводах выходили произведения А. Кункейро, М. Ауба, М. Родореды, М. де Педроло, Ж. Казаса Фустера, К. Мунзо, А. Санчеса Пиньоля. Перевела на каталонский язык [в соавторстве с Ж. Казасом Фустером] все пьесы Чехова, *Лирические драмы* А. Блока и [в соавторстве с А. Соле], главу *Великий инквизитор* из романа *Братья Карамазовы* для театральной постановки. В *ИЛ* публикуется впервые.

Александра Сергеевна Гребенникова
Переводчик с испанского, каталанского, английского и французского языков. С 1997 г. живет и работает в Андорре.

В *ИЛ* публикуется впервые.

Марина Игоревна Киеня
Переводчик с испанского и каталанского языков, член Союза писателей Москвы.

В ее переводе публиковались рассказы С. Эсприу, П. Кальдерса, Ф. Аялы и М. Ауба, повесть М. де Педролу *Временное пристанище*, роман Х. Пардо *А теперь пора умирать*, философский трактат Х. Антонио Марины *Анатомия страха* и др.

Ксения Дьяконова
Поэт, переводчик с испанского и каталанского языков.

Автор поэтических сборников *Моя жизнь без меня* [СПб., 2003], *Каникулы* [Геликон-Плюс, 2006] и *Флорианополь* [Геликон-Плюс, 2009]. Переводит стихи испанских и каталонских поэтов. Перевела на каталонский *Черного монаха* Чехова, *Отца Сергия* Л. Толстого, стихи А. Кушнера.

Мария Игнатьева [Мария Юльевна Оганисьян]
Поэт, эссеист, переводчик с испанского и каталанского языков, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка. Живет в Барселоне.

В *ИЛ* публикуется впервые.

Борис Владимирович Дубин
[р. 1946]. Литературовед, переводчик, культуролог,

Автор книг *Слово — письмо — литература* [2001], *Интеллектуальные группы и символические формы* [2004], *На полях письма* [2005], *Классика, после и рядом* [2010], многих статей по социологии культуры. Постоянный автор *ИЛ* и ведущий рубрики *Портрет в зеркалах* [1995,

социолог, руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады. Лауреат премий *ИЛ* [1992], *ИЛлюминатор* [1994], имени Анатоля Леруа-Больё [1996], имени Мориса Ваксмахера [1998], премии Андрея Белого за гуманитарные исследования [2005], Международной премии имени Ефима Эткинда [2006], кавалер национального ордена Франции *За заслуги* [2009].

№ 1, 12; 1996, № 8, 12; 1997, № 4, 9, 12; 2000, № 1; 2003, № 10; 2004, № 12].

В *ИЛ* в его переводе публиковались стихи Э. Ади [1997, № 12], миниатюры Х. Л. Борхеса [2005, №10], эссе Ч. Милоша [1992, № 8], Э. М. Чорана [1996, № 4], С. Сонтаг [1996, № 4], И. Бонфуа [1996, № 7], Ф. Лежёна [2000, № 4], отрывки из записных книжек Ф. Жакоте [2002, № 9; 2005, № 12] и др.

Надежда Марковна Беленькая

Переводчик с испанского и каталанского языков.

В ее переводе опубликованы романы Ж. Марсе *Двуликий любовник*, А. Переса-Реверте *Учитель фехтования* и др. В *ИЛ* в ее переводе напечатаны эссе и рассказы Х. Кортасара [2001, № 6], рассказы М. Родореда [2002, № 3], книга А. Поссе *Страсти по Эвите* [2005, № 1—3], повесть Л. Брисуэлы *Счастливые беглецы* [№ 10, 2010].

RINET
Internet Service Provider
ИНТЕРНЕТ
ПО ВЫСОКОСКОРОСТНЫМ ВЫДЕЛЕННЫМ ЛИНИЯМ
в Центральном округе Москвы
объединенная волоконно-оптическая районная сеть RiNet в ЦАО
• оптимальные условия подключения,
• бесплатный доступ к внутрисетевым ресурсам
В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ ← В ЦЕНТРЕ ГОРОДА → В ЦЕНТРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
круглосуточно:
(095) 232-1730 238-3922 916-7009.
адрес:
МОСКВА, 1-Й ХВОСТОВ пер., д. 11А.
подробности:
WWW.RINET.RU

В оформлении обложки использован фрагмент картины каталонского художника Рамона Казаса [1866–1932] *Без названия*

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.
Компьютерный набор Евгения Ушакова, Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Коммерческий директор Мария Макарова.

Адрес редакции: 119017, Москва, Пятницкая ул., 41 (м. "Третьяковская", "Новокузнецкая") ;
телефон 953-51-47; факс 953-50-61.
e-mail inolit@rinet.ru

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции (понедельник, вторник, среда, четверг с 12.00 до 17.30).

Купить журнал можно:
в редакции;
в киоске "Новой газеты" (Страстной бульвар, д. 4);
в книжной лавке ВГБИЛ им. М. И. Рудомино (Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине клуба "Проект-О.Г.И." (Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2, вход со двора; м. Чистые пруды, Китай-город);
в книжном магазине "У Максима" (МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й Гуманитарный корпус; м. Университет);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в книжном магазине "Фаланстер" (Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27, стр.2–3);
в книжном магазине "dodo-space" (Рождественский бульвар, д. 10/7).

Электронный дайджест журнала:
http://magazines.russ.ru/inostran
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство № 066632 выдано 23.08.1999 г. ГК РФ по печати

Подписано в печать 15.10.2010
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 1333.
Тираж 8000 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО "Типография "Новости", 105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Instituto Cervantes

КУРСЫ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА В ИНСТИТУТЕ СЕРВАНТЕСА В МОСКВЕ

Институт Сервантеса в Москве регулярно организует курсы каталанского языка, преподавателями которых являются его носители, обладающие соответствующей квалификацией для преподавания каталанского языка как иностранного. Курсы организуются на четырех уровнях: начальный, средний, продвинутый и углубленный. Для получения более подробной информации о курсах каталанского языка в Институте Сервантеса звоните по тел.: (495) 609 90 22 или следите за объявлениями нашего учебного отдела на сайте Института Сервантеса в Москве по адресу: www.moscu.cervantes.es

Библиотека Мигеля Делибеса – библиотека Института Сервантеса в Москве – также располагает богатым фондом литературы на каталанском языке, который включает в себя более 1300 документов.

Кроме того, посредством международного межбиблиотечного абонемента *Библиотека Мигеля Делибеса* предоставляет в ваше распоряжение фонд каталонской литературы Сети Библиотек Института Сервантеса (RIBIC), насчитывающий более 14000 документов: www.bibliotecas.cervantes.es.

Институт Сервантеса
021069 Москва, Новинский б-р, 20а, стр. 1–2
Тел.: (495) 609 90 22, (495) 609 94 22; факс: (495) 609 90 33
e-mail: cenmos@cervantes.es

---

[12] 2010

УРОКИ ПЕРЕВОДА: ФРАГМЕНТЫ РОМАНА ГИЛЬЕРМО КАБРЕРЫ ИНФАНТЕ "ТРИ ТОСКЛИВЫХ ТИГРА" / РАССКАЗЫ ЭЛИС МАНРО, АНТОНИО ТАБУККИ, КУРТА ВОННЕГУТА И ДР. / СТАТЬИ И ЭССЕ АЛЕКСАНДРЫ БОРИСЕНКО, РОБЕРТА ЧАНДЛЕРА, ДМИТРИЯ ВЕДЕНЯПИНА, АНТОНА НЕСТЕРОВА, ВЛАДИМИРА БОШНЯКА, ОЛЬГИ ДРОБОТ, МАРКА ДАДЯНА, МИХАИЛА ЯСНОВА, САШИ ДАГДЕЙЛ И ДР.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИНДЕКС 70394

Читайте в 2011 году:

В специальном номере "Немецкий экспрессионизм" будет впервые широко представлена поэзия, короткая проза и эссеистика одного из важнейших авангардистских течений в европейской литературе и живописи начала XX века. "Никогда прежде в мировой поэзии не звучали так громко, разрывая и потрясая душу, крики, возгласы изумления и тоски, выражающие дух эпохи", – писал составитель первой поэтической антологии экспрессионистов КУРТ ПИНТУС

"План Лазаря" – роман известного американского писателя боснийского происхождения АЛЕКСАНДРА ХЕМАНА, удостоенный двух высших национальных литературных премий США. Трагическая история молодого еврейского иммигранта, приехавшего из Восточной Европы в Чикаго 1900-х годов, захватывает начинающего писателя, тоже еще "нового" гражданина США. Человеческое горе и тонкий юмор, беззащитность и сила характеров, ранее непонятая глава из истории иммигрантов и реалии современной Америки и охваченной войной бывшей Югославии. Одна из тех книг, что не отвечает на вопросы, а заставляет их задавать. Самому себе прежде всего.

В рубрике "Документальная проза" очерк нашего соотечественника, живущего в Америке, АЛЕКСАНДРА СТЕСИНА "Вернись и возьми" – быт современной американской больницы.

Роман современного британского прозаика АДАМА ФОУЛДЗА "Сужающийся лабиринт" – трагическая история жизни и творчества английского "поэта-пахаря" XIX века Джона Клэра.

"Ангелы на каждый день" – история о людях и ангелах. "Это книжка обо всех нас, чье время давно отмеряно, однако мы ведем себя так, будто нам дано жить здесь вечно", – так характеризует свою повесть МИХАЛ ВИВЕГ, самый читаемый чешский писатель.

В рубрике "Литературный гид" впервые по-русски записные книжки, письма, эссе классика американской литературы ГЕНРИ ДЖЕЙМСА.

Подписаться на журнал
можно во всех отделениях связи России.
Подписной индекс 70394 (на полгода).

Электронная подписка:
через ОАО Агентство "Роспечать" – www.presscafe.ru
через компанию "Интер-почта" – www.interpochta.ru
Тел. (495) 5000060 или 7880060

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2010, №11, 1-288

ISSN 0130-6545 10011
9 770130 654770